

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная
ЕВРОПА

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

2 (109) март-апрель 2022 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария),
РОГОВ С.М. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С.А. ЗАБЕЛИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ, Р.О. ОРЕСТОВ, А.А. РОЖИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю., МИРОНЕНКО В.И.,
НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМИРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL

EST. JANUARY 2000

CONTENTS

TIMOSHENKOVA E. A. Merkel's Leadership Lessons: The Secret of Political Longevity (2013–2021) • **GUSELETOV B.** The Political Role of the 9th European Parliament • **TARASOVA E., BALYAKIN A.** Research Infrastructure as a Tool for Scientific Integration: Experience of the European Union • **GRIGOREVA O., PLYUSNIN N.** Constructing the “Global Britain” Identity in the Foreign Policy Strategy of Boris Johnson • **BAKHLOVA O., BAKHLOV I.** External Challenges and Threats to the Union State of Belarus and Russia: the European Vector • **PILGUN E.** Comparative Analysis of “Soft Power” Tools in the Belarusian Higher Education • **BAZHAN A.** Acceleration of Inflation in the EU and Russia • **TYAGLOV S., SHEVELEVA A.** Formation of Green Clusters: the Experience of European Countries and the Russia • **ORLOV A.** Trends in the Evolution of the Party System in Spain in the Post-Franco Period • **EGOROV S.** Legitimation of Business Activities in the Language of Modern Protestants • **BAZARKINA D.** Countermeasures for Hybrid Threats: EU and Its Member States Experience • **DAVLETGILDEEV R., VASHURINA E., TSYGANTSOVA S.** Research Cooperation between EU and EAEU Member States • **NOSOV M.** Jesuits Open Japan for Europe (1542–1597) • **ROZHIN A.** Criminal Persecution of NGOs in EU in the Context of Migrant Crisis • **ISLAMOVI D.** Gender Equality Strategy 2020–2025: First Steps towards a Practical Implementation • **ANDREEVA E.** Perspectives of German “Hidden Champions” in the Context of Activation of Chinese Economy

INHALT

TIMOSHENKOVA E. Lehren der Führung von A. Merkel: Geheimnis der politischen Langlebigkeit (2013–2021) • **GUSELETOV B.** Politische Rolle des 9. Europäischen Parlamentes • **TARASOVA E., BALJAKIN A.** Forschungsinfrastruktur als Werkzeug der wissenschaftlichen Integration: Erfahrung von EU • **GRIGORJEVA O., PLJUSNIN N.** Bild der globalen Großbritannien in der Politik von Boris Johnson • **BAHLOVA O., BAHLOV I.** Externe Herausforderungen und Bedrohungen für dem unierten Staaten von Russland und Weißrussland: europäischer Vektor • **PILGUN E.** Vergleichende Analyse der Instrumente der „Soft Power“ in belarussischer Hochschulbildung • **BAZHAN A.** Beschleunigung der Inflation in EU und Russland • **TJAGLOV S., SCHEVELEVA A.** Formierung der grünen Cluster: Erfahrung von europäischen Ländern und Russland • **ORLOV A.** Trends der Evolution von Parteiensystem in Spanien während der Nach-Franco-Zeit • **BAZARKINA D.** Praxis der Widerstand zu den hybriden Bedrohungen: Erfahrung von Europäischen Union and EU-Mitgliedsstaaten • **DAVLETGILDEEV R., VASCHURINA E., TSYGANTSOVA S.** Forschungszusammenarbeit der EU und EAWU-Mitgliedsstaaten • **EGOROV S.** Legitimation des Unternehmertums in der Sprache der heutigen Protestanten • **NOSOV M.** Jesuiten eröffnen Japan für Europa (1542–1597) • **ROZHIN A.** Strafrechtliche Verfolgung von Nichtregierungsorganisationen in der EU angesichts der Flüchtlingskrise • **ISLAMOVI D.** Politik der Geschlechtergleichheit in EU: erste Schritte zur praktischen Umsetzung • **ANDREEVA E.** Aussichten der deutschen „versteckten Champions“ angesichts der Aktivierung von der chinesischen Wirtschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

- Тимошенко Е.П.* Уроки лидерства А. Меркель: секрет политического долгожительства (2013–2021 гг.) 5
- Гуселетов Б.П.* Политическая роль Европейского парламента IX созыва 20
- Тарасова Е.В., Балякин А.А.* Исследовательские инфраструктуры как инструмент научной интеграции: опыт Евросоюза 33
- Григорьева О.В., Плюснин Н.О.* Конструирование образа «Глобальной Британии» во внешнеполитической стратегии Б. Джонсона 45
- Бахлова О.В., Бахлов И.В.* Внешние вызовы и угрозы для Союзного государства Белоруссии и России: европейский вектор 58
- Пильгун Е.В.* Сравнительный анализ инструментов «мягкой силы» в высшем образовании Беларуси 71

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

- Бажан А.И.* Ускорение инфляции в ЕС и России 85
- Тяглов С.Г., Шевелева А.В.* Формирование зеленых кластеров: опыт европейских стран и России 100

ПАРТИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

- Орлов А.А.* Тенденции эволюции партийной системы Испании в постфранкистский период 117

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

- Базаркина Д.Ю.* Практика противодействия гибридным угрозам: опыт Европейского союза и его государств-членов 132

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Давлетгильдеев Р.Ш., Вашурина Е.В., Цыганцова С.И. Научное
сотрудничество ЕС и государств-членов ЕАЭС 145

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

Егоров С.Ю. Легитимация предпринимательской деятельности в языке
современных протестантов в англоязычном мире и России 159

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Носов М.Г. Иезуиты открывают Японию для Европы (1542–1597) 176

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Рожин А.А. Уголовное преследование НПО в ЕС в контексте
миграционного кризиса 193

Исламов Д.Р. Стратегия гендерного равенства ЕС: первые шаги
к практической реализации 205

РЕЦЕНЗИИ

Андреева Е.Л. Перспективы немецких «скрытых чемпионов»
в контексте активизации китайской экономики 215

IN MEMORIAM

Памяти А.А. Галкина 219

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

УДК 327

УРОКИ ЛИДЕРСТВА А. МЕРКЕЛЬ: СЕКРЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВА (2013–2021 гг.)¹

© 2022 **ТИМОШЕНКОВА Екатерина Петровна***

Кандидат исторических наук

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

***E-mail:** *katerinatim@mail.ru*

Поступила в редакцию 23.10.2021

После доработки 19.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. Статья посвящена изучению феномена политического долгожительства канцлера ФРГ А. Меркель. Предметом исследования стал второй период ее канцлерства (2013–2021 гг.). Автор подробно проанализировал объективные факторы и личные качества, которые помогли А. Меркель выиграть выборы 2013 г. и 2017 г., преодолеть снижение популярности и объективную усталость избирателей от ее правления, пройти через кризисы, включая миграционный и пандемии COVID-19. Акцент сделан на трансформации тактики и стратегии первой женщины-канцлера в зависимости от изменений внутривнутриполитических условий. Описаны инструменты, с помощью которых А. Меркель выстроила имидж надпартийного лидера нации. Решение о приеме беженцев стало поворотным в карьере А. Меркель. Автор уделяет особое внимание тем способам, которые помогли ей сохранить канцлерство. Сделан вывод, что А. Меркель разработала свой особый метод обеспечения власти и поддержания нужного ей имиджа. Главный секрет ее успеха, по мнению автора, не применение силы, а быстрая обучаемость и адаптация, в основе которых лежит инстинкт политического выживания.

Ключевые слова: лидерство, власть, выборы, канцлер, ФРГ, А. Меркель, «народные партии», оппозиция, миграционный кризис, COVID-19, риторика успеха, демократия, имидж.

DOI: 10.31857/S0201708322020012

¹ Статья является продолжением исследования различных аспектов лидерства канцлерин. См.: Тимошенко Е.П. «Формула власти» канцлера А. Меркель: становление (2005–2013 гг.). Современная Европа, 2021, № 5, с. 161–171. DOI: 10.15211/soveurope52021161171

Ангела Меркель – политический долгожитель. Она возглавляла правительство ФРГ 16 лет с 2005 по 2021 г. До нее на вершине власти так долго был только Г. Коль, вошедший в историю Германии как канцлер–объединитель страны. Четыре раза немецкие граждане голосовали за А. Меркель и ХДС. В благоприятные моменты политической карьеры ей было достаточно трех слов – «вы меня знаете» – для победы на выборах. В трудное время хватило одной фразы – «мы справимся», чтобы расколоть немецкое общество и вызвать ненависть к себе и миграционному курсу у значительной части граждан.

По мнению Йошки Фишера, бывшего министра иностранных дел красно-зеленого кабинета Г. Шредера (1998–2005 гг.), А. Меркель испортила свое «рандеву с историей» с началом кризиса евро¹. Однако за время пребывания на посту канцлера ФРГ у А. Меркель в отличие от ее предшественников состоялась не одна, а несколько значимых «встреч с историей»: банковский кризис 2008 г., кризис евро 2010 г., миграционные события 2015 г., пандемия COVID-19. Каждый раз речь шла об особых проблемах, требующих принятия быстрых, далеко идущих стратегических решений в отсутствие готовых рецептов. Все эти драмы происходили не на уровне национального государства, а на мировой арене. Проверенных инструментов, которые могли бы использовать политики, не существовало. Фактически А. Меркель пришлось стать «политиком-пожарным».

В ноябре 2015 г. в речи, посвященной памяти немецкого канцлера Г. Шмидта (СДПГ), А. Меркель отметила, что «достижения этого политика особенно заметны по тому, как он справлялся с кризисами» [Bollmann, 2021: 11]. Этот критерий применим к самой А. Меркель. Международные кризисы изменили не только подход канцлерин к управлению страной, ее стиль и изначальные цели, но и положение Германии в мире. На протяжении многих десятилетий немецкое правительство стремилось не остаться в одиночестве на международной арене. Однако кризис евро, который выявил экономическую слабость Франции, выход Британии из ЕС, отказ США от военно-моральной руководящей роли Запада, постепенный при президентстве Б. Обамы и разрушительный при Д. Трампе, опасность войны на Украине вывели ФРГ на новый уровень политического влияния, повысив ее значение в Европе и мире. Именно имидж А. Меркель – скромного открытого лидера, готового к компромиссам и крепко стоящего на ногах – помог соседям Германии принять ее новую роль. В сложившихся условиях канцлерин удалось добиться максимума из возможного для своей страны, используя при этом минимум внешнего доминирования.

Иностранные наблюдатели начали анализировать феномен долгожительства А. Меркель раньше немецких политологов и более пристально [Florence A. 2017; Braun M. 2015; Bunelli R. 2013; Gastronovo V. 2014; Grawford A., Czuczka T. 2013;

¹ Ex-Außenminister über die Kanzlerin: Joschka Fischer: Merkel hat's versemmt, 21.05.2010, URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/ex-aussenminister-ueber-die-kanzlerin-joschka-fischer-merkel-hat-s-versemmt-1.947223> (дата обращения: 15.10.2021)

Qvortrup M. 2017; Renterghem M. 2021; Schramm Ju. 2016], чем их коллеги, которые, вероятно, считали, что к третьему избирательному периоду изучили канцлерин досконально [Bollmann R., 2013; Meng R., 2006; Heckel M., 2009; Languth G., 2005; Mishra R., 2010; Stock W., 2005]. Однако политика «открытых дверей» для мигрантов в 2015 г. оказалась для многих экспертов неожиданной. Значительная часть современных исследований в Германии приходится на этот период и посвящена анализу причин, побудивших А. Меркель принять огромный поток беженцев, а также трансформации ее лидерства после этих событий [Alexander R., 2017; Кнаус G., 2020; Münkler H., Münkler M., 2016]. В российской политологии можно выделить два научных центра, которые последовательно анализируют внутреннюю и внешнюю политику А. Меркель: Институт Европы РАН и Институт мировой экономики и международных отношений РАН [Современная Германия. 2015; Экономика и политика Германии. 2019; Партийно-политическая система Германии. 2020; Васильев В., Международная жизнь. 2018. № 9: 47–64; Васильев В., МЭ и МО, 2021, № 9: 43–55; Кокеев А., МЭ и МО, 2021, № 9: 56–68; Хорольская М., МЭ и МО, 2021, № 9: 25–33; Тимофеев П., Хорольская М., МЭ и МО, 2021, т. 65, № 8: 72–80; Басов Ф., 2019: 56–62]. Особого внимания заслуживают труды д.и.н. Н.В. Павлова и А.А. Деревянченко [Павлов Н., *Historia provinciae*. 2018. Т. 2. № 2: С. 80–90; Павлов Н., *Полис*. 2019. № 6: С. 22 – 35; Павлов Н., 2018; Деревянченко А., 2017].

Спорное решение 2015 г. привело к постепенной утрате силы и популярности А. Меркель. После вынужденного повтора «большой коалиции» по итогам выборов в бундестаг в 2017 г. и добровольного отказа от должности председателя ХДС (2018 г.) многие политологи предрекали ей досрочный уход с поста канцлера [Alexander R., 2021; Hebel M., 2018; Levitsky S., Ziblatt D., 2018].

Ослабление властного ресурса и обещание уйти из политики по завершении четвертого срока полномочий привели к тому, что, с одной стороны, А. Меркель превратилась в «хромую утку». С другой стороны, накопленный международный авторитет и отсутствие необходимости соревноваться в пятый раз предоставили ей большую свободу действий. Неслучайно в 2017 г. после избрания в США президентом непредсказуемого Д. Трампа мировая общественность признала немецкого канцлера главной защитницей демократии и западных ценностей¹.

В данной статье анализируются методы закрепления канцлерин на политическом олимпе Германии, трансформация ее имиджа и решения, которые способствовали сохранению власти на протяжении последних легислатурных периодов. Внешнеполитические сюжеты деятельности А. Меркель в исследование не вошли, так как являются отдельной темой для изучения.

¹ Angela Merkel is now the leader of the free world, not Donald Trump. Sunny Hundal, 1 February 2017, URL: <https://www.independent.co.uk/voices/angela-merkel-donald-trump-democracy-freedom-of-press-a7556986.html>; Harvard. Merkel-Rede gegen Trump. Deutschlandfunk. 31.05.2019. URL: <https://www.deutschlandfunk.de/harvard-merkel-rede-gegen-trump-100.html>. (дата обращения: 15.10.2021)

А. Меркель – заложница собственной модели успеха (2013–2017 гг.)

Выборы 2013 г. стали вершиной успеха А. Меркель и ХДС. Вместе с ХСС христианские демократы получили рекордные 41,5% голосов. Эта избирательная кампания, как и предыдущая, опиралась на имидж канцлерин как опытного и предсказуемого политика. А. Меркель убедилась, что главное условие для победы на выборах – это спокойствие граждан и их уверенность в завтрашнем дне. Поэтому основной ее задачей стало минимизировать риски и сохранить уже достигнутое. Принцип А. Меркель – «вы меня знаете» – сработал. Однако высоких результатов ХДС/ХСС не хватило для создания правительственного большинства. СвДП не смогла преодолеть 5-процентный избирательный барьер и впервые в истории не вошла в бундестаг. Пребывание в правительстве под руководством А. Меркель не позволило ей реализовать свои предвыборные обещания, а тактика жесткого давления на канцлера, которую использовали либералы, способствовала созданию образа ненадежного и скандального партнера. В результате ХДС/ХСС вновь образовали «большую коалицию» с СДПГ.

Таким образом, за первый период своего канцлерства (2005–2013 гг.) А. Меркель в совершенстве овладела техниками «асимметричной демобилизации» и «мягкого поглощения» конкурентов [Schumacher, 2006: 71]. Первая предполагает адаптацию основных предвыборных лозунгов соперников и их внедрение в программу ХДС. Для второй характерен тактический выход из ситуаций. А. Меркель можно сравнить с борцом – сумоистом, который не бросает своего соперника на землю с силой, а уклоняется от него так умело, что энергичный противник падает сам. Ее сдержанность и уход от открытого конфликта наблюдатели и участники политического процесса часто интерпретировали как бездействие [Blome, 2013: 10]. Поэтому победы выглядели неожиданными.

Минимум риска и поводов для критики – принцип, который А. Меркель успешно использовала на выборах и прочно внедрила во внутреннюю политику. Она стремилась уйти от публичного обсуждения не только острых тем, но и тех, в которых мог содержаться конфликтный потенциал. Например, канцлерин редко посещала немецкие войска и полицию, хотя регулярно приглашала их представителей на встречи. При этом она избегала фотографироваться на фоне военной техники и всегда подчеркивала, что главная цель этих структур – поддержание мира и порядка [Alexander, 2018: 17]. Другой чувствительной темой была миграция.

В середине 2014 г. доверенная сотрудница А. Меркель Ева Кристиансен, руководитель штаба «по политическому планированию, основным вопросам и особым поручениям», пригласила трех специалистов по психологии коллективного поведения с целью разработать рекомендации, как лучше взаимодействовать с гражданами для их же собственного блага. В результате появилась концепция «гражданского диалога», главный девиз которого: «хорошо жить в Германии» [Alexander, 2018: 25]. Это стало широкомасштабной попыткой ведомства канцлера представить А. Меркель в роли надпартийного лидера, «матери немецкой нации», которая беспо-

коится о своих гражданах, проявляет сочувствие и знает о всех проблемах независимо от их масштаба.

Успех А. Меркель по завоеванию симпатий общества и демобилизации конкурентов был настолько убедителен, что в июне 2015 г. социал-демократы серьезно обсуждали возможность отказа от выдвижения своего кандидата на пост канцлера на следующих выборах, т.к. не видели шансов на победу [Bannas, 2019: 46]. Ситуация резко изменилась в сентябре. А. Меркель из самого популярного политика моментально превратилась в самую спорную политическую фигуру Германии. Исследователи до сих пор задают вопрос, что заставило канцлерин открыть государственные границы для более миллиона беженцев и иммигрантов, среди которых доля бежавших от войны в Сирии и обладающих правом на политическое убежище была незначительна¹. Объяснения различны: А. Меркель пожелала войти в историю как великий гуманист и спасатель; ею руководили экономические расчеты, т.к. немецкое рыночное хозяйство нуждалось в притоке иностранной силы; она надеялась улучшить имидж Германии, развязавшей две мировые войны; сыграли роль ее христианское воспитание и женская склонность к сопереживанию; канцлер оказалась недалёковидной и совершенно не понимала, к каким последствиям приведет ее решение [Resing V., 2017: 123; Knaus G., 2020: 7].

Есть еще одна заслуживающая внимания версия, согласно которой А. Меркель оказалась заложницей своих же принципов и стиля управления. Став канцлером ФРГ, она долгое время старательно избегала публичного выражения своего отношения к теме миграции. Все же 31 октября 2014 г. в День Реформации во время выступления в церкви Марии Магдалины в Темплине (земля Бранденбург) А. Меркель пришлось ответить на вопрос, как христианская политика соотносится с высылкой семей иммигрантов, хорошо интегрированных в немецкое общество. По мнению канцлерин, такая мера не христианская лишь на первый взгляд, еще хуже было бы принять многих, лишив тем самым возможности тех, кто действительно нуждается в защите [Alexander, 2018: 27, 29].

Начало миграционного кризиса 2015 г. не повлияло на стратегию А. Меркель. Она по-прежнему старалась максимально дистанцироваться от этой темы, не поддаваясь нажиму общественности и СМИ, которые требовали от нее озвучить своё отношение и как минимум посетить центр для мигрантов. Летом 2015 г. с беженцами встретился президент ФРГ Й. Гаук, на эту тему выступили министр иностранных дел Ф.-В. Штайнмайер (СДПГ), министр по труду А. Наллес (СДПГ). Канцлерин продолжала молчать. Своё бездействие она объяснила в частной беседе следующим образом: «Меня выбрали бундесканцлером для решения проблем. Если я приеду туда (имеется ввиду, центр для беженцев. – Прим. авт.), то у меня должно быть решение» [Alexander, 2018: 29].

¹ В 2015 г. Германия была вынуждена принять в течение года 1,1 млн беженцев, из которых 476 649 человек подали заявления о предоставлении убежища. Подробнее анализ миграционной политики А. Меркель см. в: Германия. 2015. Часть II. Доклады Института Европы, № 328, Москва, 2016, главы 9–10, С. 30–55.

Однако 15 июля 2015 г. при посещении школы в Ростоке она оказалась в сложной ситуации прямо перед камерами журналистов. 14-летняя девочка, родившаяся в палестинском лагере для беженцев, призналась со слезами, что больше всего боится покинуть Германию, поскольку у ее семьи нет права остаться. Таким образом Меркель оказалась перед дилеммой: поддержать имидж заботливой и сердечной женщины, над которым она усердно работала в последнее время, или остаться главой правительства и встать на сторону чиновников, принявших такое решение. Сначала она попыталась успокоить девочку. Но затем ответила: «Если мы сейчас скажем, что вы все можете приехать, и вы действительно все приедете из Африки, то мы рискуем с этим не справиться» [Alexander, 2018: 31]. Кадры разговора облетели многие СМИ. Канцлерин обвинили в холодности и цинизме не только отечественные, но и иностранные издания. Видео сцены стало самым просматриваемым в интернете. Журнал «Штерн» назвал Меркель «холодной королевой»¹. Ее честная реакция на слова девочки угрожала превратиться в имиджевую катастрофу и разбить сразу два образа: компетентного канцлера, у которого всегда есть решение, и заботливого, человеческого лидера.

За время работы в правительстве А. Меркель привыкла начинать каждую неделю с анализа статистики о том, что волнует немецкое общество. Это помогало ей принимать решения и вовремя реагировать на события. После инцидента на встрече со школьниками 81% опрошенных немцев были уверены в эмоциональной холодности канцлера [Alexander, 2018: 33]. При этом в стране участились случаи нападения на лагеря беженцев, что использовала в своих целях не только оппозиция, но и вице-канцлер З. Габриэль. Общество и политики настойчиво требовали от А. Меркель прервать молчание и высказать свое мнение. На решение канцлерин открыть границы для беженцев в конце августа – начале сентября 2015 г. повлияли следующие факторы: скорость нарастания проблемы, огромное общественное давление, отсутствие единой позиции в правительстве, страх потерять авторитет и поддержку избирателей.

Последствия этого решения изменили Германию и раскололи немецкое общество. Рост праворадикальных настроений, огромные демонстрации против мигрантов, проблемы интеграции беженцев, взлет партии «Альтернатива для Германии», провалы ХДС на земельных выборах, утрата личного авторитета канцлерин и угроза вотума конструктивного недоверия со стороны своих же соратников привели к тому, что уже в декабре 2016 г. А. Меркель официально заявила на съезде ХДС: «Ситуация конца лета 2015 г. не должна повториться. Эту тяжелую гуманитарную ситуацию можно было побороть и взять под контроль только теми методами, кото-

¹ «Die Eiskönigin – wie Angela Merkel zur meistgefürchteten Frau Europas wurde. Unser Thema im aktuellen stern. /jr <http://t.co/uFwjryeCG6>» / Твиттер (twitter.com); «Stern punktet mit "Eiskönigin" Merkel, Spiegel mit "Versichert und verraten", URL: <https://meedia.de/2015/08/18/stern-punktet-mit-eiskoeningin-merkel-spiegel-mit-versichert-und-verraten/> (дата обращения: 15.10.2021)

рые мы применили. 2015 год навсегда останется выдающимся достижением нашей страны»¹.

Последние испытания (2017–2021 гг.)

Лейтмотивом избирательной кампании 2017 г. стало обещание А. Меркель, что «великое достижение Германии 2015 г. больше не повторится». Поток беженцев в результате предпринятых правительством мер значительно снизился. Канцлерин пережила этот кризис и вновь выиграла выборы. Фактически ее решение баллотироваться в четвертый раз было продиктовано не стремлением к переменам, а желанием закрепить достигнутое. Ее переизбрание не превратилось в триумф, а образование правительственной коалиции проходило так трудно, как никогда еще в истории Германии. А. Меркель понадобилось около полугода, чтобы сформировать правительство². При этом первый раунд переговоров, в котором участвовали ХДС/ХСС, «Союз 90/Зеленые» и СвДП провалился. Будучи лидером в ЕС, Германия не могла позволить себе долго отвлекаться на внутренние дела. Новые выборы с большой вероятностью принесли бы еще больше голосов праворадикальной партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), которую А. Меркель на следующий день после победы признала главным вызовом своего четвертого канцлерства.

Образование правительства меньшинства затруднило бы принятие законов в бундестаге и, следовательно, управление страной. Однако ни одна из партий-потенциальных партнеров не спешила помочь канцлерин в этой сложной ситуации. Либералы и социальные демократы на собственном опыте убедились, что участие в правительственных коалициях привело к ослаблению их партий и утрате доверия избирателей. В сложившемся положении А. Меркель во многом оказалась виновата сама. С одной стороны, ее действия как председателя ХДС по завоеванию политического центра общества и безальтернативность канцлерского курса способствовали созданию на правом фланге АдГ, отобравшей голоса у традиционных партий. С другой стороны, стиль управления А. Меркель в коалициях дестабилизировал ее партнеров, которые опасались повторения негативных последствий. Положение спас президент ФРГ Ф.-В. Штайнмайер, оказав давление на СДПГ. В итоге канцлерин вновь возглавила «большую коалицию», раздираемую противоречиями со всех сторон, в том числе со стороны своего главного союзника ХСС.

Кризисное состояние правительства, проигрыши христианских демократов на земельных выборах и падение собственного авторитета в партии вынудили А. Мер-

¹ CDU-Parteitag: Rede von Angela Merkel am 06.12.2016, <https://www.youtube.com/watch?v=rUqZHSK7Rt4>; «CDU-Parteitag: Versöhnung mit Schönheitsfehler», 6.12.2016, URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2016-12/cdu-parteitag-angela-merkel-rede-wahl?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.de%2F (дата обращения: 15.10.2021)

² В результате выборов 24 сентября 2017 г. союз ХДС/ХСС получил 37,2% голосов, из них ХДС – 30,2%, ХСС – 7%. Коалиционное соглашение ХДС/ХСС и СДПГ было подписано 12 марта 2018 г.

кель заявить 29 октября 2018 г. о добровольном уходе с поста председателя ХДС. Тем самым она нарушила свой основной принцип сохранения лидерства – сосредоточение в одних руках руководства партией и правительством. По признанию А. Меркель, именно деградация власти ее первого соперника Г. Шредера стала для нее серьезным уроком [Blome, 2013:108]. В отличие от своего предшественника канцлерин никогда не рисковала своими полномочиями и не поддавалась давлению общественности независимо от уровня личных рейтингов и результатов партии. Однако в этой ситуации она решила пожертвовать меньшим ради сохранения большего. Меркель осталась верна своему инстинкту политического выживания. При этом канцлерин пообещала уйти из политики в 2021 г. и больше не баллотироваться. Предпринятые действия позволили ей укрепить свой авторитет и снизить накал напряженности. Если в июле 2018 г. 78% населения Германии были недовольны работой правительства, а личный рейтинг доверия А. Меркель составлял 48%, то уже в декабре 2018 г. этот показатель вырос до 57%¹.

Снижение авторитета канцлерин отразилось на поведении ее соратников. Так, лидер ХСС и премьер-министр Баварии М. Зёдер в целях укрепления собственного имиджа избегал совместных фотографий с А. Меркель [Bollmann, 2021: 681]. Близость к ее взглядам, политическому курсу и стилю управления превратилась в противоречивый бонус для ее преемников, которым было необходимо дистанцироваться от канцлерин и одновременно поддерживать устойчивость системы. Укрепить свое лидерство и вернуть доверие немецких граждан А. Меркель помогла ситуация с коронавирусом. Ее всегда воспринимали как хорошего кризисного менеджера. Борьба с пандемией позволила ей проявить свои сильные качества: внешнее спокойствие, научный и вместе с тем человечный подход к решению проблемы.

Речь А. Меркель перед депутатами бундестага во время второй волны заболевания 30 сентября 2020 г. стала одной из самых лучших в ее карьере. В ней канцлерин не только использовала выработанные и отшлифованные приемы риторики (императив, предупреждение, личное сопереживание, эмоциональность в сочетании с прагматизмом), но и продемонстрировала свое понимание политики: она предлагает руководящие принципы, а гражданское общество следует им. Ключевой механизм такого взаимодействия – ответственность каждого. «Потому что все правила, постановления, все меры бесполезны, если они не принимаются и не соблюдаются людьми. Поэтому мы должны говорить (...) слова, которые достигнут как можно большего количества людей...Мы все должны объяснять опасность и привлечь внимание к сложной ситуации, которую несет с собой холодное время года...Я думаю, мы все хотим жить той жизнью, которую мы знали... Но в настоящее время мы рискуем всем... Мы не должны допустить (...), чтобы умирающий был вынужден умирать совсем один в больнице или в доме престарелых, потому что любящие

¹ ARD-DeutschlandTrend.

URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/deutschlandtrend-1279.html>; Infografik: (Un)zufrieden mit der Kanzlerin?

URL: <https://de.statista.com/infografik/14253/politikerzufriedenheit-angela-merkel/> (дата обращения: 20.07.2021)

его люди не могут попрощаться с ним, не могут протянуть ему руку»¹, – такой эмоциональной и убедительной А. Меркель не была с выступления в 2000 г. на съезде ХДС, в котором призывала к возрождению партии после ухода Г. Коля.

Исторический парадокс заключается в том, что в своей первой важной речи, поднявшей ее на политический олимп, А. Меркель оперировала к правам и свободам граждан, а в конце своего правления она была вынуждена обосновывать необходимость их ограничения. Немецкие избиратели позитивно оценили действия правительства по борьбе с коронавирусом и личный вклад канцлерин. Вопреки некоторым издержкам и критике политического менеджмента А. Меркель, 84% граждан были уверены в марте 2021 г., что канцлерин справится с кризисом и останется на своем посту до истечения полномочий. В июле ее личный рейтинг доверия вырос до 83% – лучший показатель среди немецких политиков². Таким образом, А. Меркель сумела преодолеть внутривнутриполитические кризисы, выпавшие на ее 16-летний период канцлерства, и остаться политиком номер один в Германии, несмотря на все трудности четвертого легислатурного периода.

Заключение

Масштаб политика определяется тем, насколько он соответствует своему времени. Во времена канцлерства А. Меркель привычный и устойчивый мир стал стремительно меняться. Во внешней политике началась трансформация послевоенного устройства, во внутренней неожиданное влияние на привычный образ жизни оказала пандемия. Пережив крушение ГДР в 1989/1990 г., она, вероятно, лучше других западных коллег оказалась подготовлена к современным вызовам.

А. Меркель начинала руководить страной как «канцлер перемен», но быстро поняла, что консервативный немецкий избиратель боится резких изменений. Поэтому старалась не навязывать ему радикальных реформ. Исключение составили отмена всеобщей воинской повинности и отказ от атомной энергетики. Но и здесь она действовала скорее вынужденно, следуя настроениям своих граждан. Эта гармония закончилась в 2015 г. приемом большого количества беженцев. Меркель не могла дольше ограждать Германию от мировых проблем и вступила в конфликт, суть которого состоит в выборе между интересами национальной безопасности и открытостью миру.

Главными принципами А. Меркель в политике стали прагматизм и минимум риска. Она старалась не связывать политические проекты правительства с личным авторитетом. Ее основная стратегия – «асимметричная демобилизация», цель которой – сформировать у избирателей позитивные ассоциации. Это умение она пре-

¹ Цит. по: Frank Hartmann. Merkels Rhetorik. Worte auf der Goldwaage. URL: <https://www.politik-kommunikation.de/ressorts/artikel/worte-auf-der-goldwaage-363547423> (дата обращения: 20.07.2021)

² Umfrage zum Verbleib von Angela Merkel als Bundeskanzlerin bis September 2021, URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1224901/umfrage/umfrage-zum-verbleib-von-angela-merkel-als-bundeskanzlerin/> (дата обращения: 20.07.2021)

вратила в серьезное оружие против оппозиции. Меркель стремилась избегать поводов для критики и уклонялась от прямых столкновений. Даже будучи на грани импичмента, она не решилась применить «канцлерские компетенции» и отправить строптивого министра внутренних дел Х. Зеехофера в отставку в 2018 г. Фактически Г. Коля оказался единственным политиком в ее карьере, против которого она выступила открыто и решительно¹. Независимо от мотивов, это решение оказалось для А. Меркель оправданным и обеспечило ей карьерный взлет. Борьбу с другими соперниками внутри собственной партии она вела аккуратно и тихо. Одних она отправляла, как федерального министра экологии Р. Рётгена в 2012 г., покорять земельные выборы. Другим давала возможность усмирить свой пыл на министерском поприще: так, два главных критика ее политического курса – Х. Зеехофер и Й. Шпан – получили в 2017 г. портфели министров внутренних дел и здравоохранения соответственно. Решения, на которые ей не удавалось повлиять, она представляла как консенсусные и одобренные лично. Хотя со стороны, подобные действия могут интерпретироваться как уступки и проявление слабости, пример А. Меркель доказывает, что в современном демократическом обществе секрет политического долгожительства заключается не в применении силы и продавливании позиции других, а в умении использовать вынужденные отступления в своих целях, находить в них плюсы и превращать в успешные стратегии.

Способность А. Меркель выдавать заслуги и результаты деятельности коалиционных правительств за её собственные решения и достижения серьезно ослабляли партнеров, одновременно способствуя укреплению её авторитета. Результаты избирательных кампаний показывают, что ей удавалось оставаться на посту, несмотря на существенные потери и поражения ХДС. Это противоречит распространенному мнению, что избиратели воспринимают партии и кандидатов в совокупности. Меркель удалось создать имидж надпартийного политика благодаря эффективной модерации и способности к компромиссам. Решающим фактором сохранения власти стал ее стиль руководства, который гарантировал избирателям, что она обязательно найдет правильное решение и добьётся консенсуса.

За 16 лет канцлерства имидж Меркель претерпел серьезные трансформации. Ее называли «политическим убийцей», сравнивали с М. Тэтчер, считали вдовой и обвиняли в отсутствии целей, восхищались умением находить компромиссы и проходить через кризисы, признавали канцлером с «твердой рукой», прагматиком, прочно стоящим на земле². Постоянной величиной оказалось одно – ее способность быстро меняться. Обучаемость и научно-прагматичный подход стали главным секретом ее успеха. Политик А. Меркель побеждала все эти годы, потому что эффек-

¹ Имеются в виду открытое письмо А. Меркель в *Frankfurter Allgemeine Zeitung* в 1999 г. и ее речь на съезде ХДС 10 апреля 2000 г., в которых она призвала к обновлению партии после обвинения ее председателя Г. Коля в коррупции – сокрытии источников финансирования ХДС. (Прим. авт.)

² Подробнее об оценках лидерских качеств А. Меркель см.: Тимошенко Е. «Формула власти» канцлера А. Меркель: становление (2005–2013 гг.). *Современная Европа*, 2021, № 5, с. 161–171. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021161171>

тивно применяла к политическим процессам теорию эволюции Дарвина, согласно которой выживание обеспечивает не сила, а способность к адаптации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Басов Ф. (2019) Выборы председателя ХДС – важнейшее событие в процессе передачи власти в ФРГ. Экономика и политика Германии: через год после выборов. *Доклады Института Европы* № 360. Под ред. Е.П. Тимошенко. ИЕ РАН, Москва. С. 56–62.

Васильев В. (2021) Германия и Европейский союз после эпохи канцлера А. Меркель. *Мировая экономика и международная политика (МЭ и МО)*, № 9. С. 43–55.

Васильев В.И. (2018) «Меркализация» СДПГ: отход от «восточной политики» В. Брандта. *Международная жизнь*. № 9. С. 47–64.

Деревянченко А.А. (2017) Три жизни Ангелы Меркель: обычная, пропедевтическая, триумфальная. Политическая и личная биография первой женщины – федерального канцлера. Изд. Ленанд, Москва.

Кокеев А. (2021) ФРГ и трансатлантическая стратегия Байдена: нерешенные проблемы и новые вызовы. *МЭ и МО*, № 9. С. 56–68.

Павлов Н.В. (2018) Меркель 4.0 – это реальность. *Historia provinciae – журнал региональной истории*. Т. 2. № 2. С. 80–90.

Павлов Н.В. (2018) Внешняя политика канцлера А. Меркель (2005–2017), «МГИМО-Университет», Москва.

Павлов Н.В. (2019) Германия после Меркель (Ждать ли изменений во внешней политике ФРГ?). *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 22–35.

Современная Германия. Экономика и политика. (2015) Под ред. В.Б. Белова. ИЕ РАН. Изд. Весь мир, Москва.

Тимофеев П., Хорольская М. (2021) Пандемия COVID-19 как вызов франко-германскому лидерству в ЕС. *МЭ и МО*. Т. 65, № 8. С. 72–80.

Тимошенко Е.П. (2020) Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.), *Доклады Института Европы* № 369, ИЕ РАН, Москва.

Тимошенко Е.П. (2021) «Формула власти» канцлера А. Меркель: становление (2005–2013 гг.). *Современная Европа*, № 5. С. 161–171. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021161171>.

Хорольская М. (2021) Ведущие немецкие партии в преддверии выборов в Бундестаг. *МЭ и МО*, № 9. С. 25–33.

Экономика и политика Германии: через год после выборов. (2019) *Доклады Института Европы* № 360. Под ред. Е.П. Тимошенко, ИЕ РАН, Москва.

Alexander R. (2017) Die Getriebenen. Merkel und Flüchtlingspolitik: Report aus dem Inneren der Macht. München.

Alexander R. (2021) Merkels Ende und das Drama der deutschen Politik. München.

Bannas G. (2019) Machtverschiebung. Wie die Berliner Republik unsere Politik verändert hat. Berlin.

Blome N. (2013) Angela Merkel. Die Zauder-Künstlerin. München.

Bollmann R. (2013) Die Deutsche, Angela Merkel und wir. Stuttgart.

Bollmann R. (2021) Die Kanzlerin und ihre Zeit. Biografie. München.

- Braun M. (2015) Mutti. Angela Merkel spiegata agli italiani. Bari.
- Bunelli R. (2013) Angela Merkel. La sfinge. Reggio Emilia.
- «Ex-Außenminister über die Kanzlerin: Joschka Fischer: Merkel hat's versemmelt», Süddeutsche Zeitung, 21.05.2010, URL:<https://www.sueddeutsche.de/politik/ex-aussenminister-ueber-die-kanzlerin-joschka-fischer-merkel-hat-s-versemmelt-1.947223> (дата обращения: 15.10.2021)
- Florence A. (2017) Angela Merkel. Une Allmande comme les autres. Paris.
- Gastronovo V. (2014) La syndrome tedesca. Europa 1989–2014. Bari.
- Grawford A., Czuczka T. (2013) Angela Merkel. A chancellorship forged in crisis. Chichester.
- Hebel M. (2018) Merkel. Bilanz und Erbe der Kanzlerschaft. Frankfurt am Main.
- Heckel M. (2009) So regiert die Kanzlerin. Eine Reportage. München.
- Knaus G. (2020) Welche Grenzen brauchen wir? Zwischen Empathie und Angst – Flucht, Migration und die Zukunft von Asyl. München.
- Kornelius S. (2013) Angela Merkel. Die Kanzlerin und ihre Welt. Hamburg.
- Languth G. (2005) A. Merkel. Aufstieg zur Macht. München.
- Levitsky S., Ziblatt D. (2018) Wie Demokratien sterben. Und was wir dagegen tun können. München.
- Mishra R. (2010) Angela Merkel – Machtworte. Die Standpunkte der Kanzlerin. Herder. Freiburg.
- Münkler H., Münkler M. (2016) Die neuen Deutschen. Ein Land von seiner Zukunft. Berlin.
- Mut zu Zwischentönen, Spiegel, 24.12.2000, URL:<https://www.spiegel.de/politik/mut-zu-zwischentoenen-a-c409d19f-0002-0001-0000-000018124491> (дата обращения: 15.11.2021)
- Qvortrup M. (2017) Angela Merkel. Europe's most Influential Leader. Neuaufgabe.
- Renterghem M. (2016) C' etait Merkel. Paris.
- Resing V. (2017) A. Merkel. Die Protestantin. Ihr Aufstieg, ihre Krisen - und jetzt? Freiburg.
- Schramm Ju. (2021) Fifty Shades of Merkel. Hamburg.
- Schumacher H. (2006) Die zwölf Gesetze der Macht. Angela Merckels Erfolgsgeheimnisse, München.
- Stock W. A. (2005) Merkel. Eine politische Biographie. Olzog, München.
- Ulrich B. „Angela Merkel Neudefinition von Führungsstärke“, Strategic Europe, 22.09.2017. URL: <https://carnegieeurope.eu/2017/09/22/de-pub-73198> (дата обращения: 20.07.2021)

A. Merkel's Leadership Lessons: The Secret of Political Longevity (2013–2021)

E.P. Timoshenkova *

Candidate of Science (History)

*Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 11-3, Mokhovaya street,
Moscow, Russia, 125009.*

***E-mail:** katerinatim@mail.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of the political longevity of German Chancellor A. Merkel. The subject of the study is the second period of her chancellorship (2013–2021). The author analyses what objective factors and personal qualities helped A. Merkel to win the 2013 and 2017 elections, overcome declining personal popularity and objective voter fatigue, and get through crises, including the migration and COVID-19. The article shows how the tactics and strategy of the first female chancellor have transformed in response to changing political conditions. It explores the tools with which A. Merkel built her image as the non-party leader of the nation, and how she became a hostage to the image she created in 2015. The decision to accept refugees was a turning point in Merkel's career. The author pays particular attention to the ways in which she helped to maintain her chancellorship. The conclusion is drawn that A. Merkel has developed her own personal method of securing power and maintaining the image she needs. The main secret of her success is not the use of force, but quick learning and adaptation, based on her instinct for political survival.

Key words: leadership, power, elections, chancellor, FRG, A. Merkel, people's parties, opposition, migration crisis, COVID-19, success rhetoric, democracy, image.

DOI: 10.31857/S0201708322020012

REFERENCES

- Alexander R. (2017) *Die Getriebenen. Merkel und Flüchtlingspolitik: Report aus dem Inneren der Macht.* München.
- Alexander R. (2021) *Merkels Ende und das Drama der deutschen Politik.* München.
- Bannas G. (2019) *Machtverschiebung. Wie die Berliner Republik unsere Politik verändert hat.* Berlin.
- Basov F. *Vybory predsedatelya HDS – vazhneyshee sobytie v processe peredachi vlasti v FRG. Ekonomika i politika Germanii: cherez god posle vyborov.* (2019) *Doklady Instituta Evropy № 360.* Pod red. E.P. Timoshenkovej, pp. 56–62. (in Russian).
- Blome N. (2013) *Angela Merkel. Die Zauder-Künstlerin.* München.
- Bollmann R. (2013) *Die Deutsche, Angela Merkel und wir.* Stuttgart.
- Bollmann R. (2021) *Die Kanzlerin und ihre Zeit. Biografie.* München.
- Braun M. (2015) *Mutti. Angela Merkel spiegate agli italiani.* Bari.
- Bunelli R. (2013) *Angela Merkel. La sfinge.* Reggio Emilia.
- Derevyanchenko A.A. (2017) *Tri zhizni A. Merkel': obychnaya, propedevticheskaya, triumfal'naya. Po-liticheskaya i lichnaya biografiya pervoj zhenshchiny – federal'nogo kanclera [Three lives of A. Merkel: ordinary, propaedeutic, triumphal. Political and personal biography of the first female Federal Chancellor].* Izd. Lenand, Moscow. 288 p. (in Russian).
- Ekonomika i politika Germanii: cherez god posle vyborov [German Economy and Politics: One Year After the Election].* (2019) *Doklady Instituta Evropy No 360.* Pod red. E.P. Timoshenkovej, IE RAN, Moscow. 134 p. (in Russian).

«Ex-Außenminister über die Kanzlerin: Joschka Fischer: Merkel hat's versemmelt», Süddeutsche Zeitung, 21.05.2010, URL:<https://www.sueddeutsche.de/politik/ex-aussenminister-ueber-die-kanzlerin-joschka-fischer-merkel-hat-s-versemmelt-1.947223> (дата обращения: 15.10.2021)

Florence A. (2017) *Angela Merkel. Une Allmande comme les autres*. Paris.

Gastronovo V. (2014) *La syndrome tedesca. Europa 1989–2014*. Bari.

Germaniya. 2015. [Germany. 2015]. (2016) Chast' II. Doklady Instituta Evropy, No 328. Pod. red. V.B. Belova, Moscow, pp. 35–55. (in Russian).

Germaniya. Vyzovy XXI veka [Germany. Challenges of the XXI century]. (2009) Pod. red. V.B. Belova, IE RAN, Izd. Ves' mir, Moscow. 788 p. (in Russian).

Grawford A., Czuczka T. (2013) *Angela Merkel. A chancellorship forged in crisis*. Chichester.

Hebel M. (2018) *Merkel. Bilanz und Erbe der Kanzlerschaft*. Frankfurt am Main.

Heckel M. (2009) *So regiert die Kanzlerin. Eine Reportage*. München

Horol'skaya M. (2021) Vedushchie nemeckie partii v preddverii vyborov v Bundestag [Leading German parties on the eve of elections to the Bundestag]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, No 9, pp. 25–33. (in Russian).

Knaus G. (2020) Welche Grenzen brauchen wir? Zwischen Empathie und Angst – Flucht, Migration und die Zukunft von Asyl. München.

Kokeev A. FRG i transatlanticheskaya strategiya Bajdena: nereshennyye problemy i novyye vyzovy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, № 9, 2021, pp. 56–68. (in Russian).

Kornelius S. (2013) *Angela Merkel. Die Kanzlerin und ihre Welt*. Hamburg.

Languth G. (2005) *A. Merkel. Aufstieg zur Macht*. München.

Levitsky S., Ziblat D. (2018) *Wie Demokratien sterben. Und was wir dagegen tun können*. München.

Mishra R. (2010) *Angela Merkel – Machtworte. Die Standpunkte der Kanzlerin*. Herder. Freiburg.

Münkler H., Münkler M. (2016) *Die neuen Deutschen. Ein Land von seiner Zukunft*. Berlin.

Mut zu Zwischentönen, Spiegel, 24.12.2000, URL:<https://www.spiegel.de/politik/mut-zu-zwischentoenen-a-c409d19f-0002-0001-0000-000018124491> (accessed: 15.11.2021)

Pavlov N.V. (2018) Merkel' 4.0 – eto real'nost' [Merkel 4.0 is reality]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii*. T. 2. № 2, pp. 80–90. (in Russian).

Pavlov N.V. (2018) *Vneshnyaya politika kanclera A. Merkel' (2005–2017)* [Foreign Policy of Chancellor A. Merkel (2005–2017)], Moscow, „MGIMO-Universitet“. (in Russian).

Pavlov N.V. (2019) Germaniya posle Merkel' (ZHdat' li izmenenij vo vneshnej politike FRG?) [Germany after Merkel (Should we expect changes in the foreign policy of Germany?)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No 6, pp. 22–35. (in Russian).

Qvortrup M. (2017) *Angela Merkel. Europe's most Influential Leader*. Neuaufgabe.

Renterghem M. (2016) *C' etait Merkel*. Paris.

Resing V. (2017) *A. Merkel. Die Protestantin. Ihr Aufstieg, ihre Krisen - und jetzt?* Freiburg.

Schramm Ju. (2021) *Fifty Shades of Merkel*. Hamburg.

Schumacher H. (2006) *Die zwölf Gesetze der Macht. Angela Merkels Erfolgsgeheimnisse*, München.

Sovremennaya Germaniya: ekonomika i politika [Modern Germany: Economics and Politics]. (2015) Pod red. V.B. Belova. IE RAN, Izd. Ves' mir, Moscow. 717 p. (in Russian).

Stock W. A. (2005) *Merkel. Eine politische Biographie*. Olzog, München.

Timofeev P., Horol'skaya M. Pandemiya COVID-19 kak vyzov franko-germanskomu liderstvu v ES. ME i MO, t. 65, № 8, pp. 72–80 (in Russian).

Timoshenkova E.P. (2020) Partijno-politicheskaya sistema Germanii v period kanclerstva A. Merkel' (2005–2017 gg.) [The German party political system during Angela Merkel's Chancellorship (2005–2017)]. Doklady Instituta Evropy, No 369, IE RAN, Moscow. 148 p. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report22020_369 (in Russian).

Timoshenkova E.P. (2021) „Formula vlasti“ kanclera A. Merkel': stanovlenie (2005–2013 gg.) [„Formula of Power“ of Chancellor A. Merkel: Formation (2005–2013)], *Sovremennaya Evropa*, № 5. pp. 161–171. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021161171> (in Russian).

Ulrich B. „Angela Merkel Neudefinition von Führungsstärke“, *Strategic Europe*, 22.09.2017. URL: <https://carnegieeurope.eu/2017/09/22/de-pub-73198> (accessed: 20.07.2021).

Vasil'ev V. Germaniya i Evropejskij soyuz posle epohi kanclera A. Merkel'. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnaya politika (ME i MO), № 9, 2021, pp. 43–55 (in Russian).

Vasil'ev V.I. „Merkalizaciya“ SDPG: othod ot „vostochnoj politiki“ V. Brandta [„Mercialization“ of the SPD: a departure from the „eastern policy“ of V. Brandt]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No 9, pp. 47–64 (in Russian).

УДК 328.1, 329.1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА IX СОЗЫВА

© 2022 ГУСЕЛЕТОВ Борис Павлович*

Доктор политических наук

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

**E-mail: bgusletov@mail.ru*

Поступила в редакцию 24.10.2021

После доработки 22.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. В статье рассмотрена трансформация роли и полномочий Европейского парламента IX созыва. С момента возникновения в 1950-х гг. ЕП его формальные полномочия и отношения с другими институтами ЕС претерпели серьезные изменения. Большое влияние оказал Лиссабонский договор на положение и значимость Европарламента в политической системе ЕС. Показано, что в последний период его роль и влияние усилились, что в наибольшей степени проявилось в таких сферах, как формирование и утверждение бюджета ЕС, экономическая политика, отношения с Еврокомиссией и Евросоветом, включая законодательство и контроль за деятельностью исполнительной власти, международные связи. Отмечено, что этот процесс развивался нелинейно. Сделан вывод, что позиции ведущих европартий – консерваторов и социал-демократов – ослабевали, а представительство других партий, в том числе евроскептического и популистского толка, расширялось. Данный тезис был подтвержден итогами выборов в Европарламент 2019 г.

Ключевые слова: Европейский союз, Европейский парламент, Европартии, политические фракции, бюджет ЕС, верховенство закона.

DOI: 10.31857/S0201708322020024

Очередные девятые выборы депутатов Европейского парламента (ЕП) состоялись 23–26 мая 2019 г. Анализ деятельности Европарламента IX созыва позволяет выявить новые тенденции в его работе, ставит вопрос об усилении его роли в политической системе ЕС. Основные цели настоящего исследования: выявить изменения в полномочиях ЕП, в регулировании основных общественно-политических и социально-экономических сфер жизнедеятельности Евросоюза, а также трансформацию взаимоотношений Европарламента с другими политическими институтами ЕС – Евросоветом и Еврокомиссией (ЕК).

Институт ЕП, возникший во второй половине 1950-х гг., претерпел серьезную трансформацию с точки зрения его формальных полномочий, отношений с другими институтами ЕС, влияния на формирование повестки дня Союза и т.д. Наибольшее внимания в рамках данного исследования заслуживает изучение Европарламента после вступления в силу Лиссабонского договора, который заметно изменил полномочия и значимость ЕП в политической системе ЕС. Как справедливо отмечает Л. Энтин: «Европарламенту ... закрыт доступ в такую важную сферу, как внешние связи и иностранная политика ЕС... Не обладает по-прежнему Европарламент правом законодательной инициативы. Расширилось участие Европарламента в принятии бюджета, однако предложить свой проект бюджета, взамен отвергаемого, ЕП по-прежнему не может» [Энтин, 2009: 15].

До 2019 г. политическая структура Европарламента, в которой доминировали две ведущие группы консерваторов — Европейская народная партия (ЕНП) и Прогрессивный альянс социалистов и демократов (ПАСД), не в полной мере отражала последние тенденции в трансформации партийно-политического ландшафта Евросоюза [Westlake, 2017]. Сегодня в большинстве стран-членов ЕС эти партии не играют доминирующей роли, а в их парламентах представлены политические силы, еще недавно занимающие маргинальные позиции (зеленые, либералы, регионалы, националисты, популисты и др.).

Особый интерес представляет коллективная монография группы европейских ученых из Австрии и Португалии под руководством А. Эритье. По их мнению «формальные и неформальные полномочия ЕП в области законодательства, комитологии, взаимоотношений с (Европейской) комиссией, бюджетного процесса, управления экономикой и международных соглашений резко возросли со времени Римского договора» [Héritier at all, 2015: 105]. В новом исследовании они отметили: «Несмотря на многочисленные кризисы, сопровождающие процесс евроинтеграции в последние годы, (Европейский) парламент претерпевает важные изменения его формальной компетенции, влияния на формирование политики и отношений с другими институтами ЕС» [Héritier at all, 2019: 15].

С этой позицией отчасти согласны итальянские эксперты Э. Брессанелли и Н. Челотти, которые считают, что «превращение Европарламента в ... равноправного и полноправного законодателя наряду с Советом ЕС можно было бы считать почти завершенным после Лиссабона. Однако различные кризисы, обрушившиеся на ЕС после того, как Лиссабонский договор был одобрен, сделали ЕП более политизированным и зависимым от отношений между правительствами стран-членов» [Bressanelli&Chelotti, 2019: 255].

Другие авторы также считают, что хотя Европейский парламент добился успехов в ряде областей общеевропейской политики, у него остаются резервы для дальнейшего усиления. П. Кардуэлл и Д. Янчич на основе анализа роли ЕП в сфере европейской политики развития пришли к выводу, что «он сумел расширить свое институциональное участие в этой области... за счет бюджетных и надзорных полномочий» [Cardwell&Jančić, 2019: 376]. Они признают, что ЕП нужно сделать больше, чтобы доказать его реальное политическое влияние, например, при утверждении

Европейского консенсуса по вопросам развития¹ или семилетнего бюджета Евросоюза – многолетних финансовых рамок (МФР) [там же: 281].

Ряд исследователей считают, что Европейскому парламенту не удалось расширить свои полномочия в ряде областей из-за позиции Евросовета. А. Риполь-Сервент отмечает: «ЕП не смог добиться реформы правил предоставления убежища мигрантам из-за разногласий в Евросовете, который игнорировал любые призывы к реформам, исходящие от Европарламента» [Ripoll Servent, 2019: 305].

Й. Мюллер-Гомес с соавторами, оценивая роли ЕП в политической системе ЕС, указывают на следующее: «Отношения между Европарламентом и Евросоветом характеризуются и потребностью в партнерстве, и врожденным соперничеством». По их мнению, для понимания состояния межинституционального баланса важно учитывать три аспекта: управление кризисом евро, выборы главы ЕК и утверждение МФР [Müller-Gómez et al., 2019: 15].

О.Ю. Потемкина, анализируя возможность ЕП влиять на назначение членов ЕК, приходит к выводу, что на европейских выборах 2019 г. «к убийству *Spitzenkandidat* приложили руку и европейские политические партии, и фракции Европарламента, которые руководствовались своими собственными интересами» [Потемкина, 2019: 6]. Европарламент, после того как Евросовет нарушил принцип *Spitzenkandidat*, намерен более активно доказывать свою правомочность и политическую самостоятельность в отношениях с ЕК и Европейским советом [Гуселетов, 2019: 93].

Л.О. Бабынина, анализируя итоги выборов депутатов ЕП 2019 г., приходит к выводу, что «в последнее время на европейской арене появляются новые национальные партии, которые расширяют политический спектр ЕП и изменяют конфигурацию общеевропейских политических групп... Учитывая отсутствие большинства у двух крупнейших политических групп – народных партий и социал-демократов – результаты голосований станут менее предсказуемыми и будут в большей степени зависеть от характера обсуждаемого вопроса» [Бабынина, 2019: 75–76].

Н.Ю. Кавешников, говоря о роли ЕП в законодательной сфере, отмечает, что «эмпирически подтвержден рост частоты использования процедур, подразумевающих более активное участие Европарламента в законодательном процессе» [Кавешников, 2020: 87].

Предыдущий созыв ЕП (2014–2019) стремился играть более активную роль в утверждении бюджета Евросоюза, а также определении его позиции на внешней арене [Гуселетов, 2018: 119–120, 125–126].

Большинство исследователей признают, что после вступления в силу Лиссабонского Договора формальные полномочия ЕП и его роль в политической системе Союза последовательно расширялись. На практике он далеко не всегда мог их реа-

¹ Европейский консенсус по вопросам развития является историческим соглашением между Еврокомиссией, Европарламентом и странами-членами ЕС, в котором излагается общее видение ЕС в области сотрудничества в целях развития. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536467/IPOL_STU\(2015\)536467_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536467/IPOL_STU(2015)536467_EN.pdf). (дата обращения: 20.10.2021)

лизовать в силу ряда объективных (доминирующее положение Евросовета) и субъективных (фрагментация политической структуры ЕП) обстоятельств. В основном это касается таких вопросов, как утверждение бюджета, влияние на экономику, отношения с ЕК и международные отношения. Этот процесс протекал нелинейно и сопровождался временными откатами, как это было, например, с принципом *Spitzenkandidat* в 2019 г. Последнее обстоятельство особенно важно для нового состава ЕП, который в ответ на игнорирование Евросоветом права ЕП на утверждение главой ЕК лидера победившей партии, заявил о стремлении более активно отстаивать свои права ведущего представительного и законодательного органа ЕС.

Деятельность ЕП IX созыва

В 2014–2021 гг. при утверждении предыдущих МФР ЕП за год-полтора до вступления их в силу принимал к рассмотрению проект бюджета, представленного ЕК, и вносил в него свои поправки¹. После обсуждения с Европейской Комиссией и Евросоветом и завершения согласительной процедуры ЕП одобрял МФР и передавал их в Евросовет для окончательного принятия². ЕП никогда не предлагал альтернативный вариант МФР.

В июле 2020 г. прошло внеочередное пленарное заседание ЕП, на котором обсуждались итоги июльского саммита Евросоюза, утвердившего МФР в размере 1,074 трлн евро и Фонд по реализации трехлетнего антикризисного плана борьбы с экономическими последствиями коронавируса «Будущее поколение ЕС» (БПЕС) в размере 750 млрд евро.

Однако задолго до саммита ЕП впервые выдвинул альтернативный вариант МФР в размере 1,3 % ВВП ЕС, что на 229 млрд евро больше предложения Евросовета. Председатель Европарламента Д. Сассоли заявил, что парламент наложит вето, если главы государств и правительств не поддержат этот вариант МФР. 18 июня лидеры пяти фракций Европарламента (ЕНП; ПАСД; ОЕ; 3-ЕСА; ОЛ-ЛЗС³) подписали обращение к членам Евросовета под названием «Мы не пойдем на компромисс относительно будущего Евросоюза». В нем заявлено, что они будут «требовать всестороннего участия парламента в разработке и осуществлении механизма

¹ European Parliament (2012): European Parliament resolution of 23 October 2012 in the interests of achieving a positive outcome of the Multiannual Financial Framework 2014-2020 approval procedure, paragraph 33. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA2012-0360&language=EN>. (дата обращения: 20.10.2021)

² European Parliament (2013): EU budget: Parliament accepts negotiated MFF 2014-2020 package. 03-07-2013. URL: <http://www.europarl.europa.eu/news/en/newsroom/content/20130701IPR14781/html/EUbudget-Parliament-accepts-negotiated-MFF-2014-2020-package>. (дата обращения: 20.10.2021)

³ Европейская народная партия; Прогрессивный альянс социалистов и демократов; Обновление Европы; Зеленые – Европейский свободный альянс; Объединенные левые – левые зеленые Севера.

восстановления ради повышения его транспарентности и демократической подотчетности»¹.

Ш. Мишель и У. фон дер Ляйен призвали депутатов поддержать предложение Евросовета по МФР и фонду БПЕС. Д. Сассоли весьма пессимистично оценил итоги саммита: «Нам предстоит поработать над совершенствованием этих инструментов, мы не откажемся от более амбициозных МФР и будем требовать большей ясности в отношении поиска новых собственных ресурсов для финансирования бюджета ЕС»². Он также заявил, что план восстановления экономики Евросоюза, представленный Евросоветом, требует дальнейшего обсуждения с участием глав Евросовета, ЕК, ЕП и председательствующей на тот момент в ЕС Германии.

Европейский парламент большинством голосов одобрил резолюцию по итогам саммита Евросоюза, но в ходе дебатов евродепутаты высказали ряд замечаний к проекту МФР, в результате чего в окончательном тексте резолюции были отмечено: «Парламент не примет... политическое соглашение о МФР 2021–2027 гг. в нынешнем виде... и депутаты готовы отозвать свое одобрение многолетнего бюджета ЕС», если им не будут даны ответы на вопросы, касающиеся финансирования здравоохранения, науки и образования, сохранения климата, цифровизации, внешней и миграционной политики. В резолюции указано, что ЕП выражает недоумение в связи с тем, что Евросовет не поддержал предложение ЕК и Европарламента связать размер финансирования отдельных стран–членов ЕС с их отношением к принципу верховенства закона³.

Окончательное голосование по проекту МФР состоялось в ЕП в декабре 2020 г., в результате которого МФР на 2021–2027 гг. был утверждён, как и «Межведомственное соглашение между ЕП, Евросоветом и ЕК о бюджетной дисциплине, сотрудничестве в бюджетных вопросах и рациональном финансовом управлении, а также о новых собственных ресурсах, включая дорожную карту по внедрению этих ресурсов» (МВС)⁴.

В ходе согласования проекта МФР делегация ЕП добилась увеличения их размера на 15 млрд евро за счет собственных ресурсов ЕС (11 млрд евро – штрафы за конкуренцию) и перераспределения средств в рамках МФР (4 млрд евро). Кроме того, в процессе переговоров было решено, что средне- и долгосрочные расходы на погашение долга из фонда восстановления экономики не должны покрываться за

¹ We will not compromise on the future of the European Union. 18.06.2020. URL: <https://www.eppgroup.eu/newsroom/news/we-will-not-compromise-on-the-future-of-the-european-union>. (дата обращения: 20.10.2021)

² Герке Л. Как Европа отреагировала на новый бюджет ЕС и сделку с фондом восстановления коронавируса. 21.07.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/madness-and-historic-day-europe-reacts-to-the-budget-deal/>. (дата обращения: 20.10.2021)

³ EU long-term budget deal must be improved for Parliament to accept it. 23.07.2020. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20200722IPR83804/eu-long-term-budget-deal-must-be-improved-for-parliament-to-accept-it>. (дата обращения: 20.10.2021)

⁴ Parliament approves seven-year EU budget 2021-2027. 16-12-2020 URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20201211IPR93621/parliament-approves-seven-year-eu-budget-2021-2027>. (дата обращения: 20.10.2021)

счет инвестиционных программ в рамках МФР или за счет увеличения взносов государств-членов. Для этого переговорщики от ЕП разработали дорожную карту по использованию новых собственных ресурсов для пополнения бюджета ЕС в течение следующих семи лет, которая является частью МВС.

ЕП добился также права контроля за расходованием средств фонда БПЕС, созданного на основе ст. 122ДФЕС, которая не предусматривала участия Европарламента. Поэтому переговорщики от ЕП договорились о введении новой процедуры, устанавливающей «*конструктивный диалог*» между парламентом и Евросоветом. Согласно этой процедуре, после того как ЕК оценит бюджетные последствия любого нового правового акта на основе ст. 122, начнется диалог между ЕП и Евросоветом¹.

Представляет интерес конкуренция между Европарламентом и Комиссией по вопросу получения государствами-членами средств ЕС при условии верховенства закона. На этом активно настаивали руководители ЕП и почти все его парламентские группы в связи с давним противостоянием между Евросоюзом, с одной стороны, и Венгрией, и Польшей, с другой стороны [Grabbe&Lehne, 2020].

26 августа 2020 г. четыре парламентские группы ЕП (ЕНП, ПАСД, ОЕ и З-ЕСА) опубликовали совместное письмо с требованием участия Парламента в обсуждении ежегодного доклада ЕК о ценностях ЕС и о повторном введении правила обратного квалифицированного большинства «для принятия предложения Комиссии», если Евросовет не проголосует против него квалифицированным большинством [Fernández, 2020: 1406].

В середине июня 2021 г. ЕК представила ЕП проект «Положения об увязывании получения средств ЕС государствами-членами с соблюдением ими требований верховенства закона»². Формально эта мера вступила в силу с 1 января 2021 г., но ЕК по просьбе Евросовета предложила приостановить ее исполнение до тех пор, пока не будут утверждены формальные критерии несоблюдения принципа верховенства закона государствами-членами Евросоюза. Руководство Венгрии и Польша оспорили законность этого решения в суде ЕС³, а премьер Венгрии В. Орбан призвал ввести правило, позволяющее национальным парламентам приостанавливать законодательный процесс ЕС, если они обнаружат, что национальные компетенции были нарушены⁴. Однако проект ЕК вызвал негативную реакцию ЕП, который принял по этому поводу соответствующую резолюцию, требующую инициировать судебный иск против ЕК из-за неспособности оперативно решить эту проблему⁵.

¹ Там же.

² Bayer L. Hot air?: MEPs say Commission is stalling with rule-of-law blueprint. 15.06.2021. URL: <https://www.politico.eu/article/meps-european-commission-stalling-rule-of-law-blueprint/>. (дата обращения: 20.10.2021)

³ Poland and Hungary challenge rule-of-law tool at EU court. 12.03.2021. URL: <https://euobserver.com/political/151211>. (дата обращения: 20.10.2021)

⁴ Hungary PM Orbán Faces Backlash Over Call to Curb Powers of EU Parliament. 21.06.2021. URL: <https://www.statecraft.co.in/article/hungary-pm-orb-n-faces-backlash-over-call-to-curb-powers-of-eu-parliament>. (дата обращения: 20.10.2021)

⁵ European Parliament resolution: Rule of Law situation in the EU and the application of the Conditionality Regulation (EU, Euratom) 2020/2092. 10.06.2021. URL:

ЕП в последнее время заметно активизировал свое участие в решении вопросов международного сотрудничества. Это особо проявилось в ситуации наметившегося конфликта ЕС и Китая, после того как ЕК в марте 2019 г. объявила КНР «системным соперником из-за несправедливого обращения с европейскими компаниями и инвестиционной практики, подрывающей принцип верховенства закона, а также политики вовлечения развивающихся стран в долговые обязательства»¹.

В декабре 2020 г. Евросоюз и Китай объявили о заключении нового «Всеобъемлющего инвестиционного соглашения» (ВИС) в продолжение предыдущего от 2013 г.² В марте 2021 г. возникли проблемы с утверждением этого соглашения в ЕП из-за того, что КНР ввела санкции в отношении 5 членов парламента, Комитета Евросовета по вопросам политики и безопасности и ряда европейских аналитических центров. В мае 2021 г. Европарламент подавляющим большинством голосов предложил заморозить процесс ратификации ВИС до тех пор, пока Китай не отменит санкции. Позиция ЕК по этому вопросу была более сдержанной. Как сказала пресс-секретарь ЕК: «Мы по-прежнему считаем, что ВИС принесет пользу Европе и пересмотрим ситуацию, как только техническая работа – юридическая экспертиза и переводы – будет завершена»³.

В середине июня Европарламент выступил с инициативой заключить инвестиционное соглашение с Тайванем, что вызвало негативную реакцию китайского руководства и было с осторожностью встречено в ЕК. Тем не менее в июне 2021 г. Комитет по международной торговле ЕП принял заявление по «Новой стратегии ЕС-Китай», в котором призвал Европейскую комиссию начать переговоры с Тайванем. Это заявление поддержали лидеры четырех проевропейских групп в ЕП (ЕНП, ПАСД, ОЕ и 3-ЕСА), хотя ЕК, обладающая исключительным правом вести переговоры о торговых соглашениях от лица Евросоюза, продолжает придерживаться политики «одного Китая», которая означает, что «ЕС не имеет дипломатических или официальных политических отношений с Тайванем»⁴.

https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-06-10_EN.html#sdocta8. (дата обращения: 20.10.2021)

¹ Brussels officially labels China a 'systemic rival'. 13.03.2019. URL: <https://www.neweurope.eu/article/brussels-officially-labels-china-a-systemic-rival/>; European Commission and HR/VP contribution to the European Council. "EU-China – A strategic outlook". 12.03.2019. URL: <https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf>. (дата обращения: 20.10.2021)

² "EU and China reach agreement in principle on investment". 30.12.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_2541. (дата обращения: 20.09.2021)

³ Blenkinsop, P. "EU-China deal grinds into reverse after tit-for-tat sanctions". 23.03.2021. URL: <https://www.reuters.com/article/us-eu-china-trade-idUSKBN2BF276>. (дата обращения: 20.10.2021)

⁴ Sarah A.A., Stuard L. MEPs push Brussels to follow Biden on Taiwan trade. 18.06.2021. URL: <https://www.politico.eu/article/meps-push-brussels-follow-biden-taiwan-trade-eu-parliament-china/>. (дата обращения: 20.10.2021)

В ответ на это лидеры ЕНП, ПАСД, ОЕ и 3-ЕСА предложили ЕК и Евросовету начать подготовку к переговорам с Тайванем о заключении двустороннего инвестиционного соглашения и провести общественные слушания, чтобы иметь объективную оценку важности и необходимости этого взаимодействия.

Европарламент и дебаты о будущем ЕС

Серьезного внимания заслуживает роль нынешнего ЕП в разработке модели будущего развития Европы. Ключевую роль в этом играет «Конференция о будущем Европы» (КоБЕ), идею которой предложил Э. Макрон накануне выборов в ЕП в марте 2019 г.¹ Позднее его поддержали Евросовет, ЕК и Европейский парламент, что привело к серьезной конкуренции между ними за право определять цели и задачи КоБЕ. ЕП первым среди институтов ЕС изложил свое видение целей конференции, приняв резолюцию, в которой отмечено, что депутаты готовы «взять на себя обязательство безотлагательно принять по итогам Конференции необходимые законодательные предложения, направленные на изменение основополагающих договоров ..., призывают Евросовет и ЕК взять на себя такие же обязательства»².

Однако позиция Евросовета и ЕК заметно отличалась от позиции ЕП³. У. фон дер Ляйен уклончиво заявила, что граждане, которые будут участвовать в конференции, должны сами решить, хотят ли они, чтобы договоры были изменены. Один из сотрудников ЕК отметил, что позиция У. фон дер Ляйен «по-прежнему актуальна». По мнению других источников в Комиссии: «За закрытыми дверями члены Совета, в том числе представители Нидерландов, Португалии и Швеции, которые не проявили особого энтузиазма по поводу изменений в договорах ЕС, оказывали давление»⁴. В итоге ЕП, ЕК и Евросовет приняли «Совместную декларацию по КоБЕ»⁵, согласно которой для руководства конференцией был создан институт со-председательства в составе глав ЕК, ЕП и представителя страны, председательствующей в Совете ЕС, а

¹ La tribune d'Emmanuel Macron aux citoyens européens. 04.03.2019. URL: <https://www.lalibre.be/international/la-tribune-d-emmanuel-macron-aux-citoyens-europeens-5c7d7bea9978e2710e91445f>. (дата обращения: 20.10.2021)

² European Parliament resolution of 18 June 2020 on the European Parliament's position on the Conference on the Future of Europe (2020/2657(RSP)). 18.06.2020. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0153_EN.html. (дата обращения: 20.10.2021)

³ Conference on the Future of Europe — revised Council position. 03.02.2021. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/48588/st_5911_2021_init_en.pdf. (дата обращения: 20.10.2021)

⁴ De La Baume, M. Conference on the Future of Europe: Don't mention the T word. 21.01.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/conference-on-the-future-of-europe-dont-mention-the-treaty-word-european-commission-parliament-ursula-von-der-leyen/>. (дата обращения: 20.10.2021)

⁵ Joint declaration on the Conference on the Future of Europe. 20.03.2021. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/en_-_joint_declaration_on_the_conference_on_the_future_of_europe.pdf. (дата обращения: 20.10.2021)

также Исполнительный координационный совет (ИКС) из 9 членов (по 3 от ЕП, Еврокомиссии и Евросовета) и еще 4 наблюдателей от Европарламента.

При этом решение ИКС о том, какие рекомендации участников конференции необходимо будет реализовать, должны быть одобрены на Пленарном заседании КоБЕ, которое включает 433 участника, в т.ч. 108 депутатов ЕП и 108 депутатов национальных парламентов. Таким образом, Европейский парламент добился широкого представительства евродепутатов в руководящих органах КоБЕ.

В конце июня 2021 г. 16 правопопулистских партий подписали декларацию о создании нового альянса, который намерен противодействовать нынешнему политическому курсу ЕС. В числе этих партий венгерская ФИДЕС, польская «Право и Справедливость» (ПиС), «Национальное объединение» Франции (НО), Австрийская партия свободы, испанская «Голос», итальянские «Лига» и «Братья Италии». Подписанты декларации заявили: «Европейские нации должны основываться на традициях, уважении к культуре и истории своих государств». Депутат ЕП Н. Бэй (НО, группа «Иид») прокомментировал, что цель декларации – сформировать в ближайшее время новую более широкую группу в ЕП. Однако сопредседатель группы ЕКР Р. Легутко (ПиС) опроверг его, правда, уточнив, что к новому альянсу могут присоединиться другие партии¹.

Можно предположить, что будущий состав ЕП может измениться, став ближе к модели большинства национальных парламентов стран-членов ЕС, для которых характерно расширение спектра представленных в них сил и ослабление роли еще недавно ведущих партий (консерваторы и социал-демократы). Эта тенденция отражает усложнение структуры европейского общества, что ведет к появлению новых партий и ослаблению влияния партий мейнстрима [Youngs, 2019].

Группа Европейской народной партии может сократиться на 10–12%, но она останется наиболее представительной, что связано с падением популярности ведущих партий-членов ЕНП: ХДС-ХСС, Народная партия Испании, «Герб» Болгарии, «Гражданская платформа» в Польше и др., а также с выходом евродепутатов от партии ФИДЕС из группы ЕНП. Несколько меньше пострадает вторая по численности группа Партии европейских социалистов (ПЕС) - Прогрессивного альянса социалистов и демократов ПАСД (на 6–7%), которая останется на втором месте и немного сократит отставание от ЕНП. Это объясняется тем, что хотя в ряде стран (Румыния, Франция, Чехия) поддержка партий-членов ПЕС упала, зато в других – Германия, Дания, Испания, Португалия, Финляндия – она возросла. Еще у трех групп – ОЕ, ЕКР и Иид – изменения будут незначительными (2–3%) в свете их электоральной стабильности. Что касается ЕПЗ, то, несмотря на успех в Германии, она вряд ли сможет добиться серьезных результатов в других странах и численность ее группы может снизиться на 12–15%. Единственная группа европейских левых (ЕОЛ-ЛЗС) может увеличить численность на 16–18% в связи с ростом популярности ирландской партии Шинн Фейн.

¹ De La Baume, M. Orbán, Le Pen, Salvini join forces to blast EU integration. 02.07.2021. URL: <https://www.politico.eu/article/viktor-orban-marine-le-pen-matteo-salvini-eu-integration-european-superstate-radical-forces/>. (дата обращения: 20.10.2021)

Заключение

Анализ деятельности ЕП IX созыва в рассмотренный период показал, что его роль и влияние в политической системе ЕС имеют тенденцию к возрастанию, в том числе в бюджетной сфере, экономике, отношениях парламента с ЕК и в международных отношениях. Особенно следует отметить стремление большинства парламентских групп (ЕНП, НАСД, ОЕ и 3-ЕСА) играть определяющую роль в разработке модели будущего развития Союза, которая предполагает возможность внесения изменений в его основополагающие договоры. При этом евроскептические группы ЕП (Иид, ЕКР, ОЕЛ-ЛЗС), имеющие иную точку зрения, также стремятся усилить свое влияние, в том числе за счет объединения их усилий.

Прогноз изменения структуры ЕП на новых выборах 2024 г. показывает, что тенденция по сокращению политического влияния европартий, парламентские группы которых играли в нем долгое время ведущую роль (ЕНП и ПЕС), сохраняется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабынина Л.О. (2019) Влияние брекзита на фракционную структуру Европейского парламента. *Современная Европа*, № 5 (91), С. 68–77. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520196877>

Гуселетов Б.П. (2018) Вопросы внутренней и внешней политики в работе Европарламента. В кн.: *Европа 2017: партии, выборы, власть*, ДИЕ № 353, Москва, Россия. С. 119–127.

Гуселетов Б.П. (2019) Руководство Евросоюза: изменения по итогам выборов в Европарламент. *Современная Европа*, № 6 (92), С. 85–94. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620198594>.

Кавешников Н.Ю. (2020) Эволюция процедур принятия решений в ЕС как параметр глубины интеграции. *Современная Европа*, № 5 (98). С. 77–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520207788>.

Потемкина О.Ю. (2019) Кто убил Spitzenkandidat? *Аналитическая записка № 23 (№ 174)*. С. 7. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2019/an174.pdf>. (дата обращения: 20.10.2021)

Энтин Л.М. (2009) Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2009–2017 годы. Изд-во «Аксиом», Москва. 304 с.

Bressanelli, E., Chelotti, N. (2019) Introduction. Power Without Influence? Explaining the Impact of the European Parliament Post-Lisbon. *Journal of European Integration. Collection of articles*. Vol. 41, Issue 3. pp. 265–428. DOI: <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1599371>.

Cardwell, P. J. & Jančić, D. (2019) The European Parliament and development cooperation: democratic participation in the ‘low politics’ of EU external relations. *Journal of European Integration. Collection of articles*. Vol. 41. Issue 3. pp. 365–381. DOI: <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1599371>.

Fernández, J.E. (2020) A Critical Analysis on the European Union's Measures to Overcome the Economic Impact of the COVID-19 Pandemic. *European Papers*, Vol. 5, No 3, pp. 1399–1423. DOI: 10.15166/2499-8249/437.

Grabbe, H., Lehne, S. (2017) Defending EU Values in Poland and Hungary. 04.09.2017. *Carnegie Europe web site*. URL: <https://carnegieeurope.eu/2017/09/04/defending-eu-values-in-poland-and-hungary-pub-72988>. (accessed: 10.20.2021)

Héritier, A., Moury C., Schoeller M.G., Meissner K.L., and Mota I. (2015) *The European Parliament as a Driving Force of Constitutionalisation*. Brussels: European Parliament. © European Union. 107 p.

Héritier, A., Meissner, K. L., Moury, C., Schoeller, M.G. (2019) *European Parliament Ascendant. Parliamentary Strategies of Self-Empowerment in the EU*. Palgrave Macmillan. London, UK. 201 p. DOI: 10.1007/978-3-030-16777-6.

Müller-Gómez J., Wessels W., Wolters J. (2019) The European Parliament and the European Council: A Shift in the Balance of Power? *In The European Parliament in Times of EU Crises*, Costa O. (Ed.), Palgrave Macmillan, London, UK. pp. 53–76. DOI: 10.1007/978-3-319-97391-3.

Ripoll Servent, A. (2019). Failing under the ‘Shadow of hierarchy’: Explaining the role of the European Parliament in the EU’s “asylum crisis”. *Journal of European Integration. Collection of articles*. Vol. 41. Issue 3, pp. 293–310.

Westlake M. (2017) Possible Future European Union Party-Political Systems. *European Political and Governance Studies, Bruges Political Research Papers*, No 60. October 2017. URL: <https://www.coleurope.eu/research-paper/possible-future-european-union-party-political-systems> (accessed: 10.20.2021)

Youngs R. (2019) Democracy after the European Parliament elections. CEPS Policy Insights. No 2019-10/June 2019. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/democracy-after-the-european-parliament-elections/>. (accessed: 10.20.2021)

The Political Role of the 9th European Parliament

B.P. Guseletov *

Doctor of Science (Politics)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** bgusletov@mail.ru

Abstract. The article outlines the transformation of the role and powers of the Ninth European Parliament over the past 2,5 years. It is highlighted that the tendency to strengthen the role and influence of the European Parliament in the political system of the EU, which was laid down in the Lisbon Treaty, has significantly increased. These changes were mostly observed in such areas as drafting and approval of the EU budget, including the long-term one, economic policy, relations with the European Commission and the European Council, including lawmaking and control over the activities of the executive branch, and international relations.

The author argues that this process is not a linear and is often accompanied by temporary setbacks, as it happened, for example, with the principle of the Lead candidate. It is revealed that the positions of the leading European parties: conservatives and Social Democrats constantly weakens, the representation of other parties, including Eurosceptic and populist ones, is expanding. Conclusion is drawn that the tendency of the political influence reduction of the European parties is going to remain.

Keywords. European Union, European Parliament, European Parties, political factions, EU Budget, Rule of Law.

DOI: 10.31857/S0201708322020024

REFERENCES

Babynina L.O. (2019) Vliyanie brekzita na frakcionnuyu strukturu Evropejskogo parlamenta. [The impact of Brexit on the fractional structure of the European Parliament]. *Sovremennaya Evropa*, No 5 (91), pp. 68–77. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520196877>. (In Russian).

Bressanelli, E., Chelotti, N. (2019) Introduction. Power Without Influence? Explaining the Impact of the European Parliament Post-Lisbon. *Journal of European Integration. Collection of articles*. Vol. 41, Issue 3. pp. 265–428. DOI: <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1599371>.

Cardwell, P. J. & Jančić, D. (2019) The European Parliament and development cooperation: democratic participation in the ‘low politics’ of EU external relations. *Journal of European Integration. Collection of articles*. Vol. 41. Issue 3. pp. 365–381. DOI: <https://doi.org/10.1080/07036337.2019.1599371>.

Entin L.M. (2009) PRAVO Evropejskogo Soyuza. NOVYJ ETAP EVOLYUCII: 2009–2017 gody. [THE LAW OF THE European Union. A NEW STAGE OF EVOLUTION: 2009–2017]. Izd-vo «Aksiom», Moscow. 304 p. (In Russian).

Fernández, J.E. (2020) A Critical Analysis on the European Union’s Measures to Overcome the Economic Impact of the COVID-19 Pandemic. *European Papers*, Vol. 5, No 3, pp. 1399–1423. DOI: 10.15166/2499-8249/437.

Grabbe, H., Lehne, S. (2017) Defending EU Values in Poland and Hungary. 04.09.2017. *Carnegie Europe web site*. URL: <https://carnegieeurope.eu/2017/09/04/defending-eu-values-in-poland-and-hungary-pub-72988>. (accessed: 10.20.2021)

Guseletov B.P. (2018) Voprosy vnutrennej i vneshnej politiki v rabote Evroparlamenta. [Issues of domestic and foreign policy in the work of the European Parliament]. V kn.: *Evropa 2017: partii, vybory, vlast'*, DIE No 353, Moscow, Russia, pp. 119–127. (In Russian).

Guseletov B.P. (2019) Rukovodstvo Evrosoyuza: izmeneniya po itogam vyborov v Evroparlament. [The leadership of the European Union: changes following the results of the elections to the Euro-Parliament]. *Sovremennaya Evropa*, No 6 (92), pp. 85–94. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620198594>. (In Russian).

Héritier, A., Moury C., Schoeller M.G., Meissner K.L., and Mota I. (2015) *The European Parliament as a Driving Force of Constitutionalisation*. Brussels: European Parliament. © European Union. 107 p.

Héritier, A., Meissner, K. L., Moury, C., Schoeller, M.G. (2019) *European Parliament Ascendant. Parliamentary Strategies of Self-Empowerment in the EU*. Palgrave Macmillan, London, UK. 201 p. DOI: 10.1007/978-3-030-16777-6.

Kaveshnikov N.Yu. (2020) Evolutsia protsedur priniatia reshenii v ES kak parameter glubini integratsii. [The evolution of decision-making procedures in the EU as a parameter of the depth of integration]. *Sovremennaya Evropa*, No 5 (98). pp. 42–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520207788> (In Russian).

Müller-Gómez J., Wessels W., Wolters J. (2019) The European Parliament and the European Council: A Shift in the Balance of Power? *In The European Parliament in Times of EU Crises*, Costa O. (Ed.), Palgrave Macmillan, London, UK. pp. 53–76. DOI: 10.1007/978-3-319-97391-3.

Potemkina O.V. (2019) Kto ubil Spitzenkandidat? [Who killed Spitzenkandidat?]. *Analiticheskaya zapiska*, No 23 (174). Sajt Instituta Evropy RAN. 7 p. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2019/an174.pdf>. (accessed: 10.20.2021) (In Russian).

Ripoll Servent, A. (2019). Failing under the ‘Shadow of hierarchy’: Explaining the role of the European Parliament in the EU’s “asylum crisis”. *Journal of European Integration. Collection of articles*. Vol. 41. Issue 3, pp. 293–310.

Westlake M. (2017) Possible Future European Union Party-Political Systems. *European Political and Governance Studies, Bruges Political Research Papers*, No 60. October 2017. URL: <https://www.coleurope.eu/research-paper/possible-future-european-union-party-political-systems> (accessed: 10.20.2021)

Youngs R. (2019) Democracy after the European Parliament elections. *CEPS Policy Insights*. No 2019-10/June 2019. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/democracy-after-the-european-parliament-elections/>. (accessed: 10.20.2021)

УДК 001.89

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-16130.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ НАУЧНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ОПЫТ ЕВРОСОЮЗА

© 2022 **ТАРАСОВА Елена Владимировна***

Кандидат экономических наук

Медицинский научно-образовательный центр МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский проспект 27, к. 1

***E-mail:** ETarasova@mc.msu.ru

© 2022 **БАЛЯКИН Артем Александрович***

Кандидат физико-математических наук

НИЦ «Курчатовский институт». 123182, Россия, Москва, пл. ак. Курчатова, д. 1.

***E-mail:** Balyakin_AA@nrcki.ru

Поступила в редакцию 14.07.2020

После доработки 21.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. Опыт Европейского союза по использованию исследовательских инфраструктур как фактора научной интеграции представляет интерес в контексте развития российских уникальных научных установок. В статье приведен обзор исследовательских инфраструктур Европейского союза. Показана высокая значимость совместных научных работ в процессе формирования единого Европейского исследовательского пространства ЕС. Описаны особенности организации работы исследовательских инфраструктур в ЕС и проанализирован их жизненный цикл. В качестве примера рассмотрена дорожная карта по развитию исследовательских инфраструктур в сфере физических наук. Сделан вывод, что европейский опыт организации научных исследований может быть востребован для преодоления вызовов, стоящих перед Российской Федерацией. Сформулирован ряд шагов по адаптации методов и подходов ЕС к российским реалиям.

Ключевые слова: исследовательские инфраструктуры, научные исследования, технологии, инновации, ЕС, Россия.

DOI: 10.31857/S0201708322020036

На протяжении нескольких десятилетий со времени своего создания Евросоюз был сфокусирован на экономической, политической и производственной интеграции. Логичным шагом в дальнейшем стало развитие научной интеграции и координации научных исследований на наднациональном уровне (например, в формате Рамочных программ ЕС по развитию научных исследований и инноваций) для исключения дублирования их финансирования в отдельных странах, эффективного объединения научных групп с комплементарными задачами и выработки эффективных стратегий научного развития.

Постепенно стало складываться общее научно-техническое пространство, которое было призвано сформировать объединенный научный потенциал, научные цели и задачи и увязать их с целями развития ЕС. Для этого было предложено создать Европейское исследовательское пространство (ЕИП), которое способствовало бы выработке единых общеевропейских исследовательских приоритетов, по мере реализации которых наука могла бы обеспечить прорывы мирового значения. С возникновением ЕИП стало очевидным, что достижение его целей невозможно без наличия совместных исследовательских инфраструктур мирового уровня.

Исследовательские инфраструктуры – это комплекс научных объектов, ресурсов и связанных с ними услуг, которые используются в научном сообществе для проведения исследований в различных областях знаний. Исследовательские инфраструктуры могут быть распределенными и находиться в разных организациях и/или странах; локализованными в одном месте или виртуальными. Они могут включать научное оборудование, научные коллекции, архивы, базы данных или любой другой уникальный объект, который может быть использован в исследовательских целях¹.

Предлагая высококачественные исследовательские услуги для пользователей из разных стран, привлекая молодых исследователей к науке и сетевым ресурсам, исследовательские инфраструктуры помогают структурировать научное сообщество и играют ключевую роль в построении эффективной исследовательской и инновационной среды [Prange-Gstöhl, 2010].

Благодаря своей способности привлекать «критическую массу» исследователей, знаний и инвестиций, они вносят все более значимый вклад в экономическое развитие стран и регионов [Jaeger, Tåbara, Jaeger, 2011]. Появление и развитие виртуальных исследовательских инфраструктур открыло новые безграничные возможности для исследователей, увеличивая их творческий потенциал и эффективность проводимых исследований, а также способствуя преодолению разрыва между развитыми и развивающимися регионами мира [Keunan, 1998].

¹ European Research Infrastructure URL:

<https://ec.europa.eu/research/infrastructures/index.cfm?pg=home> (дата обращения: 30.06.2020)

Европейская концепция создания и развития исследовательских инфраструктур

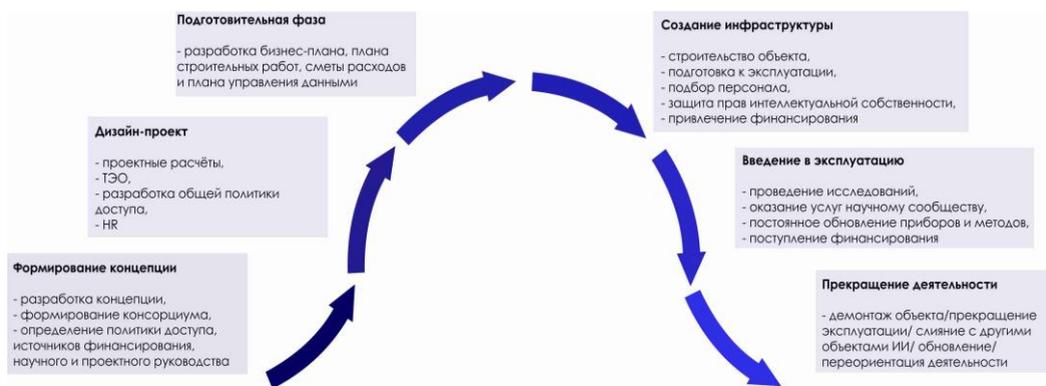
В 2002 г. для выработки единой европейской стратегии развития исследовательских инфраструктур был запущен Европейский стратегический форум по исследовательским инфраструктурам (ESFRI – European Strategic Forum for Research Infrastructures)¹. Деятельность Форума нацелена на преодоление фрагментарности между национальными и региональными инфраструктурами в различных тематических областях и интеграцию данных инфраструктур в глобальную систему.

В рамках своей деятельности ESFRI составляет и регулярно обновляет список приоритетных проектов по новым инфраструктурам, формируя Дорожную карту развития европейских исследовательских инфраструктур. По требованию Еврокомиссии все государства-участники ESFRI должны объединить свои Дорожные карты по исследовательской инфраструктуре с европейской Дорожной картой ESFRI. Эта работа выполнена наиболее крупными странами-участницами, и находится в постоянном процессе обновления и уточнения (в частности, по причине выхода Британии из ЕС).

Создание и функционирование исследовательских инфраструктур в ЕС подчинено строгой логике и закреплено в дорожной карте ESFRI. Жизненный цикл новой инфраструктуры от формирования ее концепции до ее эксплуатации может составлять от 20 до 40 лет и предполагает несколько этапов (Рисунок 1) [Public Roadmap, 2018].

Рисунок 1

Этапы создания и развития исследовательских инфраструктур ЕС [Public Roadmap, 2018]

¹ European Strategic Forum for Research Infrastructures URL: <http://www.esfri.eu/> (дата обращения 30.06.2020)

1-й этап: формирование концепции инфраструктуры. На данном этапе европейское научное сообщество определяет необходимость и потребность в создании конкретной исследовательской инфраструктуры и разрабатывает стратегию привлечения пользователей и заинтересованных лиц к её услугам. Концепция инфраструктуры может быть разработана с нуля, может быть предложено усовершенствование существующей инфраструктуры. Также необходимо представить обоснование ее включения в дорожную карту ESFRI.

2-й этап: дизайн-проект инфраструктуры. Данный этап включает подтверждение научной концепции и апробацию ее осуществимости, а также анализ целевой аудитории (представителей науки и бизнеса), состав консорциума, дизайн-проект и технико-экономическое обоснование.

3-й этап: подготовительная фаза. Подготовка исследовательской инфраструктуры производится на институциональном, национальном, европейском или международном уровнях, и она направлена на развитие инфраструктуры как полноценной организации. Результатом данного этапа является бизнес-план, создание юридического лица, описание места и роли инфраструктуры в контексте ландшафта европейских и глобальных инфраструктур, план финансирования ее деятельности.

4-й этап: создание инфраструктуры. Данный этап различен для распределенных и локальных инфраструктур. В случае локальных инфраструктур – это этап интенсивного инвестиционного периода сооружения объекта инфраструктуры, который длится несколько лет. В случае распределенных инфраструктур, инвестиции направлены на сооружение Центрального хаба или строительство/модернизацию одного или нескольких национальных узлов.

5-й этап: введение в эксплуатацию. На данном этапе исследовательская инфраструктура начинает оказывать услуги и при необходимости корректирует свои инструменты и методы. Она может создавать спин-офф компании и стартапы, привлекающие бизнес-партнеров, формируя тем самым вокруг себя высокий инновационный потенциал. Эксплуатационные затраты на локальную инфраструктуру обычно составляют от 8 до 12% от первоначальных капиталовложений в год. Распределенные и виртуальные инфраструктуры часто требуют гораздо больших эксплуатационных расходов. Эксплуатационные затраты на распределенные инфраструктуры включают в себя расходы, связанные не только с Центральным хабом, но и затраты национальных узлов. Виртуальные инфраструктуры, включающие хранение данных, сетевое оборудование и программное обеспечение требуют скорого обновления. Для локальных инфраструктур обычно требуется двадцатилетний цикл до необходимости проведения значительных обновлений, требующих новых инвестиций, которые составляют значительную часть первых капиталовложений.

6-й этап: прекращение деятельности инфраструктуры. Завершение работы исследовательской инфраструктуры зависит от ее типа и размеров. Данный этап может включать в себя ликвидацию организации, демонтаж объектов, прекращение эксплуатации ввиду опасности объекта. Кроме того, инфраструктуры могут прекратить свою деятельность ввиду слияния с другими инфраструктурами, обновлению или переориентации их деятельности.

Несмотря на широкую сферу деятельности Форума, ESFRI не финансирует исследовательские инфраструктуры. Все проекты ESFRI получают средства из различных источников на разных этапах жизненного цикла, преимущественно используются средства национальных и европейских фондов. Особую роль играют Рамочные программы ЕС, которые предоставляют финансирование проектам ESFRI на подготовительной фазе для новых проектов и на этапах создания и введения в эксплуатацию для приоритетных проектов¹. Европейские исследовательские инфраструктуры, включенные в дорожную карту ESFRI, распределены по 6 тематическим доменам: энергетика, окружающая среда, здравоохранение и пища, физические науки и инженерия, социальные и культурные инновации, цифровые технологии. Все они построены по одинаковому принципу: от общего – к частному. Благодаря данному принципу научный ландшафт любой научной области продумывается заранее и не содержит дублирующих объектов, а цели научных исследований спланированы и обеспечены конкретными инфраструктурами. Такой подход требует значительного времени на разработку и согласование планов и дорожных карт развития каждой инфраструктуры, однако данная политика гарантирует как выполнение в дальнейшем поставленных задач, так и преемственность разработок и их переход из фундаментальной области в прикладную.

В Таблице 1 представлены взаимосвязи между исследовательскими инфраструктурами из разных тематических доменов. Из представленных данных видно, что каждая исследовательская инфраструктура помимо своих тематических научных задач, использует научно-технический потенциал для проведения исследований в смежных тематических доменах. Используемый междисциплинарный подход к планированию и созданию каждой исследовательской инфраструктуры привел к тому, что более половины установок выполняют задачи в трех и более научных областях, что способствует развитию научной интеграции.

Таблица 1

Научный ландшафт исследовательских инфраструктур ЕС

Тематика	Сокращенное название	Энергетика	Окружающая среда	Здравоохранение и пища	Физические науки и инженерия	Социальные и культурные инновации	Цифровые технологии
энергетика	ECCSEL						
	EU-SOLARIS						
	IFMIF-DONES						
	JHR						
	MYRRHA						
	WindScanner						

¹ An official website of the European Union URL: <https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/en/area/research-infrastructures> (дата обращения 11.05.2021)

окружающая среда	ACTRIS						
	DANUBIUS-RI						
	DiSSCo						
	EISCAT_3D						
	eLTER						
	EMSO						
	EPOS						
	EURO-ARGO						
	IAGOS						
	ICOS						
	LifeWatch						
здравоохранение и пища	AnaEE						
	BBMRI						
	EATRIS						
	ECRIN						
	ELIXIR						
	EMBRC						
	EMPHASIS						
	ERINHA						
	EU-IBISBA						
	EU-OPENSREEN						
	Euro-BioImaging						
	INFRAFRONTIER						
	INSTRUCT						
	ISBE						
	METROFOOD-RI						
MIRRI							
физические науки и инженерия	CTA						
	ELI						
	ELT						
	EMFL						
	ESRF EBS						
	EST						
	European Spallation Source						
	European XFEL						
	FAIR						
	HL-LHC						
	ILL						
	KM3NeT 2.0						
	SKA						
SPiRAL2							
социальные и культурные инновации	CESSDA						
	CLARIN						
	DARIAH						
	E-RIHS						
	ESS						
	SHARE						
цифровые технологии	PRACE						

Источник: [Public Roadmap 2018].

Опубликованная в 2020 г. Белая книга ESFRI подчеркивает, что исследовательские инфраструктуры стали играть ключевую роль в ЕИП. За девятнадцать лет существования Форума в дорожную карту ESFRI включено 55 исследовательских инфраструктур с привлеченным финансированием в размере 20 млрд евро. В качестве дальнейших целей развития ESFRI видит использование потенциала исследовательских инфраструктур в качестве центров знаний и инноваций, которые будут способствовать росту европейской конкурентоспособности как на региональном, так и на мировом уровнях [ESFRI White Paper 2020].

Особенности организации работы и правового статуса исследовательских инфраструктур в ЕС

Феномен мегасайенс («большой науки»)¹, по мнению исследователей, как никакое другое явление современной научно-технологической жизни, подталкивает государства к взаимной интеграции. Данная интеграция осуществляется в различных вариантах с использованием конструкций из разных правовых систем (национального, международного, европейского права) [Четвериков, 2018]. В ЕС в соответствии с мировой практикой используются в основном две формы организации сотрудничества по созданию и эксплуатации крупных исследовательских инфраструктур.

Одной из форм сотрудничества с большим числом стран-участниц является создание международной организации. Как субъект международного права, такая организация представляет собой самостоятельное образование с правами юридического лица, созданного на основе международного договора. Благодаря данному статусу, организация в целях осуществления международно-правовой деятельности от своего имени приобретает и располагает имуществом, обладает правами и обязанностями, обладает развитой системой внутренних органов, пользуется привилегиями и иммунитетами, которые кардинально отличают ее от национальных юридических лиц. Вклад стран-членов в бюджет такой организации определяется шкалой взносов, привязанной, как правило, к шкале взносов ООН. Между тем при принятии решений в органах управления организации каждая из стран-членов имеет один голос. В этом случае необходимо говорить о наднациональном характере создаваемой инфраструктуры. К таким организациям, например, относятся Европейская организация по ядерным исследованиям (CERN, ЦЕРН), Международный экспериментальный термоядерный реактор (ITER, ИТЭР).

В то же время во многих крупных исследовательских инфраструктурах принятой формой сотрудничества является создание консорциума или совместного научно-исследовательского центра, функционирующего в соответствии с национальным законодательством страны расположения и регистрируемого по национальному праву этой страны. Величина взносов стран-участниц определяется общей стоимо-

¹ Понятие «мегасайенс» включает как крупные международные научно-исследовательские проекты, так и категорию разработок мирового уровня, которые открывают новые возможности (класс «мегасайенс») – Ред.

стью проекта и пропорциональна количеству выкупленных акций уставного капитала. Каждая выкупленная акция дает право участнику такой организации на один голос при голосовании в ее управляющих органах. В этом случае приоритет имеет страна-хозяин крупной исследовательской инфраструктуры, на территории которой она располагается, а права и обязанности участников консорциума регулируются специальными соглашениями, которые, как правило, являются многосторонними. К таким организациям можно отнести Европейский рентгеновский лазер на свободных электронах (European X-Ray Free-Electron Laser Facility – European XFEL), Центр по исследованию ионов и антипротонов (Facility for Antiproton and Ion Research – FAIR), Европейский центр синхротронного излучения (European Synchrotron Radiation Facility ESRF) и др.

Российские научные инфраструктуры и европейский опыт

Европейский вектор сотрудничества продолжает оставаться определяющим в рамках достижения амбициозной цели для России войти в пятёрку ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития¹ [Давлетгильдеев, 2020]. Создание крупных исследовательских инфраструктур на территории Российской Федерации будет способствовать не только обеспечению лидирующих позиций России на мировом исследовательском пространстве, но и, несомненно, будет способствовать инновационному развитию российской экономики [Указ Президента РФ от 25.07.2019 г.]. В связи с данными целями опыт ЕС может быть использован как для создания и развития сети исследовательских инфраструктур внутри страны, так и как фактор, способствующий интеграции России в Европейское исследовательское пространство.

Важным шагом на этом пути является Федеральный проект «Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в РФ», один из трех федеральных проектов Национального проекта «Наука». Он призван способствовать «развитию передовой инфраструктуры научных исследований и разработок, инновационной деятельности, включая создание и развитие сети уникальных установок класса мегасайенс».

В этой связи учет и адаптация европейского опыта развития научных инфраструктур и взаимодействия научных коллективов для создания российских уникальных научных установок представляется актуальной управленческой задачей. Однако процесс формирования адекватной задачам устойчивого развития научной инфраструктуры в России с учетом международного разделения труда требует от государства повышенного внимания к тем требованиям, которым она должна отвечать. Российские уникальные научные установки являются частью мировой экосистемы научных исследований, и их функционирование невозможно без надлежаще-

¹ Паспорт Национального проекта «Наука» утверждён президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16.

го международного научного сотрудничества¹. Для выработки соответствующих управленческих решений необходимо четкое определение как наиболее перспективных направлений исследований, так и оптимальных форматов участия России в международных научных проектах с учетом имеющегося опыта, и исходя из задач развития научно-технической сферы РФ [О реализации НТИ].

Так, уже в ближайшей перспективе должны быть начаты международные научные исследования в Международном центре нейтронных исследований на базе высокопоточного реактора ПИК и исследования на Комплексе сверхпроводящих колец на встречных пучках тяжелых ионов НИКА (2022 г.). В соответствии с планом по развитию синхротронных и нейтронных исследований² [Указ Президента РФ от 25.07.2019 № 356] к 2024 г. на российских уникальных научных установках должно быть проведено не менее пяти масштабных научных экспериментов мирового уровня с участием зарубежных научных коллективов.

По мнению авторов, целесообразна реализация следующих практических шагов в направлении развития научных установок и исследовательских инфраструктур.

Во-первых, необходимо активное участие России в совместных проектах с научным сообществом ЕС. В этом направлении будет востребован опыт работ российских научных групп в Рамочных программах ЕС. Иллюстрацией реализованного эффективного взаимодействия Россия–ЕС служат проекты CREMLIN³ и CREMLIN Plus.

Во-вторых, запуск интеграционных проектов в рамках ЕАЭС и БРИКС и сравнение используемых механизмов с аналогичными европейскими. Так, при развитии научной инфраструктуры стран БРИКС предполагается воспользоваться рядом методов и подходов функционирования ESFRI. В случае успеха целесообразен перенос указанных подходов на уровень ЕАЭС.

В-третьих, необходима поддержка уже существующих механизмов научной кооперации (таких, как совместные научные конкурсы РФФ с учетом позитивного опыта РФФИ по организации совместных конкурсов), в рамках которых по образцу Евросоюза интеграционные цели так же важны, как и научные.

В-четвертых, необходимо развитие российской цифровой инфраструктуры и ее взаимосвязь с научными исследованиями. В этом направлении уже сделаны первые важные шаги⁴, но необходимо создание и поддержка на институциональном уровне научной цифровой инфраструктуры, аналогичной e-Infrastructure в ЕС (со схожей с ESFRI зонтичной программой).

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 287 «Об утверждении федеральной научно-технической программы развития синхротронных и нейтронных исследований и исследовательской инфраструктуры на 2019–2027 годы».

² Указ Президента Российской Федерации от 25.07.2019 г. № 356 «О мерах по развитию синхротронных и нейтронных исследований и исследовательской инфраструктуры в Российской Федерации».

³ CREMLIN. URL: <https://www.cremlin.eu/> (дата обращения: 16.11.2020)

⁴ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

Текущей задачей российского экспертного сообщества должно стать изучение европейского опыта и формирование на его основе предложений по развитию отечественной научной инфраструктуры. Разумеется, перенос лучших европейских практик должен происходить с учетом национальных интересов России, особенностей внутреннего регулирующего законодательства¹, целей и задач внешней политики, а планируемые результаты должны служить инструментом решения социально-экономических задач развития страны.

Заключение

Европейский опыт развития сети исследовательских инфраструктур показал, что совместное использование такого рода инфраструктуры заинтересованными сторонами сегодня является значимым фактором прорывов в науке и научной интеграции. К лучшим практикам ЕС по созданию и развитию исследовательской инфраструктуры можно отнести:

– развитие научной кооперации и междисциплинарного характера проводимых исследований;

– исключение дублирования научных целей и задач отдельных исследовательских инфраструктур, как в рамках стран-членов ЕС, так и отдельных тематических доменов;

– стратегическое планирование развития отрасли путем создания и регулярного обновления дорожных карт [Public Roadmap, 2018];

– создание четкой структуры научного ландшафта, при которой исследователи могут в минимально короткие сроки сориентироваться и выбрать эффективные для своей научной работы исследовательские инфраструктуры.

Кроме интеграционной функции, развитие научной инфраструктуры выступает драйвером экономического развития в высокотехнологических областях. С точки зрения ЕС, реализуется стратегия построения вокруг элементов научной инфраструктуры центров компетенций, ориентированных на создание и практическое внедрение достижений науки [Kautonen, Pugh, Raunio, 2017]. Опыт реализации совместных проектов может быть перенесен в другие страны и области науки. Региональные инновационные инкубаторы могут быть адаптированы под нужды конкретной страны (региона) и могут способствовать построению новых экономических отношений, опирающихся на экономику знаний.

¹ Например, в настоящее время в российской практике еще не введено четкое определение «исследовательская инфраструктура». Зачастую используется расширенное толкование терминов «уникальные научные установки» [127-ФЗ от 23.08.1996] и «установки класса мегасайенс» (Постановление Правительства Российской Федерации от 18 апреля 2016 года № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы»), которые являются составной частью понятия «исследовательская инфраструктура».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давлетгильдеев Р., Вашурина Е., Евдокимова Я. (2020) Интеграция России в Европейское исследовательское пространство. *Современная Европа*, № 1. С. 14–24 DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120201424>

Четвериков А.О. (2018) Организационно-правовые формы большой науки (мегасайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование. *Юридическая наука*. № 1. С. 13–27.

ESFRI White Paper 2020 URL: https://www.esfri.eu/sites/default/files/White_paper_ESFRI-final.pdf

Jaeger C., Tàbara J.D., Jaeger J. (2011) European Research on Sustainable Development: Volume 1: *Transformative Science Approaches for Sustainability*.

Kautonen M., Pugh R., Raunio M. (2017). Transformation of regional innovation policies: from ‘traditional’ to ‘next generation’ models of incubation. *European Planning Studies*. 25. pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1281228>

Keynan, A. (1998) Scientific cooperation, state conflict: the roles of scientists in mitigating international discord. *Annals of the New York Academy of Sciences*.

Prange-Gstöhl H. (2010) International science and technology cooperation in a globalized world: The external dimension of the European research area.

Public Roadmap 2018 Guide URL: https://www.esfri.eu/sites/default/files/docs/ESFRI_Roadmap_2018_Public_Guide_f.pdf (дата обращения: 20.11.2020)

**Research Infrastructure as a Tool for Scientific Integration:
Experience of the European Union**

E.V. Tarasova *

Candidate of Science (Economics)

Medical Research and Educational Centre, Lomonosov Moscow State University.

27, b. 10, Lomonosov Avenue, Moscow, Russia, 119991.

***E-mail:** ETarasova@mc.msu.ru

A.A. Balyakin *

Candidate of Science (Physics and Mathematics)

NRC Kurchatov Institute. 1, ac. Kurchatov sq., Moscow, Russia, 123182.

***E-mail:** Balyakin_AA@nrcki.ru

Abstract. The experience of the European Union (EU) in the use of research infrastructures constitutes a significant factor of scientific integration. It can positively impact the development of Russian unique scientific installations. The article provides an overview of the research infrastructures of the EU. The high importance of joint scientific work in the process of forming a single European research area of

the EU is shown. The features of work management of the research infrastructures in the EU are described and their life cycle is analyzed. Authors closely examine MegaScience phenomenon that is a major contributor to the integration processes. As an example, a roadmap for the development of research infrastructures in the physical sciences is considered. Several Russian federal projects are explored, including “Development of advanced infrastructure for conducting research and experimentation in Russian Federation”. It is concluded that the European experience in organizing scientific research may be required to overcome the challenges facing the Russian Federation. Regional innovative incubators can be adapted to the specifics of any country and remain a flexible tool required for building new economic relations. A number of steps are formulated to adapt EU methods and approaches to Russian realities.

Key words: research infrastructures, scientific research, technology, innovations, EU, Russia.

DOI: 10.31857/S0201708322020036

REFERENCES

Chetverikov A.O. (2018) Organizacionno-pravovye formy bol'shoj nauki (megasajens) v usloviyah mezhdunarodnoj integracii: sravnitel'noe issledovanie [Organizational and Legal Forms of Big Science (Mega-Science) in the Context of International Integration: a Comparative Study]. *Yuridicheskaya nauka*. No 1, pp. 13–27. (In Russian).

Davletgil'deev R., Vashurina E., Evdokimova YA. (2020) Integraciya Rossii v Evropejskoe issledovatel'skoe prostranstvo [Integration of Russia into the European Research Space]. *Sovremennaya Evropa*, No 1, pp. 14–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120201424> (In Russian).

ESFRI White Paper 2020 URL: https://www.esfri.eu/sites/default/files/White_paper_ESFRI-final.pdf

Jaeger C., Tåbara J.D., Jaeger J. (2011) European Research on Sustainable Development: Volume 1: Transformative Science Approaches for Sustainability.

Kautonen M., Pugh R., Raunio M. (2017) Transformation of regional innovation policies: from ‘traditional’ to ‘next generation’ models of incubation. *European Planning Studies*. No 25. pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1281228>

Keynan, A. (1998) Scientific cooperation, state conflict: the roles of scientists in mitigating international discord. *Annals of the New York Academy of Sciences*.

Prange-Gstöhl H. (2010) International science and technology cooperation in a globalized world: The external dimension of the European research area.

Public Roadmap 2018 Guide URL: https://www.esfri.eu/sites/default/files/docs/ESFRI_Roadmap_2018_Public_Guide_f.pdf (accessed: 20.11.2020)

УДК 327

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА «ГЛОБАЛЬНОЙ БРИТАНИИ» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ Б. ДЖОНСОНА

© 2022 ГРИГОРЬЕВА Оксана Владимировна*

Кандидат политических наук

*Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.*

**E-mail: oxana.grigorjeva@gmail.com*

© 2022 ПЛЮСНИН Никита Олегович*

*Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.*

**E-mail: n.plyusnin@spbu.ru*

Поступила в редакцию 07.07.2021 г.

После доработки 02.09.2021 г.

Принята к публикации 21.12.2021 г.

Аннотация. В статье рассмотрены инструменты, при помощи которых правительство Б. Джонсона сконструировало образ «Глобальной Британии» в Комплексном обзоре политики в области безопасности, обороны, развития и внешней политики, обнародованном в марте 2021 г. Опираясь на концепцию ролевой модели анализа внешнеполитических решений Дж. Розенау и С. Уолкера и теорию дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф, авторы статьи выделяют безопасность как центральный элемент дискурса. Сделан вывод, что, согласно новой стратегии, Соединенное Королевство не только готово обороняться в контексте вызовов и угроз, но и активно менять его в соответствии со своими интересами и ценностями. Определяющими для идентичности Британии являются безопасность, стрессоустойчивость и сниженная восприимчивость к потрясениям. Кроме того, необходимо отметить высокую адаптивность новой стратегии Б. Джонсона, ориентированной на посткризисный этап, что не исключает критики ее значимости для текущего момента.

Ключевые слова: ролевая модель, теория дискурса, «Глобальная Британия», безопасность, внешняя политика, Соединенное Королевство, Борис Джонсон, COVID-19, наступательный активизм.

DOI: 10.31857/S0201708322020048

Премьер-министр Соединенного Королевства Борис Джонсон 16 марта 2021 г. представил амбициозную концепцию национальной безопасности («Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексный обзор безопасности, обороны, развития и внешней политики»). Документ по-новому трактует существенные характеристики британской внешней политики и в значительной степени отличается от предшествующей стратегии «Обзор стратегии национальной безопасности и стратегической обороны и безопасности», принятой в 2015 г. правительством Д. Кэмерона. Пройдя через турбулентные времена, включая длительный период переговоров по выходу из Европейского союза и о статусе новых взаимоотношений с Брюсселем, а также через пандемию COVID-19, по замыслу правительства, Британия выйдет более сильной, глобальной, безопасной и обновленной.

Многие исследователи отметили грандиозность и имперский размах внешнеполитического проекта правительства Б. Джонсона. Дж. Шапиро и Н. Уитни в своей статье в *Foreign Affairs* исследуют «призрачные мечты» (*delusions*) «Глобальной Британии» [Shapiro, Witney, 2021], утверждая, что Лондону всё равно придется смириться со статусом средней державы. Н. Уинн, член аналитической группы «Британия в меняющейся Европе» [Winn, 2021], пессимистически замечает, что у Британии как у средней державы нет ни экономических, ни военно-политических ресурсов на реализацию изложенных в концепции планов. А. Касонта [Kasonta, 2021] называет новую стратегию попыткой в «неовикторианском стиле» определить место страны в меняющемся мире. Е.В. Ананьева и К.А. Годованюк считают, что посредством новой стратегии Лондон стремится представить себя проактивным игроком и «стратегическим хабом» безопасности европейских стран НАТО, успешно противостоящих России как наиболее острой (*the most acute*) угрозе Западу [Ананьева, Годованюк, 2021: 5–6].

При этом неясно, каким образом мифические и иллюзорные, с точки зрения многих наблюдателей, положения о «Глобальной Британии» становятся «истиной в последней инстанции» и «неоспоримым фактом» для разработчиков нового дискурса. Таким образом, важно не только что это за новый образ, но и как он будет реализовываться. Это ключевой вопрос для понимания сущности масштабного проекта по пересмотру внешней политики Соединенного Королевства.

Дискурс-анализ проведен по следующим параметрам: (1) постановка исследовательской проблемы; (2) определение корпуса анализируемых текстов; (3) систематическое представление результатов проведенного дискурс-анализа. С помощью дискурс-анализа новой стратегии и определения наступательного активизма как узлового элемента будут выявлены инструменты конструирования образа «Глобальной Британии» во внешнеполитической концепции Б. Джонсона.

Теоретической основой исследования послужила концепция ролевой модели анализа внешней политики Дж. Розенау [Rosenau, 1987] и С. Уолкера [Walker, 2013], которая помогает выявить множественные роли «Я» Великобритании, представляющей себя как новую глобальную державу, способную активно менять существующий миропорядок. Формирование и исполнение роли воспринимается как непрекращающийся процесс подстраивания под существующие усло-

вия, определяемые «Я», «Другим» как агентами и структурой международной системы.

Теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф [Laclau, Mouffe, 1985] дополняет концепцию ролевой модели анализа внешней политики, позволяя выявить узловой момент, вокруг которого формируются символы и выстраивается дискурс о престиже и величии «Глобальной Британии». Кроме того, М.В. Йоргенсен и Л.Дж. Филлипс настаивают на том, что теория дискурса «теоретически сильна, когда дело доходит до анализа формирования групп и коллективной идентичности» [Jørgensen, Phillips, 2002: 146]. Совместное использование двух теорий позволяет наиболее полно проанализировать способы построения ролей и представления их в качестве единственно возможных и правильных, с точки зрения правительства Б. Джонсона.

Дискурс наступательного активизма в стратегии «Глобальной Британии»

Мы именуем новый внешнеполитический дискурс Соединённого Королевства как дискурс наступательного активизма (*offensive activism*). Данное определение отражает основные черты стратегии «Глобальной Британии». Британия занимает наступательную, а не оборонительную позицию по отношению к вызовам и угрозам, определяющим современный мир (готова открыто бороться с ними в одиночку или в союзе с другими акторами), а также следует активистской философии мировой политики [Holm, 2002].

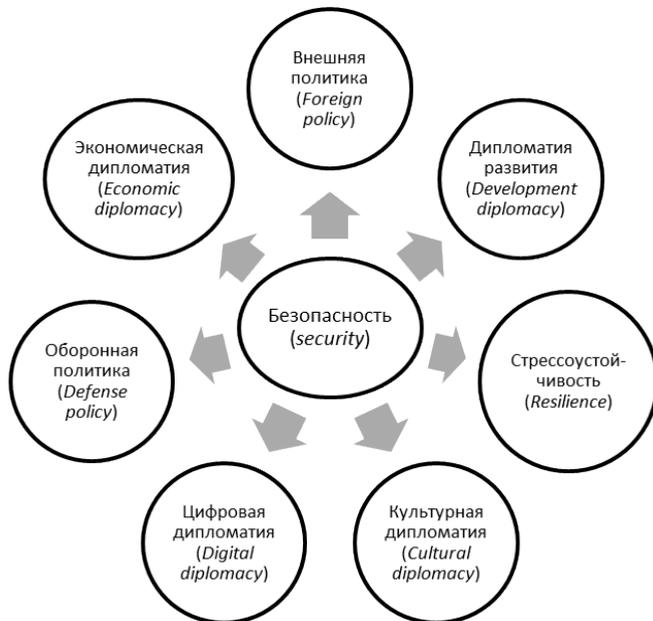
Узловым моментом дискурса наступательного активизма является «безопасность», привилегированный символ, вокруг которого приобретают своё значение прочие символы. Если условно поместить «безопасность» в центр дискурса (как его ядро), то прочие символы будут располагаться по орбите вокруг центра, испытывая на себе постоянное влияние узлового момента, так как их определение напрямую будет зависеть от того, что находится в ядре дискурса.

Нахождение как центра, так и наиболее важных символов, окружающих центр, позволяет выявить основную суть дискурса, а также сделать выводы о его составляющих частях и инструментах конструирования образов. Основные элементы дискурса представлены на Рисунке 1.

Именно безопасность определяет то, как Великобритания будет формировать свою политику во всех сферах: экономической, гуманитарной, цифровой, военной и других. С безопасностью взаимосвязан символ «стрессоустойчивость» (*resilience*). В рамках стратегии нет определения данного термина, однако его употребление свидетельствует о схожести британского и европейского взглядов на стрессоустойчивость: 1) акцент сделан на угрозах, а не на ресурсах; 2) стрессоустойчивость воспринимается как особая характеристика демократических систем [Романова et al., 2019: 16–24].

Рисунок 1

Артикуляция символов в рамках дискурса наступательного активизма

Анализируя идентичность Британии и её роль в мировой политике в рамках дискурса наступательного активизма, необходимо отметить, что безопасность будет оставаться ключевым фактором, влияющим на конструирование среды, «Я», «Другого», а также на размещение роли в социальном контексте, отражающих основные этапы зарождения и реализации на практике концепции «Глобальной Британии». Каждый из этапов будет подробно проанализирован, что позволит сделать как специфические для каждой стадии, так и общие выводы об анализируемой стратегии.

Конструирование среды: мир, полный вызовов и угроз

Постковидный мир, в котором всем государствам, включая Британию, предстоит взаимодействовать, определен, как потенциально опасный и таящий в себе угрозы, которые либо известны, либо еще не известны правительствам по всему миру. Угрозы повсеместны и тотальны, их присутствие отмечается как на мировой арене, так и внутри Соединенного Королевства¹. Указано также, что опасности могут принимать

¹ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 100.

различные формы¹. Выделяется их взаимное усиление за счёт друг друга, что создает еще более сложную картину². Стремясь, однако, систематизировать и упростить сложную картину мира, интегрированный обзор использует логику эквивалентности и группирует угрозы в четыре большие группы: геополитические и геоэкономические сдвиги, системная конкуренция, резкие технологические изменения, транснациональные вызовы³. Напряжённость и конфликтогенность становятся центральными характеристиками среды, в которой Соединенному Королевству придется действовать.

Пандемия, как следует из Обзора, стала водоразделом в истории современных международных отношений. Речь идёт о «постковидном мировом порядке», который может стать ещё более разобщенным, непрогнозируемым и неустойчивым, чем современный⁴. Важно отметить при этом, что коронакризис не только задал новые вызовы, но и обострил существовавшие ранее противоречия и проблемы.

Евросоюз, ранее значимое направление внешней политики Британии⁵, теперь находится на периферии. Брекзит считается началом новой страницы в истории Британии, уникальной возможностью пересмотреть приоритеты и задачи Соединенного Королевства⁶. ЕС стал одним из многих «Других», с которыми Британии предстоит взаимодействовать в новом мире.

Наконец характерной чертой нового опасного мира является его непрогнозируемость⁷. Прогнозируемость и транспарентность британской демократии противопоставляются неконтролируемым рискам и угрозам, исходящим от международной среды. В таком опасном мире только наступательная политика Британии видится как самый адекватный ответ на сложившуюся ситуацию. Это, однако, предполагает, создание «новой» Британии, о конструировании которой речь пойдет далее.

Конструирование «Я»: «Глобальная Британия» как ностальгия по великодержавности

В выстраивании собственного «Я» Соединенное Королевство следует известному принципу «всё новое – это хорошо забытое старое» [Годованюк, 2020]. В новой стратегии глобальность и существование на стыке различных регионов определено как краеугольный элемент британской идентичности: «Соединенное Королевство – европейская страна с глобальными интересами, открытая экономика и мор-

¹ Ibid, p. 3.

² Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 31.

³ Ibid, p. 25.

⁴ Ibid, p. 25.

⁵ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015: A Secure and Prosperous United Kingdom.

⁶ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 11.

⁷ Ibid, p. 88.

ская торговая держава с крупной диаспорой»¹. Обзор сильных сторон современной Британии изобилует такими терминами как сверхдержава, глобальный лидер и мировой лидер². Хотя в Обзоре средние державы признаны важными игроками современной международной системы, Британия претендует на роли сверхдержавы и лидера, которые в одних сферах признаются достигнутыми (как в сфере «мягкой» силы³), а в других в качестве целевых к 2030 г. (в сфере науки и технологий⁴). В предыдущей стратегии Британия хотя и признавалась сильной, влиятельной и глобальной державой⁵, но тем не менее лидерство во многих сферах виделось целью, а не свершившимся фактом.

Интересы британского народа определены широко: суверенитет, безопасность, процветание⁶. Обозначены также общие ценности Британии, которые вместе являются «клеем, соединяющим составные части Соединенного Королевства»: приверженность универсальным правам человека, верховенству закона, свободе слова, справедливости и равенству⁷. Британия в данном случае выступает как единое монолитное образование, объединяющая различные народы, культуры, территории и пространства.

Соединенное Королевство определено как «нация с глобальной перспективой, решающая проблемы и разделяющая общее бремя»⁸. В стратегии признано, что «сотрудничество с союзниками и имеющими схожие взгляды партнёрами станет основополагающим фактором» сохранения мира⁹. США остаются основным стратегическим союзником и партнером Лондона, с которым их объединяют не только общие цели и задачи, но и общие ценности: вера в демократию, верховенство права и основополагающие свободы человека¹⁰. Сотрудничество должно проходить как на двустороннем уровне, так и в рамках международных организаций и объединений, важнейшим из которых является НАТО. Североатлантический Альянс провозглашен основой евроатлантической и британской безопасности. Британия, в свою очередь, представляет себя важнейшим европейским партнером США по НАТО, крупнейшим европейским инвестором в систему коллективной безопасности, а также одним из двух лидеров объединения¹¹. Важно отметить, что сотрудничество с союзниками и партнерами в рамках НАТО, других организаций и на двухсторон-

¹ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 7.

² Ibid, pp. 8–9.

³ Ibid, pp. 49–50.

⁴ Ibid, p. 4.

⁵ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015: A Secure and Prosperous United Kingdom, p. 13.

⁶ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 11.

⁷ Ibid, p. 13.

⁸ Ibid, p. 6.

⁹ Ibid, p. 69.

¹⁰ Ibid, p. 60.

¹¹ Ibid, pp. 71–72.

нем уровне призвано также сдерживать противников (adversaries), которые воплощают в себе одно из проявлений «Другого», конструирование идентичности которого также составляет важную часть стратегии.

Конструирование «Другого»: многоликий и опасный

Характерная черта «Другого» в стратегии – это его временная и пространственная многоликость. Обобщенный «Другой» представляет собой любой источник угроз для Британии, им может быть как государство, так и любой феномен. Пространственное измерение в данном случае выходит на первый план: мотив размытости или отсутствия границ является ключевым для конструирования образа «Другого» и для усиления ощущения тотальности и неизбежности вызовов и угроз. С одной стороны, речь идет о размытии границы между угрозами внутри страны и ее пределами¹. С другой стороны, признание одинаковой степени значимости цифрового и физического мира создает возможность говорить о новых измерениях угроз². Таким образом, «Другой» может одновременно существовать в различных измерениях и пространствах, что позволяет настаивать на центральном положении символа «безопасность».

Тем не менее персонализация «Другого» также присутствует в рамках конструирования его идентичности. Отмечается, что «Россия останется наиболее злободневной прямой угрозой Соединенному Королевству»³. Важно отметить, однако, что идентичность РФ как самого опасного «Другого» не монолитна. Сделана оговорка: «Соединенное Королевство уважает народ, культуру и историю России. Однако пока отношения с её правительством не улучшатся, мы будем активно противостоять ей и обороняться против всего спектра угроз, исходящих от России»⁴. Кроме того, временность российской угрозы выражена через определение «наиболее злободневной», что говорит, во-первых, о возможности пересмотра отношений в будущем, если Россия начнет играть по правилам, устанавливаемым Западом во главе с «Глобальной Британией»⁵, а во-вторых, о том, что РФ рассматривается одной из многих угроз. Многоликость «Другого» в данном случае одерживает вверх.

Данный подход кардинально отличается от применяемого ранее. В стратегии 2015 г. Россия признавалась одним из главных источников угроз и нестабильности в мире. Однако отмечалось, что «незвирая на наши различия, мы будем искать пути налаживания взаимодействия и сотрудничества с РФ по вопросам глобальной

¹ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 69.

² Ibid, p. 6.

³ Ibid, p. 19.

⁴ Ibid, p. 61.

⁵ Ibid.

безопасности»¹. Можно увидеть, что в 2015 г. осознавалась необходимость диалога с Россией как важным участником международных отношений; в стратегии 2021 г. договороспособность России отрицается в принципе.

Идентичность Китайской Народной Республики как «Другого» для британской внешней политики так же неоднозначна, как и идентичность России. С одной стороны, «военная модернизация Китая и его растущая международная вовлеченность в Индо-Тихоокеанском регионе и за его пределами определяет возрастающие риски для британских интересов»². Вместе с тем фактор Китая признан в качестве объективного лидера в постковидном мире, поэтому Британия должна адаптироваться, активно инвестируя в КНР и сотрудничая с Пекином по важнейшим вопросам международных отношений³.

Сконструированные среда, «Я» и «Другой» развиваются в концепции параллельно и находятся в постоянном взаимодействии.

Размещение роли в социальном контексте: «Глобальная Британия» в постковидном мире

Амбициозность стратегии Б. Джонсона состоит не только в смелых заявлениях о новых идентичностях «Я» и «Другого» и среде мировой политики, но и в предложении конкретных действий, которые, по мнению правительства, позволят «Глобальной Британии» стать новой реальностью. Содержание этих действий соответствует определению дискурса наступательного активизма. Содержание новой политики описывается как уход от поддержания статуса-кво к активному участию в создании постковидного мирового порядка⁴. Как отмечает Ал.А. Громыко, коронавирус во многом обострил гонку за первенство и информационное противостояние в поистине глобализованном мире, проделавшем большой путь с окончания холодной войны [Громыко, 2020]. Британия, согласно стратегии, готова активно включиться в эту гонку и рассчитывает выйти из этой гонки победителем. Британия представляет себя как сила добра, одной из основных защитниц универсальных ценностей, что позволяет Лондону всё чаще прибегать к многосторонней дипломатии, направленной на позитивное развитие мира⁵.

Пандемия показала, как важно принимать во внимание мнение академического сообщества и достижения научно-технического прогресса, поэтому в новом постковидном мире Британия будет защищать и продвигать как британские, так и зарубеж-

¹ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015: A Secure and Prosperous United Kingdom, p. 18.

² Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, p. 29.

³ Ibid, p. 22.

⁴ Ibid, p. 21.

⁵ Ibid, p. 14.

ные эпистемные сообщества¹. Кроме того, Британия будет активно поддерживать демократический транзит в “нелиберальных” “закрытых” странах, выступая общим фронтом с другими “демократическими” “открытыми” обществами². Поддержание национальной и глобальной стрессоустойчивости через активную политику в сфере защиты биоразнообразия, борьбы с климатическими изменениями и развития здравоохранения также провозглашено базовой задачей государства. Британия будет стремиться отстаивать данные положения в коммуникации с другими государствами³. Наконец в стратегии отмечено, что на фоне растущего количества вызовов и угроз только доказавшие свою эффективность инструменты сдерживания наиболее действенны в текущей обстановке. Таким образом, финансирование и модернизация ядерного потенциала – важная задача «Глобальной Британии», которая стремится подтвердить свой высокий статус гаранта международной безопасности⁴.

В стратегии также приводится подробный обзор ресурсов, которыми обладает «Глобальная Британия» и на которые она может опираться в построении нового мирового порядка. Отмечены как материальные ресурсы (военная и финансовая мощь, эффективная нормативно-правовая база, развитый научно-технический сектор, обширные международные связи и др.), так и нематериальные (социальный капитал населения, «мягкая» сила, открытость и транспарентность британской демократии, верность общечеловеческим ценностям, многовековая история и пр.). Таким образом, сконструирован образ державы, которая не только в прошлом, но и в настоящем и будущем способна активно влиять на международные отношения⁵.

Тем не менее столь высокая оценка возможностей Соединенного Королевства не означает, что ему не нужно меняться. Напротив, в более сложной и опасной среде мировой политики с многоликим и более опасным «Другим» как никогда важно проявлять гибкость, приобретать новые навыки и быстро реагировать на появляющиеся вызовы и угрозы. Риски необходимо предвидеть, предотвращать, готовиться к ним, отвечать на них и восстанавливаться после них⁶.

Британское правительство стремится закрепить за символами и идентичностями определённые смыслы и установить их как единственно верные для «Я» и «Другого». Мир опасен как никогда, но и Британия сильна как никогда, поэтому любая угроза может и должна быть побеждена⁷. Так можно кратко охарактеризовать пафос стратегии «Глобальной Британии».

¹ Global Britain in a Competitive Age: the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, pp. 35–40.

² Ibid, pp. 44–69.

³ Ibid, pp. 87–96.

⁴ Ibid, pp. 76–79.

⁵ Ibid, pp. 6–9.

⁶ Ibid, p. 19.

⁷ Ibid, p. 60.

Заключение

Новая стратегия «Глобальной Британии» стала амбициозным заявлением правительства Б. Джонсона в условиях пандемии COVID-19, совпавшей с этапом пост-брекзита. Кроме того, она демонстрирует, как конструируется образ Соединённого Королевства не только готового обороняться в мире вызовов и угроз, но и активно менять его в соответствии со своими интересами и ценностями.

Резюмируя проведенный анализ, можно представить основную идею стратегии следующим образом: современный меняющийся мир полон опасностей, число которых увеличилось в результате пандемии коронавируса, однако Британия готова принять на себя роль глобальной державы, дать отпор многоликому и несущему угрозы «Другому», после чего построить новый мировой порядок в соответствии с интересами и ценностями Соединенного Королевства, его союзников и партнеров.

Традиционно США выступает в качестве главного союзника и партнера, разделяющего с Британией общие ценности. НАТО указана в качестве основы евроатлантической и британской безопасности. Важно отметить, что сотрудничество с союзниками и партнерами определяется через общего «Другого», конструирование идентичности которого также является важнейшей составляющей новой концепции внешней политики.

Характерной чертой «Другого» в стратегии является его временная и пространственная многоликость: «Другим» может быть как государство, так и любое явление. Мотив размытости или отсутствия границ стал ключевым при характеристике пространства «Другого»: угрозы встречаются на национальном и международном уровнях, а также в цифровом мире. Таким образом, «Другой» может одновременно существовать в различных измерениях и пространствах, что вновь объясняет необходимость формулировать концепцию через безопасность как центральное понятие.

Одним из персонализированных «Других», с точки зрения стратегии, является Российская Федерация, которая названа в качестве наиболее злободневной прямой угрозы Соединенному Королевству, хотя признана гипотетическая возможность диалога, если Россия примет правила игры, предлагаемые Западом. Столь же неоднозначной является идентичность КНР как «Другого» для британской внешней политики: Лондон вынужден учитывать как возрастающие риски для британских интересов со стороны Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, так и его привлекательность как важнейшего торгового партнера.

Прежняя концепция 2015 г. ставила главной целью экономическое процветание Британии, что, однако, не способствовало устойчивости правительства Д. Кэмерона, которое, успев оправиться от референдума по вопросу независимости Шотландии, получило новый удар во время референдума по вопросу членства Британии в ЕС. Будет ли новая концепция Б. Джонсона, основанная на понятии «безопасность», успешной, покажет время.

В долгосрочной перспективе идентичность «Глобальной Британии», сформулированная в политике Б. Джонсона в постковидное время, стремится создать проч-

ную основу для возврата Британии в мировую политику в качестве значимого игрока. Восприятие Европы только через Евросоюз также осталось в прошлом и не является более решающим фактором в процессе принятия решений. Определяющими для идентичности Британии стали безопасность, стрессоустойчивость и сопротивляемость.

Однако необходимо отметить высокую адаптивность новой стратегии Лондона ввиду ее ориентации на посткризисный этап, что не исключает критики ее значимости для текущего момента. Комплексную стратегию можно считать лишь вехой в развитии британской внешней политики в постковидную эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьева Е.В., Годованюк К.А. (2021) Стратегия национальной безопасности Великобритании. *Аналитические записки Института Европы РАН*, № 5 (235). С. 1–7. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics52021>

Годованюк К.А. (2020) «Глобальная Британия» как следствие исторических дискуссий об идентичности. *Современная Европа*. № 6. С. 181–190. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020181190>

Громько Ал.А. (2020) Коронавирус как фактор мировой политики. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 4–13. DOI: dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22020412

Романова Т.А., Павлова Е.Б., Трещенков Е.Ю., Гудалов Н.Н., Тулупов Д.С., Колодаев Ю.Ю., Коцур Г.В., Мазаник С.В., Малова А.Н. (2019) *Концепция стрессоустойчивости (resilience): рекомендации для России в контексте взаимодействия с Европейским союзом: рабочая тетрадь 55/2019*. Гл. ред. И.С. Иванов. Российский совет по международным делам (РСМД). НП РСМД, Москва.

Holm H.-H. (2002) The Rise and Decline of Danish Foreign Policy Activism: The case of Denmark, in Dahl A. and Hillmer N. (eds.). *Activism and (non)alignment: The relationship between foreign policy and security doctrine*. Utrikespolitiska institutet. Stockholm. pp. 83–102.

Jørgensen M. and Phillips L.J. (2002) *Discourse Analysis as Theory and Method*. SAGE Publications. London. DOI: <https://dx.doi.org/10.4135/9781849208871>

Kasonta A. (2021) The Idea of Global Britain: A Neo-Victorian Attempt to Define the Place of the English in the World Amidst the Changing Global Order. *RIAC*. 04.05.2021, URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/european-policy/the-idea-of-global-britain-a-neo-victorian-attempt-to-define-the-place-of-the-english-in-the-world-a/> (дата обращения: 10.01.2022)

Laclau E. and Mouffe C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. Verso. London.

Rosenau J. (1987) Roles and Role Scenarios in Foreign Policy. in Walker, S. (ed.). *Role Theory and Foreign Policy Analysis*. Duke University Press. Durham. NC. pp. 44–65.

Shapiro J. and Witney N. (2021) The Delusions of Global Britain. *Foreign Affairs*. 23.03.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2021-03-23/delusions-global-britain> (дата обращения: 10.01.2022)

Walker S. G. (2013). *The Cognitive Architecture of British Appeasement Decisions: Symbolic and Strategic Interaction in World Politics*. Routledge. New York. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203488096>

Winn N. (2021) Global Britain in a Competitive Age. *UK in a Changing Europe*. 18.03.2021. URL: <https://ukandeu.ac.uk/global-britain-in-a-competitive-age/> (дата обращения: 10.01.2022)

Constructing the “Global Britain” Identity in the Foreign Policy Strategy of Boris Johnson

O.V. Grigoreva*

Candidate of Science (Politics)

Saint Petersburg State University.

7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034.

***E-mail:** oxana.grigorjeva@gmail.com **ORCID:** 0000-0002-9896-892X

N.O. Plyusnin*

Saint Petersburg State University.

7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russia, 199034.

***E-mail:** n.plyusnin@spbu.ru **ORCID:** 0000-0002-0516-5985

Abstract. The article examines the instruments by which the “Global Britain” identity is constructed and specified in the Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, adopted by the UK government in March 2021. Applying role theory of foreign policy analysis by Rosenau (1987) and Walker (2013) and discourse theory by Laclau and Mouffe (1985), the authors define the mechanisms of how the Global Britain identity is shaped, with “security” being a nodal point of the discourse. It is concluded that the UK is determined to defend itself against the world of hazards and threats, but also it seeks to actively transform the global order in accordance with the British interests and values. The three pillars of the new identity are security, resilience, and reduced vulnerabilities. Moreover, it should be stressed that new foreign policy strategy identifies Global Britain as an active actor of post-COVID world, which, on the one hand, makes the strategy more adaptive and flexible, but, on the other hand, creates contradictions in Boris Johnson's policy and poses questions about its efficiency.

Key words: role theory, discourse theory, Global Britain, security, foreign policy, UK, Boris Johnson, COVID-19, offensive activism.

DOI: 10.31857/S0201708322020048

REFERENCES

- Ananieva E, Godovanyuk K. (2021) Strategiya nacional'noj bezopasnosti Velikobritanii [UK National Security Strategy]. *Analytical papers of the Institute of Europe RAS*, No 5 (235), pp. 1–7. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics52021> (in Russian).
- Godovanyuk K. (2020) “Global'naya Britaniya” kak sledstvie istoricheskix diskussij ob identichnosti [“Global Britain” as an Outcome of Historical Disputes over UK Identity]. *Sovremennaja Evropa*. No 6, pp. 181–190. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020181190> (in Russian).
- Gromyko A.I.A. (2020) Koronavirus kak faktor mirovoi politiki [Coronavirus as factor of world policy]. *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*. No 2, pp. 4–13. DOI: dx.doi.org/10.15211/vestnikieran22020412 (in Russian).
- Holm, H-H. (2002) The Rise and Decline of Danish Foreign Policy Activism: The case of Denmark, in Dahl A. and Hillmer N. (eds.). *Activism and (non)alignment: The relationship between foreign policy and security doctrine*. Utrikespolitiska institutet. Stockholm, pp. 83–102.
- Jørgensen M. and Phillips L.J. (2002) *Discourse Analysis as Theory and Method*. SAGE Publications. London. DOI: <https://dx.doi.org/10.4135/9781849208871>
- Kasonta A. (2021) The Idea of Global Britain: A Neo-Victorian Attempt to Define the Place of the English in the World Amidst the Changing Global Order. *RIAC*. 04.05.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/european-policy/the-idea-of-global-britain-a-neo-victorian-attempt-to-define-the-place-of-the-english-in-the-world-a/> (accessed 10.01.2022)
- Laclau E. and Mouffe C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. Verso. London.
- Romanova T.A., Pavlova E.B., Treschenkov E.Yu., Gudalov N.N., Tulupov D.S., Kolotaev Yu.Yu., Kotsur G.V., Mazanik S.V. and Malova A.N. (2019) *Koncepciya stressoustojchivosti (resilience): rekomendacii dlya Rossii v kontekste vzaimodejstviya s Evropejskim soyuzom: rabochaya tetrad' 55/2019* [The concept of resilience: recommendations for Russia in the context of interactions with the European Union: a workbook 55/2019]. ed. by Ivanov I.S. Rossiisky sovet po mezhdunarodnym delam (RIAC). NP RIAC, Moscow. (in Russian).
- Rosenau J. (1987) Roles and Role Scenarios in Foreign Policy. in Walker S. (ed.). *Role Theory and Foreign Policy Analysis*. Duke University Press. Durham. NC, pp. 44–65.
- Shapiro J. and Witney N. (2021) The Delusions of Global Britain. *Foreign Affairs*. 23.03.2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2021-03-23/delusions-global-britain> (accessed 10.01.2022).
- Walker S. G. (2013) *The Cognitive Architecture of British Appeasement Decisions: Symbolic and Strategic Interaction in World Politics*. Routledge. New York. DOI: <http://doi.org/10.4324/9780203488096>
- Winn N. (2021) Global Britain in a Competitive Age. *UK in a Changing Europe*. 18.03.2021. URL: <https://ukandeu.ac.uk/global-britain-in-a-competitive-age/> (accessed 10.01.2022)

УДК 327:354(470+571)(476)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31086 «Вызовы и возможности для Союзного государства Белоруссии и России: внутреннее и внешнее измерение»

ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ДЛЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛОРУССИИ И РОССИИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР

© 2022 **БАХЛОВА Ольга Владимировна***

Доктор политических наук

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва». 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

***E-mail:** olga.bahlova@mail.ru

© 2022 **БАХЛОВ Игорь Владимирович***

Доктор политических наук

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва». 430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

***E-mail:** bahlov@mail.ru

Поступила в редакцию 03.10.2021

После доработки 11.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов военно-политической интеграции России и Белоруссии с учётом состояния внешней среды. Показано соотношение теоретико-концептуальных установок в области безопасности национального и интеграционного уровней, дискурсивных практик и предпринимаемых странами–участницами Союзного государства усилий на фоне умножающихся вызовов и угроз. Акцентирован европейский вектор как рискованный для них и Союзного государства в целом. Исследованы содержание и динамика интеграционных решений, обозначены основные достижения и уязвимости. Сопоставление подходов РФ и РБ позволило определить перспективные направления союзного строительства и точки соприкосновения. Высока вероятность усиления взаимосвязи военно-политической и экономической сфер двусторонней интеграции за счёт внедрения новых инструментов. Сделан вывод о стимулирующем воздействии белорусского кризиса 2020 г. на перезапуск российско-белорусской интеграции. На современном этапе проявляются драйверы её углубления в военно-политической сфере, обусловленные радикализацией позиций евроатлантических акторов, ужесточением их конфронтационного поведения.

Ключевые слова: военно-политическая интеграция, вызовы и угрозы безопасности, деструктивное воздействие, Евро-Атлантический регион, Союзное государство Белоруссии и России.

DOI: 10.31857/S020170832202005X

Союзное государство Белоруссии и России (СГБР) как интеграционный формат и геополитический проект испытывает серьёзное давление извне и изнутри. Опасности и риски для его успешного функционирования, достижения интеграционных целей и задач и реализации национальных интересов стран–участниц таятся во внутреннем и внешнем измерениях. Внешнее воздействие является, как правило, деструктивным, дезориентирующим, побуждающим к манипуляциям, но оно может подтолкнуть и к принятию прорывных интеграционных решений, считавшихся немислимыми или преждевременными. События последних лет вокруг Союзного государства это вполне подтверждают.

Проблематика безопасности специалистами и практиками воспринимается как неотъемлемая часть интеграционной повестки. Константа теоретического и политического дискурса – признание увеличения и видоизменения угроз и вызовов в разных регионах мира и интеграционных объединениях [Чернявский, 2020; Щербак, 2021]. Примечательны оценки сопряжения динамики интеграции и внешних факторов [Чернега, 2019: 11–13]. Подчёркиваются сложности становления внешнеполитической и оборонной субъектности для Евросоюза [Громыко, 2021: 22].

Применительно к СНГ существуют негативные последствия военно-политического экспансионизма НАТО и информационно-психологического противоборства в формате политической коммуникации «Запад – Россия», вовлекающей, наряду с субъектами-актерами – антагонистами интеграционных процессов в регионе, «вторичных» субъектов [Цыбаков, 2021: 158–159]. В исследованиях российско-белорусской интеграции артикулируется военно-политический аспект [Marin, 2020]. Прослеживаются корреляции с дилеммой интеграционного выбора [Vysotskaya, Vieira, 2014; White, Biletskaya, et al., 2016; Rytövuori-Apunen, 2020]. Фиксируются возрастание «частоты военных столкновений России и Запада», разнотечения в позициях РФ и РБ в контексте украинского кризиса [Åtland, Kabanenko, 2020; Hansbury, 2020]. Недостаточно изучены реакция РФ и РБ на эволюцию ситуации в области безопасности и перспективы их интеграционного взаимодействия под влиянием кризиса 2020 г., но и в данном случае исследователи акцентируют внимание на сближении двух стран [Коктыш, 2021; Межевич, 2020]. Обеспечение национальной безопасности РФ и РБ, безопасности СГБР рассматривается через призму геополитических и цивилизационных факторов. Актуальными, помимо экспансии НАТО, видятся практика двойных стандартов, политика сдерживания со стороны Запада, нагнетание информационной войны, санкционное давление, вмешательство во внутренние дела [Косов, 2018; Николаева, 2021].

Декларируемые намерения и предпринятые в ходе и под влиянием украинского и белорусского кризисов странами–участницами Союзного государства действия в военно-политической области можно понимать как маркеры степени их готовности к углублению интеграции и способности солидарно отвечать на вызовы и угрозы,

источники которых находятся во внешнем измерении. Взаимосвязь трансформации и роста внешних вызовов и угроз для Союзного государства, России и Белоруссии и их реакции на происходящее воплощается в определённых инициативах и мерах в интеграционной плоскости. Реализации цели способствовали качественный и формализованный анализ документов, событийных данных в обозначенном проблемном поле, контекстный анализ официального дискурса, бинарное сравнение (с выделением пар «Россия – Белоруссия»; «национальный – интеграционный уровни»). Хронологические рамки исследования – 2015–2021 гг. Ключевые рубежные события – украинский и белорусский кризисы, послужившие триггерами ряда интеграционных решений. Исследование опиралось на неофункционалистские трактовки логики интеграции и эффекта фрустрации как стимула сближения.

Концептуально-стратегические основы политики безопасности России и Беларуси

В концептуально-стратегических документах обеих стран закреплён широкий перечень вызовов и угроз, коррелирующий с особенностями текущей международной ситуации/военно-политической обстановки. В РФ угроза национальной безопасности понимается как «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам»¹. Близка по смыслу белорусская трактовка – как потенциальной или реально существующей возможности нанесения ущерба национальным интересам². Не раскрываются понятие и содержание вызовов, хотя сам термин в официальных документах и дискурсе властей РФ и РБ наличествует. Отсутствовало определение обоих понятий в прежней Военной доктрине Союзного государства³. Данный пробел отчасти восполняется в ОДКБ. Вызов коллективной безопасности ОДКБ интерпретируется как «совокупность условий, потенциально способных перерасти в угрозу коллективной безопасности»⁴. Подобная формулировка отвечает направленности положений документов РФ и РБ, семантическим конструкциям и линиям репрезентаций в официальном дискурсе.

¹ Стратегия национальной безопасности РФ: утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 17.10.2021)

² Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575 (ред. от 24.01.2014). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575> (дата обращения: 17.10.2021)

³ Военная доктрина Союзного государства: утв. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 26.12.2001 № 8. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456089527> (дата обращения: 27.10.2021)

⁴ Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 года: утв. Решением Совета коллективной безопасности ОДКБ от 14.10.2016. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do/ (дата обращения: 17.10.2021)

Вызовы и угрозы для обеих стран многогранны и локализируются по-разному. Наиболее отчётливо сейчас проступает европейский/западный вектор. Очевидно сопряжение конкретных вызовов, угроз, опасностей, их источников с действиями/политикой европейских/евроатлантических акторов либо с эскалацией кризисов и конфликтов в европейском регионе. В Стратегии ОДКБ и документах РБ, в отличие от РФ, нет чёткой персонификации субъектов, с поведением которых они ассоциируются, но белорусская сторона на фоне деградирующей внешней среды заявляет о намерении скорректировать свою позицию.

Документально фиксируются «расширение (создание) в Европейском регионе военно-политических союзов, в которые не входит Республика Беларусь»¹; «системные проблемы в Евро-Атлантическом регионе, выразившиеся в осуществляемой Организацией Североатлантического договора (НАТО) и Европейским союзом (ЕС) геополитической экспансии»². В Военной доктрине Союзного государства 2001 г. такой лейтмотив не просматривался, но новая её версия более категорична. По мнению А.В. Русаковича, заместителя председателя Комиссии Совета Республики Национального собрания РБ по международным делам и национальной безопасности, она учитывает реалии геополитической и военно-стратегической обстановки в Европе, традиционные и новые угрозы: расширение и наращивание военного потенциала НАТО, технологии «цветных революций», провоцирование внутренних конфликтов, использование экстремистских и террористических структур, частных военных кампаний, вызовы в киберпространстве³.

Внешние вызовы и угрозы безопасности в официальном дискурсе России и Беларуси

Ключевым срезом официального дискурса ввиду специфики внешнеполитического процесса РФ и РБ, роли ВГС в СГБР, являются дискурсивные практики высшего политического руководства.

В России модельными в репрезентации актуальной повестки в области безопасности для внутренних адресатов выступают послания Президента Федеральному Собранию РФ, материалы заседаний и совещаний Совета Безопасности РФ, коллегии Министерства обороны, Федеральной службы безопасности. Одновременно в них обозначены внешние адресаты (НАТО, Альянс, партнёры и пр.). Проступает взаимосвязь внутреннего и внешнего измерений.

В выступлениях Президента РФ содержатся развёрнутые характеристики вызовов и угроз безопасности. Сделан акцент на новых формах соперничества, рисках

¹ Военная доктрина Республики Беларусь: утв. Законом Республики Беларусь от 20.07.2016 № 412-3. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/doktrina/ (дата обращения: 17.10.2021)

² Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 17.10.2021)

³ Русакович: Военная доктрина Союзного государства учитывает угрозу расширения НАТО. 08.11.2021. URL: <https://eurasia.expert/voennaya-doktrina-soyuznogo-gosudarstva-uchityvaet-ugrozu-rasshireniya-nato/> (дата обращения: 23.11.2021)

(информационное противоборство и пр.). На европейском направлении отмечено форсирование создания европейского сегмента ПРО¹.

Внешнее измерение также иллюстрируют документы, принятые в различных форматах с участием РФ и РБ (ОБСЕ, СНГ, ОДКБ, СГБР и др.). В них прослеживаются сходные тенденции с большей детализацией. С точки зрения сопряжения усилий РФ и РБ по формированию системы коллективной безопасности, в регионе СНГ первостепенны ОДКБ и СГБР.

Лейтмотив позиции главы государства – концентрация усилий на открытом, доверительном диалоге по всему спектру проблем обеспечения безопасности. Новый ориентир – выстраивание «более плотных контактов» с ШОС, с подключением РБ (совместные учения участников ШОС «Мирная миссия–2021», сентябрь 2021 г.)².

Взаимовыгодная, равноправная интеграция с Белоруссией в рамках Союзного государства позиционируется как стратегический приоритет РФ. Формулируется высокая оценка российско-белорусского опыта как способствующего развитию интеграционных процессов на пространстве СНГ³. Артикулированы укрепление внешнеполитической координации и обеспечение безопасности государств и народов Союзного государства/вопросы строительства единого оборонного пространства и обеспечения безопасности Союзного государства на внешнем периметре. Традиционно затрагивается наращивание военного присутствия НАТО вблизи границ Союзного государства⁴.

Среди документов, предназначенных для внутренних адресатов в РБ, показательны доклады на всебелорусских народных собраниях и послания белорусскому народу и Национальному собранию. Фактически в большинстве из них фигурируют внешние адресаты, с поведением которых ассоциируются главные источники вызовов и угроз (Польша, НАТО, др.). Президент РБ подчёркивает, что вызовы и угрозы «происходят не только где-то далеко от нас, но уже, к сожалению, совсем рядом – у

¹ Заседание Совета Безопасности. 26.03.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65231> (дата обращения: 27.10.2021); Заявление Владимира Путина о дополнительных шагах по деэскалации обстановки в Европе в условиях прекращения действия Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД). 26.10.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64270> (дата обращения: 27.10.2021)

² Совместное заседание глав государств–членов ШОС и ОДКБ. 17.09.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66707> (дата обращения: 27.10.2021)

³ Выступления на заседании Высшего Государственного Совета Союзного государства России и Белоруссии. 25.02.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/51391> (дата обращения: 05.11.2021); Заседание Высшего Государственного Совета Союзного государства России и Белоруссии. 30.06.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54917> (дата обращения: 05.11.2021)

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию. 21.04.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 05.11.2021)

нашего порога»¹. Доминанты его позиции – террористическая и миграционная угрозы, новые линии раздела внутри Евросоюза и вокруг него, размещение войск НАТО «непосредственно у наших границ и границ нашей союзной России»². Указывается на обострение информационного противоборства, активизацию внешнего вмешательства и опасности «цветных революций»³. События 2020 г. трактуются как жёсткая атака извне, попытка государственного переворота, Белоруссия – как «господствующая высота на поле боя в центре Европы»⁴.

Фиксируются обострение обстановки на западных границах ОДКБ, риски силовых вариантов разрешения конфликтов. В качестве субъектов–инициаторов негативной повестки упоминаются ЕС, США и НАТО, коллективный Запад. В её рамках артикулированы «дальнейшее продвижение на восток якобы эталонных “демократии и европейских ценностей”»; давление коллективного Запада на суверенные государства за счёт ограничений, асимметричных действий и гибридного влияния; расширение военного присутствия США в Восточной Европе; наращивание боевых возможностей коалиционных формирований стран НАТО; попытки ЕС придать инцидентам на границе с беженцами и мигрантами «характер международной гибридной угрозы»⁵.

Союзное государство в видении А.Г. Лукашенко тоже наделяется весомой ролью в области безопасности. Белорусско-российское военное и военно-техническое сотрудничество, СГБР рассматриваются как эффективное средство противодействия современным вызовам и угрозам, область обороны и безопасности – как наименее противоречивая и спорная в российско-белорусских отношениях. Предполагается консолидация на площадках Союзного государства⁶.

¹ Доклад Президента Беларуси на пятом Всебелорусском народном собрании. 22.06.2016. URL: <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-pjatom-vsebelorusskom-narodnom-sobranii-13867> (дата обращения: 17.10.2021)

² Послание белорусскому народу и Национальному собранию. 21.04.2017. URL: <https://president.gov.by/ru/events/ezhegodnoe-poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-16059> (дата обращения: 17.10.2021)

³ Совещание с руководителями ведущих государственных СМИ. 11.02.2020. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshanie-s-rukovoditeljami-veduschix-gosudarstvennyx-smi-23018> (дата обращения: 17.10.2021)

⁴ Встреча с журналистами, представителями общественности, экспертного и медийного сообщества «Большой разговор с Президентом». 09.08.2021. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-zhurnalistami-predstaviteljami-obshchestvennosti-ekspertnogo-i-mediynogo-soobshchestva-bolshoy-razgovor-s-prezidentom> (дата обращения: 17.10.2021); Доклад Президента Беларуси на VI Всебелорусском народном собрании 11.02.2021. URL: <https://president.gov.by/ru/events/shestoe-vsebelorusskoe-narodnoe-sobranie> (дата обращения: 17.10.2021)

⁵ Участие в сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ. 16.09.2021. URL: <https://president.gov.by/ru/events/rabochiy-vizit-v-tadzhikistan-uchastie-v-sessii-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-odkb> (дата обращения: 17.10.2021)

⁶ Встреча с Президентом России В.В. Путиным. 14.09.2020. URL: <https://president.gov.by/ru/events/rabochiy-vizit-v-rossiyskuyu-federaciyu-1600074654> (дата обращения: 17.10.2021); Поздравление с Днём единения народов Беларуси и России.

Смысловые характеристики дискурсивных практик российского и белорусского лидеров в плоскости безопасности довольно близки. Во многом совпадают перечни актуальных вызовов и угроз и персонификация их источников. Оба президента фокусируют внимание на факторе внешнего деструктивного воздействия и проявлениях гибридных войн. Заметна большая концентрация А.Г. Лукашенко на европейском векторе. Детерминанты – географическое положение Республики Беларусь и различия внешнеполитических ролей РФ и РБ. Подчеркнём конъюнктурность белорусской позиции по ЕС: от интерпретации Евросоюза как вероятного партнёра в реализации идеи «интеграции интеграций» до артикуляции разностороннего давления с его стороны. Белорусская позиция сдвигается в сторону все большей актуализации совместных действий РФ и РБ в области безопасности.

Реагирование на внешние вызовы и угрозы: инициативы и действия

Как же соотносятся провозглашённые ориентиры и реальное состояние дел в военно-политическом сегменте союзного строительства? Некоторые узловые моменты сопряжения российско-белорусских усилий по совместному противостоянию внешним вызовам и угрозам представлены в таблице 1. Они характеризуют мероприятия в военно-политической области (стратегические учения, штабные тренировки и пр.), внешнеполитические (консультации и др.), стратегические решения.

В таблице учтены мероприятия и решения, выражающие стремление сторон к углублению интеграционного взаимодействия. Акцент сделан на реакции официальных, правительственных субъектов обеих стран. В обсуждение вовлекались и неправительственные объединения, например, Ассоциация «Агентство интеграционных инициатив» (РФ), Информационно-просветительское учреждение «Актуальная концепция» (РБ), при содействии которых разработана дорожная карта, направленная на снятие противоречий в сфере формирования единой системы безопасности Союзного государства¹. Примечательно участие разнообразных институций Союза/Союзного государства Белоруссии и России.

Текущая ситуация порождает общие (принятие Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг., новой редакции Военной доктрины СГ, Концепции миграционной политики, акцентирование стратегического планирования в СГБР) и предметные (патрулирование стратегической авиацией ВКС РФ воздушного пространства РБ и пр.) ответы. Важна корреляция союзных программ с вектором на безопасность.

02.04.2021. URL: <https://president.gov.by/ru/events/pozdravlenie-s-dnem-edineniya-narodov-belarusi-i-rossii> (дата обращения: 17.10.2021)

¹ Круглый стол «Военно-стратегическая безопасность Союзного государства России и Беларуси в XXI веке» прошел в Смоленске. 13.06.2017. URL: https://www.postkomsg.com/news/politika_ekonomika/214382/ (дата обращения: 17.10.2021)

Таблица 1

**Ключевые мероприятия и решения в плоскости реагирования
на внешние вызовы и угрозы в рамках
Союзного государства Белоруссии и России**

Год	Мероприятия	Главные участники	Основные результаты
2015	15	ВГС, президенты РФ и РБ; СМ СГ; коллегии МИД РФ и РБ; Совместная коллегия оборонных ведомств РФ и РБ; советы безопасности РФ и РБ; Парламентское Собрание, его комиссии; Белорусско-Российская межправительственная комиссия по ВТС; Объединённое командование региональной группировки войск (сил) РБ и РФ, ВКС России, ВВС и ПВО РБ	Утверждены: приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу (2014–2017 годы); план совместных мероприятий РБ и РФ в военной сфере на 2016–2018 годы
2016	18	+ Коллегия Пограничного комитета Союзного государства, ВДВ, Силы специального назначения	Подписано Соглашение о совместном техническом обеспечении региональной группировки войск (сил) РБ и РФ Принята Программа согласованных действий в области внешней политики на 2016–2017 годы Завершено формирование Объединённой системы ПВО в Восточно-Европейском регионе коллективной безопасности
2017	20	+ Совместная консультативная группа по вопросам контроля над вооружениями министерств обороны РБ и РФ	Принято Постановление СМ СГ «О Концепции программы «Совершенствование пограничной безопасности Союзного государства» на период 2017–2021 годов
2018	11	+ Межгосударственная межведомственная рабочая группа по выработке рекомендаций по проведению согласованной миграционной политики в Союзном государстве	Утверждены Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы Принята Программа согласованных действий в области внешней политики на 2018–2019 годы
2019	10	+ Совместная коллегия КГБ РБ и СВР России	Принята Программа согласованных действий во внешней политике на 2020–2021 годы
2020	13	+ Госсекретарь Союзного государства; Глава диппредставительства РФ в РБ; начальники генштабов РФ и РБ	Обсуждены проекты программ Союзного государства в области безопасности
2021	31	+ Госпогранкомитет РБ и Пограничная служба ФСБ России	Подписаны: - протоколы о продлении сроков действия соглашений о размещении российских объектов – узла связи в Барановичах и радиостанции в Вилейке на прежних условиях - Программа стратегического парт-

		<p>нёрства в военной области на 2021–2025 годы</p> <ul style="list-style-type: none"> - Принято решение о создании учебно-боевых центров совместной подготовки ВС РБ и РФ - Разработан проект концепции программы «Развитие пограничной безопасности Союзного государства» на период 2023–2027 годов
--	--	--

Источник: составлено авторами на основе анализа материалов Информационно-аналитического портала Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/bezopastnost> и официального сайта Постоянного комитета Союзного государства. URL: https://www.postkomsg.com/news/politika_ekonomika/ (дата обращения: 09.11.2021)

Очевидна поступательная активность в целом, что обнаруживается в проектировании интеграции и во внедрении специальных механизмов и инструментов противодействия (например, ЕРС ПВО, учебно-боевых центров совместной подготовки) внешним вызовам и угрозам. В качестве последних, помимо экспансии НАТО, заявлены вмешательство коллективного Запада/иностранных государств во внутренние дела стран–участниц СГБР, деструктивное информационное воздействие – также на гражданское общество, санкционная и общая политика ЕС. Детализация вызовов и угроз и конкретизация их внешних источников типичны для второй половины периода. Количественные индикаторы служат подтверждением некоторого спада интеграционной активности в 2018–2019 гг. и её резкого роста в 2021 г.

Согласимся с экспертным мнением, что в сложившейся ситуации «нужно не просто выработать стратегические ответы, но и решать, насколько РФ и РБ готовы сделать выбор в пользу совместной стратегии», кроме того, «определиться со стратегией развития на основе соответствующих ценностей и идеологии» для обеспечения своей цивилизационной безопасности и развития по инновационному механизму [Российско-белорусские отношения, 2022: 6–7].

Заключение

Проведённый анализ убеждает в сближении подходов России и Белоруссии в области безопасности на современном этапе, что способствует продвижению интеграционных начал в военно-политической плоскости союзного строительства. Укрепляется солидарная репрезентация тесной взаимосвязи национальной безопасности и безопасности Союзного государства. Однако для достижения большего эффекта необходим переход к союзной политике обороны и безопасности, к интеграционным внешнеполитическим механизмам.

Изменение формулировки ст. 18 Конституции РБ по итогам референдума 27 февраля 2022 г. сняло некоторые ограничения, сдерживавшие участие страны в военно-политической интеграции в рамках СГБР и ОДКБ. Ещё ранее в ходе казахстанских событий января 2022 г. РБ и её политическое руководство продемонстрировали активность при проведении миротворческой операции ОДКБ, что также

подтверждает тенденцию к углублению перспектив взаимодействия в рассматриваемой области. Яркое проявление – совместные учения «Союзная решимость–2022». Представляется всё же, что белорусская сторона и новой формулировкой ст. 18, и своим поведением после начала 24 февраля 2022 г. специальной военной операции РФ на Украине показывает стремление сохранить за собой определённую свободу манёвра. Российская сторона, в свою очередь, не настаивает на безоговорочной лояльности.

Положительный момент – усиление сопряжения разных сфер российско-белорусской интеграции, в частности, экономической и военно-политической. Несмотря на экономическую ориентированность пакета решений ВГС от 4 ноября 2021 г., вырисовываются контуры внедрения института совместного оборонного заказа и распространения на данную область российско-белорусских высокотехнологических исследований. Нельзя исключить конфликта интересов экономических субъектов РФ и РБ, но отдельные озабоченности здесь могут быть сняты благодаря введению единой промышленной политики.

Вместе с тем содержание и динамика позиций РФ и РБ в 2015–2021 гг. по проблематике национальной и союзной безопасности свидетельствуют о различиях в реагировании на те или иные вызовы и угрозы. Украинский кризис создал дополнительные риски преимущественно для России и Союзного государства как дееспособного интеграционного объединения, побудив РФ к попыткам применить компенсаторные механизмы. Например, актуализирован вопрос о создании российской авиабазы на территории РБ. Белорусский кризис стал испытанием в первую очередь для белорусского руководства и вызовом для СГБР, запустив процесс его обновления. Собственно события и действия ряда акторов на европейском – западном, евроатлантическом векторе – были отрезвляющими и создали своеобразный «эффект фрустрации», стимулирующий укрепление усилий стран–участниц Союзного государства в области безопасности. Одновременно они серьёзно ухудшают условия стабильного функционирования обеих стран, Союзного государства. Нагнетание санкционной политики против РФ и РБ в 2022 г. объективно подталкивает страны–участницы Союзного государства к дальнейшему сближению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громько Ал.А. (2021) Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и европоцентризмом. *Современная Европа*, № 4 (104). С. 10–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025>

Коктыш К.Е. (2021) Белоруссия: новая геополитическая реальность? *Полис. Политические исследования*, № 3. С. 91–110. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.07

Косов А.П. (2018) Союзное государство Беларуси и России в 1999–2018 гг.: геополитический аспект. *Постсоветские исследования*, том. 1, № 6. С. 537–549. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35664467> (дата обращения: 17.10.2021)

Межевич Н.М. (2020) Беларусь: политические и экономические предпосылки будущего кризиса. *Институт Европы РАН. Аналитическая записка* № 34 (217). С. 1–9. DOI: 10.15211/analytics342020

Николаева Ю.В. (2021) Проблемы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь. *Образование и право*, № 4. С. 16–30. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-4-16-30

Российско-белорусские отношения в 2022 г.: союзные программы, новые вызовы и направления интеграции (2022) Ассоциация внешнеполитических исследований имени А.А. Громыко, Институт Европы РАН, Москва.

Цыбаков Д.Л. (2021) Развитие международных политических коммуникаций в целях укрепления коллективной безопасности ОДКБ. *Среднерусский вестник общественных наук*, том 16, № 2. С. 155–163. DOI: 10.22394/2071-2367-2021-16-2-155-163

Чернега В. (2019) ЕС и инициатива Э. Макрона относительно «европейской армии». *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*, № 52 (68). С. 10–15. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38549174> (дата обращения: 17.10.2021)

Чернявский С.И. (2020) Содружество независимых государств как организация региональной безопасности. *Проблемы постсоветского пространства*, № 7 (2). С. 142–153. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-142-153>

Щербак И.Н. (2021) Стратегия кризисного реагирования Евросоюза в условиях глобальных вызовов. *Современная Европа*, № 4. С. 151–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021151160>

Åtland K., Kabanenko I. (2020) Russia and its Western Neighbours: A Comparative Study of the Security Situation in the Black, Baltic and Barents Sea Regions, *Europe-Asia Studies*, vol. 72, No 2, pp. 286–313. DOI: 10.1080/09668136.2019.1690634

Hansbury P. (2020) Friends in Need: Belarusian Alliance Commitments to Russia and the Ukraine War, *The Journal of Slavic Military Studies*, vol. 33, No 4, pp. 542–555. DOI: 10.1080/13518046.2020.1845093

Marin A. (2020) The Union State of Belarus and Russia. Myths and Realities of Political-Military Integration. Vilnius Institute for Policy Analysis, Vilnius, Lithuania.

Rytövuori-Apunen H. (2020) Power and Conflict in Russia's Borderlands. The Post-Soviet Geopolitics of Dispute Resolution. I. B. Tauris, London & New York, USA.

Vysotskaya A., Vieira G. (2014) The Politico-Military Alliance of Russia and Belarus: Re-Examining the Role of NATO and the EU in Light of the Intra-Alliance Security Dilemma, *Europe-Asia Studies*, vol. 66, No 4, pp. 557–577. DOI: 10.1080/09668136.2014.899769

White S., Biletskaya T., McAllister I. (2016) Belarusians between East and West, *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, No 1, pp. 1–27. DOI: 10.1080/1060586X.2014.986872

External Challenges and Threats to the Union State of Belarus and Russia: the European Vector

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31086 «Challenges and Opportunities for the Union State of Belorussia and Russia: Internal and External Dimensions».

O.V. Bakhlova *

Doctor of Science (Politics)

National Research Ogarev Mordovia State University.

68/1, Bolchevistskaja St., Saransk, Russia, 430005.

***E-mail:** olga.bahlova@mail.ru

Современная Европа, 2022, № 2

I.V. Bakhlov *

Doctor of Science (Politics)

National Research Ogarev Mordovia State University.

68/1, Bolchevistskaja St., Saransk, Russia, 430005.

***E-mail:** *bahlov@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the factors of the military and political integration of Russia and Belarus, taking into account the conditions of the external environment. The authors show the correlation of theoretical and conceptual attitudes in the field of security of the national and integration levels, discursive practices and efforts undertaken by the member nations of the Union State against the background of increasing challenges and threats. The European vector is emphasized as a risky one for both nations and the Union State as a whole at the present stage. On the basis of a comparative analysis of the approaches and practices of the Russian Federation and the Republic of Belarus within the framework of the Union State the authors distinguish the most perspective areas of union construction and key points of contacts. First of all, it seems highly likely that the relationship between the military and political and economic spheres of bilateral integration will be strengthened through the application of new integration tools. Foreign policy support is required for measures to ensure Allied security. The conclusion is made about the stimulating effect of the Belarusian crisis in 2020 on the restart of the Russian-Belarusian integration. At the present stage, the drivers of its deepening in the military-political sphere are manifested, due to the radicalization of the positions of Euro-Atlantic actors, the tightening of their confrontational behavior.

Keywords: military-political integration, challenges and threats to security, destructive impact, Euro-Atlantic region, Union State of Belarus and Russia.

DOI: 10.31857/S020170832202005X

REFERENCES

Åtland K., Kabanenko I. (2020) Russia and its Western Neighbours: A Comparative Study of the Security Situation in the Black, Baltic and Barents Sea Regions, *Europe-Asia Studies*, vol. 72, No 2, pp. 286–313. DOI: 10.1080/09668136.2019.1690634

Chernega V. (2019) ES i iniciativa Je. Makrona otnositel'no «evropejskoj armii» [The EU and E. Macron's initiative on the «European army»], *Evropejskaja bezopasnost': sobytija, ocenki, prognozy*, No 52 (68), pp. 10–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38549174> (accessed: 17.10.2021). (in Russian).

Chernjavskiy S.I. (2020) Sodruzhestvo nezavisimyh gosudarstv kak organizacija regional'noj bezopasnosti [Community of Independent States as an organization of regional security], *Problemy postsovetskogo prostranstva*, No 7 (2), pp. 142–153. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-142-153>. (in Russian).

Gromyko A.I.A. (2021) Subektnost' Evrosojuza – mezhdou atlantizmom i evropocentrizmom [Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism], *Sovremennaja Evropa*, No 4 (104), pp. 10–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420211025>. (in Russian).

Hansbury P. (2020) Friends in Need: Belarusian Alliance Commitments to Russia and the Ukraine War, *The Journal of Slavic Military Studies*, vol. 33, No 4, pp. 542–555. DOI: 10.1080/13518046.2020.1845093

Koktysh K.E. (2021) Belorussija: novaja geopoliticheskaja real'nost'? [Belarus: the new geopolitical reality?], *Polis. Politicheskie issledovanija*, No 3, pp. 91–110. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.07. (in Russian).

Kosov A.P. (2018) Sojuznoe gosudarstvo Belarusi i Rossii v 1999–2018 gg.: geopoliticheskij aspekt [The Union State of Belarus and Russia in 1999–2018: the geopolitical aspect], *Postsovetskie issledovanija*, vol. 1, No 6, pp. 537–549. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35664467> (accessed: 17.10.2021). (in Russian).

Marin A. (2020) The Union State of Belarus and Russia. Myths and Realities of Political-Military Integration. Vilnius Institute for Policy Analysis, Vilnius, Lithuania.

Mezhevich N.M. (2020) Belarus': politicheskie i jekonomicheskie predposylki budushhego krizisa [Belarus: political and economic prerequisites for the future crisis], Analytical papers of the Institute of Europe RAS, No. 34 (217), pp. 1–9. DOI: 10.15211/analytics342020. (in Russian).

Nikolaeva Ju.V. (2021) Problemy obespechenija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus' [Problems of ensuring national security of the Russian Federation and the Republic of Belarus], *Obrazovanie i pravo*, No 4, pp. 16–30. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-4-16-30. (in Russian).

Rossijsko-belorusskie otnoshenija v 2022 g.: sojuznye programmy, novye vyzovy i napravlenija integracii [Russian-Belarusian Relations in 2022: Union Programs, New Challenges and Directions of Integration] (2022) A.A. Gromyko Association for Foreign Policy Studies, IE RAN, Moscow. (in Russian).

Rytövuori-Apunen H. (2020) Power and Conflict in Russia's Borderlands. The Post-Soviet Geopolitics of Dispute Resolution. I. B. Tauris, London & New York, USA.

Shcherbak I.N. (2021) Strategija krizisnogo reagirovanija Evrosojuza v uslovijah global'nyh vyzovov [EU's Crisis Response Strategy in Light of Global Challenges], *Sovremennaja Evropa*, No 4, pp. 151–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42021151160> (in Russian).

Tsybakov D.L. (2021) Razvitie mezhdunarodnyh politicheskikh kommunikacij v celjah ukreplenija kollektivnoj bezopasnosti ODKB [Development of international political communications in order to strengthen the collective security of the CSTO], *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, vol. 16, No 2, pp. 155–163. DOI: 10.22394/2071-2367-2021-16-2-155-163. (in Russian).

Vysotskaya A., Vieira G. (2014) The Politico-Military Alliance of Russia and Belarus: Re-Examining the Role of NATO and the EU in Light of the Intra-Alliance Security Dilemma, *Europe-Asia Studies*, vol. 66, No 4, pp. 557–577. DOI: 10.1080/09668136.2014.899769

White S., Biletskaya T., McAllister I. (2016) Belarusians between East and West, *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, No 1, pp. 1–27. DOI: 10.1080/1060586X.2014.986872

УДК 32.019.5

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ БЕЛАРУСИ

© 2022 ПИЛЬГУН Елена Витальевна*

Кандидат филологических наук

УО «Минский государственный лингвистический университет».

220034, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, 21.

**E-mail: elenpilgun@gmail.com*

Поступила в редакцию 24.10.2021

После доработки 22.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. В статье проанализированы механизмы «мягкой силы» коллективного Запада на белорусском образовательном пространстве. Автор классифицирует основные маршруты «мягкой силы» на территории страны, рассматривает процессы и выявляет программы, способствующие подготовке «агентов влияния» как в стране, так и за рубежом. Потенциальную опасность представляет полная интеграция национальной системы образования в европейское образовательное пространство, помощь фондов и дипломатических представительств, международное сотрудничество в области реализации научных и образовательных проектов, финансирование которых осуществляется государственными структурами стран-партнёров и др. Сделан вывод, что воздействие «мягкой силой» через образование имеет отложенные и слабо обратимые последствия в контексте идеологических вызовов и угроз для всех сфер национальной безопасности. Ее эффективность возрастает вкуче с применением технологий информационного влияния в социальных сетях и глобальной сети интернет. В статье даны рекомендации по снижению иностранного идеологического воздействия и повышению резистентности молодежи к западной «мягкой силе», что позволит не допустить «утечку мозгов» на Запад и обеспечить устойчивое развитие страны.

Ключевые слова: «мягкая сила», политизация образовательного пространства, Республика Беларусь, Союзное государство, идеологизация массового сознания, информационное воздействие.

DOI: 10.31857/S0201708322020061

Образовательный процесс – это широкое поле для оказания воздействия на личность, так как процесс обучения и преподавания подразумевает не только «сухую» подачу фундаментальных знаний и научных фактов, но и обмен мнениями, осмысление и анализ полученной информации. Это своего рода информационно-коммуникативное пространство, которое имеет неограниченные возможности для влияния на идеологические, патриотические, политические взгляды индивида. Именно от заложенных поведенческих норм, взглядов, патриотического воспитания и т. д. зависит успешное сохранение и развитие исторических традиций и ценностей народа, реализация стратегий устойчивого социально-экономического развития страны, благополучие и процветание нации.

Вызовы современности, наряду с развитием технологий, цифровизацией всех сфер жизни и увеличением информационных потоков проникают в образовательное пространство, превращая его в идеальную среду для применения инструментов так называемой «мягкой силы» на таргетированную аудиторию, так как участники подбираются по возрастным характеристикам, интересам, мотивам и другим критериям. «Мягкая сила» – это «способность государств привлекать на свою сторону, путем демонстрации культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов» [Nye, 2005: 12]. Различные тренинги, семинары и лекции направлены на развитие человеческого потенциала через просвещение на территории стран-конкурентов, партнёров и др. Образование является неотъемлемой частью процесса просвещения наравне с литературой, искусством и популярной культурой. В сочетании с политическими ценностями и международной политикой образование используется как элемент «мягкой силы» [Nye, 2005; Де Мартино, Барнашов, 2020: 42].

Мировые центры силы делают долговременные инвестиции в лояльность населения страны-реципиента к политическому курсу, культуре и нравственно-ценностным установкам страны-донора. В этом отношении образование – лучший способ для продвижения национальных интересов [Amirbeka, Ydyrys, 2014: 511]. Сфера белорусского образования в XXI в. также подвергается воздействию «мягкой силы» третьих сторон. Это один из наиболее эффективных способов трансляции на зарубежные территории и регионы своих достижений в области культуры, науки, технологий, а также идеалов, ценностей и норм определенного общественного устройства [Антонова, 2020: 31]. Необходимо подчеркнуть возрастающую политизацию сферы образования посредством применения «мягкой силы» с целью оказания идеологического воздействия на формирующуюся личность. В этих условиях образование становится одной из самых уязвимых сфер, одним из действенных методов ведения гибридной войны, эффективность которого возрастает при применении социальных сетей и глобальной сети интернет.

В чем заключается опасность идеологического воздействия посредством инструментов «мягкой силы»? Идеология – это «система взглядов, позволяющая человеку и обществу ориентироваться в окружающем их пространстве и времени» [Маслова, 2011: 319]. Мировоззренческий компонент всегда является частью образовательного процесса и реализуется в ходе достижения воспитательных и идеологическо-патриотических целей каждого урока, лекции и т. д. Если «чужой» идеоло-

гический компонент попадает в этот процесс, то это несомненно дезориентирует формирующуюся личность. Подобные компоненты представляют серьёзную угрозу национальной безопасности в долгосрочной перспективе. Для Республики Беларусь это означает снижение устойчивого развития страны в политической, экономической, социальной, демографической, научно-технической, информационной сферах.

Процесс обучения как внутри страны, так и за рубежом способствует подготовке агентов иностранного влияния. США и ЕС активно используют образование для достижения своих внешнеполитических целей [Антюхова, 2019: 86]. В связи с этим необходимо рассмотреть пути применения коллективным Западом «мягкой силы» в сфере образования на территории Беларуси, установить какого рода программы способствуют подготовке агентов иностранного влияния. Например, в Беларуси как целевой стране Восточного партнёрства образовательные структуры активно участвовали в международных образовательных грантовых программах ЕС (Erasmus+, Most, Horizon2020, Tempus, EU4Youth и другое [Сутырин, 2020: 104].

В основу исследования положены общенаучные и специальные методы. Ввиду характера исследуемого вопроса особое значение имело изучение Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и Кодекса об Образовании. В качестве иллюстративного материала использованы анонсы проектов и программ, стажировок, тренингов и т.д. для граждан Беларуси, предлагаемые иностранными организациями на просторах интернета и в социальных сетях. Материал, отобранный методом сплошной выборки, отражает деятельность коммерческих и негосударственных организаций, дипломатических представительств, фондов оппозиционных структур и др., которая несёт потенциальную угрозу национальной безопасности страны.

Предпосылки для активизации «мягкой силы»

Даже кратковременная стажировка может стать определяющей для молодого человека и переориентировать его на поступление за рубеж. Подобные программы зачастую разработаны как рекламные акции для привлечения иностранных абитуриентов. Долгосрочное обучение за границей и полное погружение в среду позволяют оказывать идеологическое воздействие на еще несформированную картину мира молодых людей и фактически заложить в их сознание европейские и другие ценности, взрастить агента иностранного влияния. Иностранные студенты меняют свои политические взгляды и отождествляют себя с принимающей страной [Lomer, 2017: 581]. Глобальные политические акторы активно используют возможности образовательной сферы в целях осуществления политических игр на мировой арене посредством так называемого бюрократического обучения и культурной обработки «местной» элиты [Walker 2014: 325]. Эта идея не нова. Высшее образование достаточно успешно использовалось в целях идеологизации и как инструмент геополитики в СССР [Торкунов, 2012: 88]. Однако после его распада произошёл перелом в восприятии обществом отечественной учебной подготовки, что позволило западному миру внедрить собственные ценности на территории Восточной Европы.

Идея приоритетности заграничного образования строится на исторически созданной привлекательности учебных заведений Европы и Америки, формировании позитивного имиджа стран, что выступает одним из важных компонентов формирования «мягкой силы» [Володин, 2017: 68]. Эти идеи проросли после падения «железного занавеса», когда Запад стал доступнее и возросло представление о превосходстве всего западного над отечественным. Однако стоит понимать, что «привлекательность не существует самостоятельно, а подпитывается социально сконструированной формой реальности, которую вынуждена принять сторона, подвергающаяся воздействию» [Володин, 2017: 69]. Это не что иное, как опыт и картина мира определенного индивида, ретранслированная в социум. В этом случае любое межкультурное взаимодействие может потенциально стать предпосылкой к конструированию реальности в том или ином свете.

Еще одна предпосылка, создавшая возможности использования «мягкой силы», – ориентированность современного белорусского образования на международное взаимодействие в целях интернационализации и увеличения объемов экспорта образовательных услуг. Одним из приоритетных направлений развития белорусских вузов является интеграция учреждений высшего образования в международное научно-образовательное пространство и повышение конкурентоспособности. Но взаимодействие даже на уровне межвузовских соглашений не защищает от последствий иностранного воздействия.

Механизмы воздействия «мягкой силой»

Интерес к международному взаимодействию со стороны граждан и государственных институтов Беларуси, подкреплённый пропагандой западного образа жизни, составляет базу для воздействия «мягкой силой» Запада и воспитания агентов иностранного влияния. Как правило, среди подростков и молодежи отбираются талантливые молодые люди, обладающие лидерскими качествами и с большим потенциалом для участия в социально-политической жизни страны. С ними проводится активная деятельность, начиная с лекций и заканчивая, к примеру, представлением собственных проектов по совершенствованию жизни белорусского общества (написание эссе, съёмка видеофильмов социально-политической тематики, организация мероприятий и др.). Финансирование подобных гуманитарных проектов со стороны Запада в Беларуси возросло после украинского кризиса 2014 г. [Сутырин, 2020: 117; Youngs, 2020]. Для противостояния иностранному влиянию и для его снижения через образование необходимо классифицировать основные «маршруты мягкой силы» на территории Республики Беларусь. Среди них есть попытки переориентировать национальную систему образования на западную, программы стажировок, предлагаемые различными фондами для школьников, студентов и выпускников, сотрудничество образовательных организаций с дипломатическими представительствами, участие вузов в научных мероприятиях, консорциумах и проектах, программах академической мобильности, социальные сети, обеспечивающие прямой доступ к целевой аудитории.

Во-первых, интеграция национальной системы образования в глобальное образовательное пространство сама по себе предполагала переориентирование белорусской образовательной модели на западную. Болонский процесс, имплементация дорожных карт и проектов направлены на развитие европейских программ, повышение привлекательности и конкурентоспособности европейского образования [Торкунов, 2012: 86]. Принятие таких программ в других странах способствовало сужению масштабов мышления студентов, а модульная система способствовала подготовке узких специалистов, заточенных под определенную сферу производства, экономики, торговли; ограничению в знаниях других наук, особенно социо-гуманитарной направленности. Это приводит к искажению фактов, формированию альтернативной картины мира и идеологизации массового сознания [Пильгун, 2020: 39].

Во-вторых, воздействие «мягкой силой» ведётся через программы стажировок, предлагаемые различными фондами. Программы тщательно спланированы и рассчитаны на разные слои общества. В ходе таких стажировок участники тренируют лидерские и личностные качества, моделируют и решают глобальные проблемы страны, общества под контролем зарубежных экспертов, приглашённых фондом. Такие академические обмены могут предусматривать обучение на базе зарубежных вузов, однако не имеют отношения к конкретному вузу. Деятельность подобных структур в большинстве случаев направлена на содействие организациям, институтам, негосударственным организациям (НГО), компаниям, инициативным группам в разработке и реализации проектов по формированию региональной идентичности особенно в области культуры и образования, по обеспечению безопасности в регионе, по созданию устойчивого и процветающего общества и многое другое. В этих целях создаются центры и информационные пункты (Информационный пункт Совета Европы, Представительство Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Беларуси (УВКБ ООН) и другие), призванные осуществлять координирующую функцию, изучать общественные процессы, распространять информацию о деятельности международных организаций и структур, при поддержке которых они функционируют. К примеру, УВКБ ООН хотя и присутствует в стране по приглашению правительства, тесно сотрудничает с органами государственной власти по вопросам миграции, но также проводит работу с гражданским обществом и СМИ. Проект организации по информационно-аналитической поддержке решения вопросов беженцев в Беларуси¹ реализуется через международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие»² при финансовой поддержке Представительства УВКБ ООН в Беларуси.

Работа информационного пункта Совета Европы в Минске направлена на повышение информированности государственных органов, общественных организа-

¹ UNHCR Агентство по делам беженцев. Беларусь: Проекты. URL: <https://www.unhcr.org/by/ru/%d0%bf%d1%80%d0%be%d0%b5%d0%ba%d1%82%d1%8b> (дата обращения: 27.12.2021)

² МОО «Развитие» – партнёр УВКБ ООН. UNHCR Агентство по делам беженцев. Беларусь: URL: <http://evolutio.info/ru/> (дата обращения: 27.12.2021)

ций, СМИ и граждан Беларуси об основополагающих ценностях, правовых инструментах, достижениях, политике и деятельности Совета Европы¹. План действий Совета Европы для Беларуси на 2019–2021 гг. в области образования предусматривал реализацию принципов Хартии Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека для демократического общества в Беларуси. Документ предполагал использование ресурсов организации для повышения осведомлённости преподавателей, учителей, о демократической гражданственности и правах человека². Таким образом, намерения международной организации об использовании инструментов «мягкой силы» в целях продвижения демократии в белорусском обществе расписаны в основных документах, однако остались без должного внимания с белорусской стороны.

В-третьих, воздействие «мягкой силой» может оказываться через сотрудничество образовательных организаций с дипломатическими представительствами. Одни из основных задач дипломатов – формирование позитивного образа своей страны на международной арене, привлечение инвестиций, ведение переговоров о создании совместных предприятий и т.д. Основной упор обычно делается на экономический вектор, но сфера образования также не остаётся без внимания.

На территории Беларуси в этом направлении до 2021 г. действовали Институт Гёте, франко-белорусский центр в Минске, Кампус Франс, различные сертификационные центры и др. Деятельность таких учреждений организуется на базе или при поддержке дипломатических представительств и на первый взгляд достаточно нейтральна. Подобные центры иногда также дают возможность получить диплом европейского образца, не выезжая за границу. По результатам курсов успешные выпускники получают возможность продолжить обучение за рубежом. Отбираются лучшие студенты, что потенциально приводит к утечке умов. Под эгидой посольств существуют программы на подобие «Фулбрайта», в рамках которых проводится работа с преподавателями. В этой связи стоит отметить особую значимость процесса преподавания и педагога, чья личность и ценностные установки играют огромную роль в процессе передачи знаний. Рассказывая учащимся об идеях, фактах и общественных процессах, педагоги зачастую транслируют личное мнение и оценочные суждения. Даже если участники коммуникации стараются соблюдать нейтральность в вербальных выражениях, оценочность передаётся по невербальным каналам [Пильгун, 2020: 30]. Стоит отметить, что в 2021 г. Республика Беларусь приостановила взаимодействие с подобными центрами и программами, но это не означает, что работа прекращена и в обратном направлении, т.е. Евросоюз продолжает разрабатывать программы и проекты для Беларуси в рамках Восточного партнёрства. В этом случае нельзя не отметить роль интернета и социальных сетей.

¹ Информационный пункт Совета Европы в г. Минске. URL: <https://coe.bsu.by/index.php/ru/> (дата обращения: 27.12.2021)

² Council of Europe Action Plan for Belarus 2019-2021. CM(2019)68 13 June 2019. Document approved by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 10 July 2019 (CM/Del/Dec(2019)1351bis/2.3). URL: <https://rm.coe.int/ap-belarus-2019-2021-web-en/168098f1bd> (дата обращения: 27.12.2021)

Социальные сети, являющиеся источниками информационного воздействия, один из самых эффективных путей для иностранной «мягкой силы» на образовательном пространстве. В социальных сетях создаются группы для информирования молодых людей о зарубежных образовательных возможностях. К примеру, группа в «Фейсбук» *Education opportunities for Belarusians*¹ работает как сервис для рекламы зарубежного образования, предлагаемого зарубежными фондами, негосударственными учреждениями, университетами, посольствами и др. Пример одной из публикаций группы: «Посольство США в Беларуси принимает заявки на участие в исследовании Института гражданской активности студентов-лидеров в 2022 г.»². Студентам предлагается поездка в США для знакомства со страной. Финансовая поддержка оказывается через НГО *American Centre Minsk* при поддержке американского посольства.

Представлена и образовательная программа белорусского офиса фонда им. К. Аденауэра. «Беларуским студентам, магистрантам и аспирантам»³ всех дисциплин предлагается годовое обучение. В написании слова «беларуский» необходимо обратить внимание на агрессивную языковую политику в отношении русского языка. Согласно основным критериям отбора молодые люди должны отождествлять себя с ценностями фонда им. К. Аденауэра, заниматься общественно-политической деятельностью, иметь отличную успеваемость, владеть английским и/или немецким, иметь белорусское гражданство.

В группе концентрируются программы, предлагаемые инициативными белорусами. Так, «Центр новых идей» предполагает проведение третьего кейс-клуба на тему «Имидж Беларуси за рубежом». В ходе мероприятия проводится 10-дневный творческий конкурс в командах «с молодыми белорусскими единомышленниками» под наставничеством сотрудников Центра по продвижению исследовательской темы «Как изменился медийный имидж Беларуси за рубежом в 2020–2021 гг.?». На первый взгляд объявление о конкурсе кажется нейтральным, однако при переходе на сайт Центра заметна сильная политизация новостных сообщений и исследований. Раздел «Исследования» даёт рекомендации для продвижения белорусской повестки за рубежом: «Необходимо коммуницировать с послами Беларуси за рубежом, предлагать уникальную информацию и устанавливать личные контакты с журналистами, координировать сообщения СМИ, проводить медиа-мониторинг зарубежных СМИ с помощью диаспор, поднимать проблему политзаключённых»⁴.

¹ Facebook Groups: Education Opportunities for Belarusians. URL: <https://www.facebook.com/groups/belarus.eac> (дата обращения: 27.12.2021)

² U.S. Embassy: News & Events: Summer 2022 Study of the U.S. Institute on Civic Engagement for Student Leaders URL: <https://by.usembassy.gov/study-u-s-summer-institutes-susi-student-leaders-2022/> (дата обращения: 27.12.2021)

³ Стипендия “SUR PLACE” для белорусских студентов. Стипендиальная программа представительства фонда имени Конрада Аденауэра по Беларуси. URL: <https://ru.ehu.lt/wp-content/uploads/2017/09/KAS-SUR-PLACE-scholarship-RU.pdf> (дата обращения: 27.12.2021)

⁴ Центр новых идей: Леся Руднік: Як змяніўся медыйны вобраз Беларусі за мяжой у 2020-2021 гг.? URL: <https://newbelarus.vision/research-belarus-in-media/> (дата обращения: 27.12.2021)

Стоит пояснить, что под послами Беларуси понимаются альтернативные государственным структурам «Народные Посольства», созданные белорусской оппозицией. Подобной образовательной деятельностью с 2011 г. занимается так называемый «Летучий университет»¹. С 2020 г. работа ведется под руководством офиса С. Тихановской.

Эта организация несет в себе серьезную угрозу, так как в данной ситуации воздействие «мягкой силой» осуществляется самими белорусами – представителями диаспоры, однако не исключено, что указанная категория белорусских граждан координируется сторонними структурами. Идеологизация массового мнения в этом случае ведётся в нескольких направлениях: воздействие оказывается на молодёжь в самой стране, на мигрантов за рубежом и на западных партнёров.

Организованы программы и для старшеклассников. Бесплатное обучение в *United World College* для белорусов доступно при выполнении следующих условий: претендент должен разделять постколониальные ценности в политическом, социальном и культурном сознании, ломать стереотипы постсоветской молодёжи².

Еще одним способом применения «мягкой силы» стало участие вузов в научных мероприятиях, консорциумах и проектах, программах академической мобильности. Многие научные проекты финансируются за счёт европейских фондов, направлены на усовершенствование социальной сферы, демократизацию и продвижение европейских ценностей, а также вовлечение представителей научных, академических кругов, власти, гражданского общества и др. В этих целях зачастую привлекаются НКО/НГО. К примеру, проект *YoPeNet* – «Сообщество молодых людей за Балтийскую региональную идентичность» (*Young People Network for Balticness*)³ представляет собой консорциум, в который наряду с университетами входят: Белорусско-Датское общество «Беладания»⁴, Фонд Затока (Гданьск, Польша)⁵, Европейский центр солидарности (Польша)⁶. Проект способствует просвещению и поддержке участия молодых людей в критическом диалоге на темы истории, культурного наследия и региональной идентичности, формированию сетевого мышления, с целью вооружить молодых людей компетенциями и идеями современной Балтии.

Интересным проектом межвузовского сотрудничества является программа «Балтийский университет» (*Baltic University Program*)⁷ – крупная сеть междууниверситетского сотрудничества, в которой участвуют 86 учреждений высшего образо-

¹ Лятучы Універсітэт. URL: <https://fly-uni.org/> (дата обращения: 05.01.2022)

² UWC Belarus. URL: <https://www.by.uwc.org/> (дата обращения: 30.12.2021)

³ Young People Network for Balticness: Laboratory of Identity. URL: <https://yopenet.uw.edu.pl/> (дата обращения: 03.01.2022)

⁴ Beladania: Danish-Belarusian Culture Society. URL: <https://beladania.org/> (дата обращения: 27.12.2021)

⁵ Fundacja zatoka. URL: <https://en.fundacjazatoka.org/projekty> (дата обращения: 27.12.2021)

⁶ European Solidarity Centre. URL: <https://ecs.gda.pl/title,Jezyk,pid,21,lang,2.html> (дата обращения: 27.12.2021)

⁷ The Baltic University Programme. URL: <http://www.balticuniv.uu.se> (дата обращения: 15.12.2021)

вания из 12 стран. Программа даёт исследовательские возможности в области экологии и устойчивого развития. Однако в то же время она пропагандирует европейские ценности в регионе. В рамках проектов участники обсуждают вопросы экономики государств Балтийского региона, социально-экономические и правовые преобразования в новых странах-членах Европейского союза и в странах партнёрах, транспортные коридоры, проблемы переходной экономики в странах Восточной Европы, цветные революции на постсоветском пространстве, архитектуру безопасности и государственный нейтралитет в регионе и другие. Координация программы осуществляется на базе Уппсальского университета при финансовой поддержке правительства Швеции, Шведского института, Агентства международного сотрудничества в области развития (SIDA), Северного Совета Министров, различных финских фондов, Совета государств Балтийского Моря (CBSS) и других. В проектах сети принимают участие и белорусские НГО/НКО. Команда МОО «Экопроект», к примеру, включает сотрудников различных вузов Беларуси, что упрощает задачи по внедрению результатов проектов в образовательный процесс¹.

В 2021 г. Республика Беларусь приостановила участие в программе «Балтийский университет» в связи с кризисом, возникшем на белорусско-польской границе, и политическими спекуляциями со стороны стран Прибалтики и Польши.

Подобные проекты, с одной стороны, обеспечивают межвузовское взаимодействие, позволяют привлекать дополнительное финансирование и др. Однако, с другой стороны, нельзя избежать воздействия инструментами «мягкой силы» со стороны иностранных партнёров. Об эффективности влияния стоит судить на основании статистики за период с 2013 по 2020 г. Число белорусских студентов, обучающихся в России, снизилось в два раза, но возросло в Польше в 2,5 раза – до 7,5 тыс., 21% белорусской молодёжи изъявил желание учиться в США (что в два раза больше, чем в России (10%)) [Громыко, 2021: 36]. По данным показателям происходит серьёзный отток белорусской молодёжи на Запад, а значит, Беларусь недополучит высококвалифицированные кадры в будущем. Руководство страны было обеспокоено таким положением дел и взяло образовательную сферу под контроль, что выразилось в ограничении участия образовательных учреждений в международных программах и приостановлении деятельности последних на территории страны. Внимание государства будет уделено развитию непосредственно белорусской идеологии, основанной на традиционных ценностях, что отражено в обновлённой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь². Упоминание о национальной безопасности в ходе международного сотрудничества нашло отражение в статье 118 Кодекса Республики Беларусь об Образовании 2011 г. Однако на тот момент не были расписаны положения о возможных угрозах со стороны иностран-

¹ МОО «Экопроект». URL: <https://ekapraekt.by/BSRCCC/> (дата обращения: 15.12.2021)

² Концепция Республики Беларусь о Национальной безопасности. URL: <https://mchs.gov.by/kontseptsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/> (дата обращения: 19.01.2022)

ных государств. В 2022 г. планируется обновление Кодекса, который, предположительно, будет включать подобные положения¹.

Выводы

Таким образом, проанализированный материал заставляет задуматься о мерах противостояния информационному воздействию и «мягкой силе» коллективного Запада на территории Беларуси. Ситуацию могло бы улучшить увеличение количества учебных часов по предметам социально-гуманитарного профиля в школах, более тщательная проработка учебных программ, разработка дополнительных проектов самообразования на базе компьютерных технологий, начиная с обучающих компьютерных программ и заканчивая компьютерными квестами с использованием фрагментов истории, географии и других дисциплин. Это позволило бы на подсобном уровне закладывать основные вехи реальной истории, прививать ценностные компоненты, которые в будущем позволят молодому человеку противостоять искажению исторических фактов и информационному воздействию. Высокий уровень социально-гуманитарных знаний и развитие ценностных ориентиров являются основой для формирования устойчивого мировоззрения в контексте идеологических вызовов и угроз во всех сферах национальной безопасности. Для развития ценностных установок стоит развивать сотрудничество в сфере патриотического воспитания и исторической памяти, активно привлекая молодёжь к волонтерским и благотворительным инициативам, что позволит укрепить доверие, продвигать достоверную информацию, противостоять стереотипам и внешнему воздействию.

Еще одним решением для противодействия «мягкой силе» Запада могло бы стать расширение возможностей для стажировок, проведения научных исследований в рамках Союзного государства Белоруссии и России. В целях обеспечения устойчивости необходимо не только гармонизировать подходы в области эффективного государственного управления, но и стремиться к сотрудничеству и в других областях, в том числе и образовании [Пильгун, Лешенюк, 2021: 39], возможно, создавать общие координирующие структуры [Leshenyuk, 2021: 60]. На данный момент уже созданы инструменты развития взаимодействия в сфере науки и образования (совместные коллегии профильных министерств, Межакадемический совет России и Беларуси и программы Союзного государства) [Громыко, 2021: 38]. Целесообразно расширять реальное взаимодействие между школами и университетами России и Беларуси, создавать стипендиальные программы, финансируемые Союзным государством и покрывающие полностью расходы на пребывание и обучение в России или Беларуси. Организовывать базы для прохождения практик на предприятиях двух стран, расширить перечень программ двойного диплома, разработать программы стажировок для преподавателей, расширить перечень конкурсов, турниров, олимпиад, конференций, проводить конкурсы, касающиеся тематики Союз-

¹ Кодекс Республики Беларусь об Образовании 243-3 от 13.01.2011 URL: https://kodeksy-by.com/kodeks_ob_obrazovanii_rb/118.htm (дата обращения: 19.01.2022)

ного государства, осуществлять совместное научное консультирование аспирантов и докторантов – согласовать политику в вопросах культуры, науки и образования и сформировать единое научно-образовательное пространство, обеспечить экспертное взаимодействие.

Система образования не может и не должна полностью изолироваться от международных контактов, но необходимо совершенствовать качество, пересмотреть приоритеты в образовании. Следует унифицировать модели образовательной деятельности и финансирования научных проектов. Школы и вузы должны стать для школьника и студента не просто базой получения дипломов, а научным хабом, флагманом научно-технических достижений, площадкой, где можно экспериментировать и внедрять идеи. В условиях информационного общества университетам необходимо позиционировать себя открытой и интересной площадкой для экспертов академического и управленческого сообществ других государств. В этих целях нужно изыскивать финансовые и организационные возможности для приглашения специалистов в отечественные университеты, что позволит ознакомить в том числе западных партнёров с культурой страны и спецификой Союзного государства Беларуси и России.

Повышение качества образования, создание новых образовательных возможностей популяризирует отечественное образование, повысит резистентность молодёжи к западной «мягкой силе», снизит идеологическое воздействие коллективного Запада и позволит пополнить кадровый ресурс Беларуси, что немаловажно для дальнейшего устойчивого развития государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Н.Л., Сущенко А.Д., Попова Н.Г. (2020) «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства. *Образование и наука*. № 22(1). С. 31–58. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-1-31-58>

Антюхова Е.А. (2019) Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ. *Сравнительная политика*. № 10(2). С. 86–98. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10018>

Володин В.М., Рожкова Л.В., Сальникова О.В. (2017) «Мягкая сила» в мировом сообществе и внешней политике России. *Право и управление. XXI век*. № 3. С. 68–80. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-3-44-68-80>

Громько Ал.А., Рахманов С.К. и др. (2021) *Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы*. Москва. 56 с.

Де Мартино М., Барнашов О.В. (2020) Историографический обзор некоторых критических подходов к концепции «мягкой силы» Дж. Ная. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. № 4. С. 41–50.

Маслова Е. А. (2011) Эволюция представлений об идеологии политической теории. *Вестн. Нижегород. ун-та. Сер.: Междунар. Отношения. Политология. Регионоведение*. № 6. С. 315–319.

Пильгун Е.В., Лешенюк О.Н. (2021) Государственное управление в Республике Беларусь: принципы устойчивого развития. *Право и управление. XXI век*. № 17(3). С. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2021-3-60-27-40>

Пильгун, Е.В. (2020) *Семантика и прагматика кризисного дискурса*. ИВЦ Минфина, Минск. 203 с.

Сутырин В.В. (2020) Гуманитарные инструменты во внешней политике ЕС (на примере Восточного партнёрства). *Современная Европа*, № 5. С. 99–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope5202099110>

Сутырин В.В. (2020) Трансформация Восточного партнёрства ЕС после 2020 года. *Современная Европа*, № 2. С. 111–122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020111122>

Торкунов А.В. (2012) Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. *Вестник МГИМО-Университета*. № 4(25). С. 85–93. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93>

Aidarbek Amirbek, Kanat Ydyrys. (2014) Education and Soft Power: Analysis as an Instrument of Foreign Policy. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 143, pp. 514–516. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.07.428>.

Leshenyuk O. (2021) Coordination of the Secretariats of the Eurasian Structures in the Process of Extending their Powers. *Eurasia. Expert.* (2)., pp. 57–61. DOI: 10.18254/S271332140015790-6

Lomer S. (2017) Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis. *High Educ*, No 74, pp. 581–598. <https://doi.org/10.1007/s10734-016-0060-6>

Nye J. (2005) Soft Power: The means to success in world politics. Public Affairs. 191 p.

Nye J. (2005) Soft Power and Higher Education, Harvard University. URL: https://cdn.mashreghnews.ir/old/files/fa/news/1393/4/11/637473_515.pdf (дата обращения: 25.12.2021)

Walker P. (2014) International student policies in UK higher education from colonialism to the coalition developments and consequences. *Journal of Studies in International Education*. No 18(4). 325–344. DOI: 10.1177/1028315312467355

Youngs R. (2020) New Directions for EU Civil Society Support: Lessons from Turkey, the Western Balkans, and Eastern Europe. Carnegie Endowment for International Peace, Washington D.C.

Comparative Analysis of “Soft Power” Tools in the Belarusian Higher Education

E.V. Pilgun *

Candidate of Science (Philologies)

Educational institution "Minsk State Linguistic University".

21, Zakharova Street, Minsk, Republic of Belarus, 220034.

***E-mail:** elenpilgun@gmail.com

Abstract. The article analyses the mechanisms of “soft power” of the collective West in the Belarusian educational space. The author classifies the main “soft power routes” in the country, describes the processes and identifies programmes that contribute to the training of agents of foreign influence both in the country and abroad. The potential danger is posed by the full integration of the national education system into the European educational space, assistance from foundations and

diplomatic missions, international cooperation in the implementation of scientific and educational projects, which are financed by government agencies of partner countries, etc. It is concluded that the impact of “soft power” through education has delayed and hardly reversible consequences in the context of ideological challenges and threats to all spheres of national security. Politization of the education sphere leads to the promotion of western values, while Belarusian youth is used as a promotion tool. This impact increases with the usage of social networks and Internet channels. The author gives recommendations on confronting and reducing foreign ideological influence, on increasing the resistance of young people to Western “soft power”, which will prevent the “brain drain” to the West and ensure sustainable development of the country. It is necessary to find financial and organisational possibilities to implement Belarusian values and culture, worldview of the Union State of Belarus and Russia.

Key words: soft power, politicisation of education, Republic of Belarus, Union State, ideologisation of mass consciousness, information influence.

DOI: 10.31857/S0201708322020061

REFERENCES

Aidarbek Amirbek, Kanat Ydyrys. (2014) Education and Soft Power: Analysis as an Instrument of Foreign Policy. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 143, pp. 514–516. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.07.428>.

Antjuhova E.A. (2019) Faktor obrazovanija v «mjagkoj sile» SShA, Kitaja i ES: sravnitel'nyj analiz [Education Factor in “soft powers” of USA, CHINA and EU: Comparative Analysis]. *Sravnitel'naya politika*. No 10(2), pp. 86–98. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10018> (In Russian).

Antonova N.L., Sushhenko A.D., Popova N.G. (2020) «Mjagkaja sila» vysshego obrazovanija kak faktor mirovogo liderstva [Soft Power of Higher Education as a Global Leadership Factor]. *Obrazovanie i nauka*. No 22(1), pp. 31–58. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2020-1-31-58> (In Russian).

De Martino M., Barnashov O.V. (2020) Istoriograficheskij obzor nekotoryh kriticheskikh podhodov k koncepcii «mjagkoj sily» J. Nye [Historiographical Review of some critical approaches to the “Soft Power” conception of J. NYE]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. No 4, pp. 41–50. (In Russian).

Gromyko A.I.A., Rakhmanov S.K. i dr. (2021) *Sojuznoe gosudarstvo Belarusi i Rossii: rezul'taty dlja grazhdan i perspektivy* [Union State of Belarus and Russia: Results for the Citizens and perspectives]. Moscow. 56 p. (In Russian).

Leshenyuk O. (2021) Coordination of the Secretariats of the Eurasian Structures in the Process of Extending their Powers. *Eurasia. Expert.* (2), pp. 57–61. DOI: 10.18254/S271332140015790-6

Lomer S. (2017) Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis. *High Educ*, 74, pp. 581–598. <https://doi.org/10.1007/s10734-016-0060-6>

Maslova E. A. (2011) Jevoľjucija predstavlenij ob ideologii politicheskoj teorii [The evolution of ideas about the ideology of political theory.]. *Vestn. Nizhegor. un-ta. Ser.: Mezhdunar. Otnoshenija. Politologija. Regionovedenie*. No 6, pp. 315–319. (In Russian).

Nye J. (2005) *Soft Power: The means to success in world politics*. Public Affairs. 191 p.

Nye J. (2005) *Soft Power and Higher Education*, Harvard University: https://cdn.mashreghnews.ir/old/files/fa/news/1393/4/11/637473_515.pdf (accessed: 25.12.2021)

Pilgun E.V., Leshenyuk O.N. (2021) Gosudarstvennoe upravlenie v Respublike Belarus': principy ustojchivogo razvitija [Public administration in the Republic of Belarus: principles for sustainable development]. *Journal of Law and Administration*. No 17(3), pp. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2021-3-60-27-40> (In Russian).

Pilgun, E.V. (2020) *Semantika i pragmatika krizisnogo diskursa [Semantics pragmatics of Crisis Discourse]*. IVC Minfina, Minsk. 203 p. (In Russian).

Sutyurin V.V. (2020) Gumanitarnye instrumenty vo vneshnej politike ES (na primere Vostochnogo partnjorstva) [Humanitarian Tools in EU Foreign Politics (example of Eastern Partnership)]. *Sovremennaya Evropa*, No 5, pp. 99–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope5202099110> (In Russian).

Sutyurin V.V. (2020) Transformacija Vostochnogo partnjorstva ES posle 2020 goda [EU Eastern Partnership Transformation after 2020]. *Sovremennaya Evropa*, No 2, pp. 111–122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020111122> (In Russian).

Torkunov A.V. (2012) Obrazovanie kak instrument “mjagkoj sily” vo vneshnej politike Rossii [Education as Soft Power Tool in Russian Foreign Politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No 4(25), pp. 85–93. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-85-93>. (In Russian).

Volodin V.M., Rozhkova L.V., Sal'nikova O.V. (2017) “Mjagkaja sila” v mirovom soobshestve i vneshnej politike Rossii [“Soft Power” in the World Community and Russia's Foreign Policy]. *Journal of Law and Administration*. No 3, pp. 68–80. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-3-44-68-80> (In Russian).

Walker P. (2014) International student policies in UK higher education from colonialism to the coalition developments and consequences. *Journal of Studies in International Education*. No 18(4), pp. 325–344. DOI: 10.1177/1028315312467355

Youngs R. (2020) *New Directions for EU Civil Society Support: Lessons from Turkey, the Western Balkans, and Eastern Europe*. Carnegie Endowment for International Peace, Washington D.C.

УДК 339.9, 336

УСКОРЕНИЕ ИНФЛЯЦИИ В ЕС И РОССИИ

© 2022 **БАЖАН Анатолий Иванович***

Доктор экономических наук

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

**E-mail: aibazhan@bk.ru*

Поступила в редакцию 02.11.2021

После доработки 19.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. В статье проанализированы теоретические вопросы инфляции, показаны недостатки количественной теории, которая связывает данный феномен исключительно с избытком денег в обращении. Первопричинами явления могут быть также немонетарные факторы, к которым, в частности, автор относит рост цен мирового рынка и деятельность монополий. Выбор государством форм борьбы с инфляцией должен основываться на анализе её причин. Иными словами, меры центральных банков по сжатию денежной массы целесообразно использовать главным образом в случае, если инфляция – следствие избытка денег в обращении. В иных случаях, порождённых немонетарными факторами, следует применять иные подходы. Проанализированы причины ускорения инфляции в ЕС в настоящее время. Автор приходит к выводу, что оно вызвано ростом мировых цен на энергоносители и повышением затрат на производство и транспортировку продукции в связи с пандемией коронавирусной инфекции. Дана положительная оценка монетарной политике ЕЦБ, который, несмотря на ускорения инфляции, оставил без изменения предельно низкую ключевую процентную ставку. Исследована антиинфляционная политика Банка России. Показаны её недостатки, к которым автор относит повышение ключевой процентной ставки в условиях действия немонетарных факторов инфляции. Другой недостаток состоит в том, что Центральный банк, по существу, игнорирует отрицательное влияние повышенной ставки на экономический рост.

Ключевые слова: инфляция, монетарная политика, мировые цены, пандемия, экономический рост, монополизм, инфляционные ожидания, ЕС, Россия.

DOI: 10.31857/S0201708322020073

Усиление внимания к феномену инфляции в экономической литературе и в средствах массовой информации обусловлено во многих странах мира повышением масштабов роста товарных цен, которые в период экономического кризиса, вызванного пандемией, были относительно стабильны.

В США, в частности, весь 2020 г. и до марта 2021 г. годовая инфляция не превышала 2%. Затем произошел перелом: уровень потребительских цен круто пошёл вверх. С мая по октябрь его значения вышли за пределы пяти процентов, а затем достигли в феврале 2022 г. рекордного для доллара США за последние 13 лет инфляционного показателя – 7,3¹. В американском деловом мире возникло нечто подобное панике, подогреваемой прогнозом о том, что высокая инфляция сохранится до конца 2022 г. и что необходимо срочно принимать меры по защите своих активов.

Похожая тенденция, хотя и меньшего масштаба, наблюдалась в еврозоне. Если в январе 2021 г. гармонизированный индекс потребительских цен в годовом исчислении здесь составлял 0,9%, а в мае – 2%, то в декабре уже – 5%².

Существенное ускорение инфляции, которая была и ранее на относительно высоком уровне, характерно также для России. Годовой прирост потребительских цен в нашей стране на 8 ноября 2021 г. составил 8,1%³, а в конце января дошел до 8,8%, тогда как в 2020 г. был равен 4,9%⁴.

Высокая инфляция пагубно влияет на экономику и политику по ряду направлений. Она снижает реальные доходы населения, перераспределяет их в пользу наиболее обеспеченных слоёв общества, уменьшает в целом спрос на производимую продукцию и тормозит экономический рост. Она обесценивает сбережения, подрывает стимулы к накоплению доходов и тем самым сужает финансовую базу, которая служит источником инвестиций и развития национальной экономики. В условиях высокой инфляции трудно прогнозировать результаты экономических решений, что также замедляет инвестиционные процессы и экономическую динамику. Наконец речь идёт о социально-политических негативных последствиях, обусловленных вышеперечисленными экономическими факторами, в частности, ростом недовольства населения экономической политикой государства. В силу такого воздействия на социально-экономическую обстановку высокие темпы роста цен требуют от руководящих государственных экономических структур проведения соответствующей антиинфляционной политики. Однако такая политика не может быть успешной, если правильно не определены причины инфляции.

¹ United States Inflation Rate. 2021 Data. 2022 Forecast 1914-2020 Historical. URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/inflation-cpi>. (дата обращения: 07.02.2022)

² Inflation rate. European Central Bank. URL: https://www.ecb.europa.eu/stats/macroeconomic_and_sectoral/hicp/html/index.en.html/. (дата обращения: 07.02.2022)

³ О потребительской инфляции со 2 по 8 ноября (Росстат). URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/4c71f428081e0686aac6de89b3dc2512/10112021.pdf> / (дата обращения: 11.11.2021)

⁴ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации в 1991-2021 гг. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/price/>. (дата обращения: 11.11.2021)

Концептуальные подходы

Инфляция есть рост цен в той или иной денежной единице. Распространенное в экономической теории положение об инфляции гласит, что она возникает тогда, когда денег в оборот поступает больше, чем это необходимо для осуществления операций по купле-продаже товаров и другим транзакциям, в которых они играют роль платёжных средств. Рост цен здесь выступает как реакция на неудовлетворённый спрос. Инфляцию всегда порождает либо рост сверх необходимого по отношению к объёму производимых товаров и услуг количества денег в обращении, либо сокращение производства товаров и услуг при неизменном уровне насыщения экономики деньгами. Эта количественная теория денег возникла ещё в XVI в., как реакция на революцию цен в Европе, которую связывали с наводнением европейских рынков монетами из драгоценных металлов, привезённых из только что открытой и колонизируемой Америки.

Новое дыхание количественная теория получила в XX в., в связи с переходом стран на деньги, неразмённые на золото, количество которых государство может наращивать с технической точки зрения беспредельно, в силу крайней дешевизны их ввода в обращение. Родоначальником количественной теории применительно к новым типам денег был И. Фишер, который считал, что динамику товарных цен, а следовательно, и инфляцию определяют изменения денежной массы и скорость оборота денежной единицы согласно знаменитому уравнению: $MV + M'V' = PT$ (где: M и M' – наличные деньги и депозиты, V и V' – скорость оборота наличных и депозитов, PT – цены и объём товаров в обращении в натуральной форме) [Fisher, 1926: 48].

С одной стороны, формула И. Фишера в весьма упрощённой форме (так как не учитывает ряд переменных, например, объёмы продажи товаров в кредит) показывает зависимость цен от денежной массы. С другой стороны, она демонстрирует лишь одну сторону инфляции, а именно, зависящую от спроса. В то время как толчком к инфляции может послужить рост цен без увеличения денежной массы. Иными словами, инфляцию могут порождать и другие факторы¹. Как пишет Р.С. Гринберг, подтверждением такой ситуации служат примеры многих стран, где в определённые периоды времени товарные цены росли быстрее, нежели увеличивалось отношение денежной массы к ВВП [Гринберг, 1996: 8]. В таком случае формулу Фишера можно перевернуть и представить как: $PT = MV + M'V'$. В данном виде формула говорит о том, что в ряде случаев цены и их рост определяют количество денег в обращении, масса которых в результате увеличения у покупателей потребностей в ликвидности и как следствие расширения, например, кредитования экономики подтягивается к новой ценовой ситуации.

Количественная концепция была модернизирована М. Фридменом. Он, как и И. Фишер, отстаивал мнение, что главная причина инфляции заключена в избыточном предложении денег. В то же время он ввёл дополнение к количественной тео-

¹ О многофакторном характере инфляции, в частности, пишет известный исследователь проблем денежного обращения профессор Навой А.В. [Навой, 2010: 119–127].

рии, полагая, что темпы инфляции могут определяться также инфляционными ожиданиями, когда субъекты экономики, предвидя грядущее повышение цен, стремятся в ускоренном режиме реализовать свои денежные запасы, превратить их в товары, а также использовать в этих целях кредитные ресурсы, что стимулирует темпы роста денежного спроса и определяет возрастание ценовых величин сверх нормального уровня. Характерно в связи с этим высказывание М. Фридмена относительно обесценения американского доллара в 1960-х гг. Рассматривая рост цен в этот период, он утверждал, что они в два раза превышали обоснованные количеством денег их величины, поскольку люди в условиях всеобщего роста цен ожидают дальнейшего повышения цен и стремятся увеличить сверх необходимого уровня закупки товаров и услуг, чтобы минимизировать свои будущие потери [Фридмен, 1996: 54, 66–67].

Дж. М. Кейнс указывал на один существенный недостаток количественной теории, который, по его мнению, состоит в том, что она игнорирует степень использования факторов производства. Кейнс считал, что в условиях безработицы и наличия резервов производственных мощностей увеличение денежного спроса не ведёт к пропорциональному росту товарных цен, ибо вовлечение в оборот этих ресурсов (до их полного исчерпания) позволяет оперативно удовлетворять избыточный спрос [Keynes, 2013: 295–296]. Однако, на наш взгляд, недостатки количественного подхода этим не ограничиваются.

Правильное понимание инфляции невозможно без представления о том, как формируются цены и как складывается их система в рыночной экономике. Для такого понимания важно иметь в виду два обстоятельства. Первое состоит в том, что в основе цены лежат издержки производства. Любой производитель, оценивая свой товар, планирует окупить затраты на его производство и получить сверх того определённую прибыль, без чего производство для предпринимателя было бы бессмысленным.

Второе обстоятельство заключается в том, что затраты выражены в виде суммы цен товаров, израсходованных в процессе производства. Правда, здесь напрашивается естественный вопрос: как образовались цены элементов самих затрат? Они сформировались, очевидно, таким же способом, т. е. путем сложения в издержках производства цен их составных частей, которые, в свою очередь, определяются ценами других изделий. Издержки, таким образом, служат средством связи, посредством которой каждая цена оказывает влияние на все другие и испытывает обратное влияние. В результате мы имеем дело с системой взаимообусловленных цен.

Вполне возможно предположить, что эта система на том или ином участке, в той или области под воздействием определенных условий испытывает мутации: принадлежащая ей цена (или ряд цен) начинает возрастать или снижаться, что передает затем соответствующий импульс другим ценам. Иными словами, появляется своего рода первоначальная цена или группа цен, с которых начинается очередной цикл в трансформации абсолютных величин цен, а следовательно, и покупательной способ-

ности денежной единицы. Новая величина через указанную взаимосвязь воздействует, так или иначе, на оценки других товаров¹.

Ответ на вопрос о том, какие причины вызывают указанные мутации, не однозначен. Конечно, в ряде случаев – это превышение или недостача спроса по сравнению с предложением. Количественная теория в данном контексте справедлива. Однако она – лишь часть правильного подхода к трактовке трансформации цен. Весьма распространенными в мире факторами выступают, например, монополизм и рост цен на мировом рынке, а следовательно, и на импортную для той или иной страны продукцию. Если действуют данные факторы, то речь уже идёт не об инфляции спроса, а всё же об инфляции издержек.

Настаивая на трактовке инфляции исключительно как результата роста количества денег в обращении, М. Фридмен приводит следующие аргументы против позиции о влиянии монополизма. Он не отрицает, что монополии способны поднять цены на выпускаемые ими товары. В принципе, возникновение, например, картелей связано с решением этой задачи. Однако, считает он, такой рост уменьшит количество покупателей данного товара, которые переключатся на покупку товаров-субститутов, стоимость которых также возрастёт. В результате будет сокращено производство в самом картеле, а значит, уменьшены с его стороны закупки факторов производства (сырья, материалов, оборудования и рабочей силы). Понизится спрос на эти товары, возрастёт безработица, что окажет давление на ценовую динамику в сторону её понижения [Фридмен, 1996: 54, 66–67].

М. Фридмен не рассматривал в данной работе то, как изменение цен мирового рынка может повлиять на внутреннюю инфляцию той или иной страны. Однако его логику рассуждений возможно применить и к этой ситуации: рост цен на импортные товары сокращает на них спрос в данной стране, увеличивает потребность на соответствующие товары-заменители, закупки средств производства и рабочей силы и т.д.

Данные аргументы содержат, на наш взгляд, явное противоречие, которое делает всю конструкцию обоснования неубедительной. Конечно, рост монопольной цены или стоимости импорта, действительно, может сократить спрос на производство, а значит, потребность в средствах, предметах труда и рабочей силе в соответствующих секторах хозяйства. В то же время, поскольку возрастёт спрос на альтернативные товары, это увеличит занятость, использование сырья, материалов, оборудования и, видимо, компенсирует сокращение спроса, вызванного монопольно высокой ценой. Таким образом, повышение монопольной цены и стоимости импорта не только влияет на цепочку ценообразования через издержки производства потребителей, но и воздействует на неё в результате переноса спроса на товары-субституты со всеми вытекающими для общей ценовой динамики последствиями.

М. Фридмен не анализирует возможный вариант, при котором продукт монополии не может быть заменён другими изделиями, хотя в современном мире это

¹ Подробно этот процесс описан в монографии «Деньги и денежно-кредитная политика в Западной Европе», опубликованной автором настоящей статьи в 2005 г. [Бажан, 2005: 54–56].

вполне реальная ситуация. В данных условиях, скорее всего, потребители (поскольку возрастут их издержки) повысят цены на свою продукцию, а не сократят выпуск. Тем самым импульс к повышению будет распространяться дальше, на всю цепочку ценообразования.

В работе «Количественная теория денег» её автор даёт также критическую оценку в целом теории инфляции издержек. Иными словами, по М. Фридмену, в основе инфляции издержек лежит инфляция спроса, т. е. всё тот же избыток денежной массы. В каком-то отношении автор количественной теории прав, утверждая, что повышение цены требует наличия определённой поддержки со стороны денежной массы. Однако все же проблему следует рассматривать в другой плоскости и отвечать на вопрос, что служит в данной момент первопричиной инфляции – монополизм, цены на импортные товары или избыток спроса. Что касается поддержки со стороны денежной массы, то, как правило, всегда в денежном обращении наличествуют определённые резервы ликвидности, которые могут быть мобилизованы для решения проблемы реализации. К тому же банковская система в результате появившейся дополнительной потребности в деньгах способна генерировать кредитные ресурсы, прибегая, в том числе, к рефинансированию Центрального банка.

Умение различать источники инфляции имеет не только теоретическое, но и практическое значение при определении правильной антиинфляционной политики, поскольку позволяет выбрать адекватные инструменты подавления инфляции в условиях, при которых она становится значительной угрозой для национальной экономики и социально-политической обстановки в обществе. Одновременно не следует допускать, чтобы применение таких инструментов тормозило экономический рост, что вполне возможно при использовании, в частности, методов ограничения спроса.

Антиинфляционная политика

Какова должна быть антиинфляционная политика с учётом того, что причины роста цен могут быть различными? Естественный ответ на вопрос: она должна быть направлена на подавление данных причин. В том случае, если причина – рост количества денег в обращении, существенно превышающего потребности товарного оборота, то действенным средством могут быть меры центральных банков по сокращению эмиссии и спроса на деньги за счёт, например, увеличения ставки рефинансирования коммерческих банков и депозитов в ЦБ, а также операций на открытом рынке по продаже ценных бумаг. Такой подход не приведёт к торможению экономического роста, если количественные ограничения будут реализованы дозированно и уберут лишь избыток денежной массы, а не приведут к её сокращению.

Если же причина – рост монопольных цен, то меры Центрального банка по сокращению ликвидности в экономике будут малоэффективны в плане подавления источника инфляции и в то же время окажут негативное влияние на масштабы производства в связи с сокращением денежного спроса. Борьба с такой инфляцией должна проводиться путём антимонопольного регулирования, а не сжатия денежного обращения.

Более сложная проблема – добиться ограничения инфляции, когда она обусловлена повышением цен мирового рынка. Простое сокращение денежной массы здесь приведёт к торможению экономического роста, хотя, возможно, в результате снижения спроса, в том числе и на импортную продукцию, воздействие мирового рынка на внутреннюю инфляцию несколько уменьшится. На первый взгляд, кажется, что адекватным антиинфляционным средством здесь может служить регулируемый курс национальной валюты: его повышение приведёт к снижению стоимости импорта, выраженной в национальной валюте, а следовательно, и общего индекса внутренних цен. Однако, с другой стороны, это притормозит экспорт, а потому и рост производства соответствующей продукции. Столь же неоднозначен результат использования центральными банками такого инструмента, как ставка рефинансирования. Её повышение может привести к снижению цен на импорт, поскольку повысит курс национальной валюты (в результате, например, притока вложений в инструменты российского финансового рынка), но, с другой стороны, сократит экспорт, а также спрос на внутреннем рынке, а значит, и экономический рост. Получаем следующее: экономическая политика не обладает такими инструментами подавления импортируемой инфляции, которые не оказывают негативного влияния на экономический рост. Выбор здесь простой: либо ограничить такую инфляцию, и, тем самым, затормозить экономическое развитие, либо допустить рост цен, но в то же время получить некую компенсацию в форме высвобождения стимулов к росту производства.

Инфляция в ЕС

Примером того, что не только количество денег в обращении может служить причиной инфляции, является Евросоюз. Действительно, после кризиса 2008–2009 гг. здесь происходило быстрое наращивание эмиссии евро, но это не приводило к ускорению роста товарных цен и даже сочеталось с дефляционными тенденциями. Европейский центральный банк в этот период последовательно и в больших объёмах эмитировал евро через кредитование банков второго уровня под низкие проценты (чтобы стимулировать кредитные организации увеличивать ресурсы кредитования экономики), а также путём скупки государственных облигаций и ценных бумаг корпораций, локализованных на территории ЕС.

Так, ЕЦБ с октября 2008 г. по март 2016 г. постепенно снижал ключевую ставку рефинансирования до нулевых значений. На этом уровне он поддерживал ставку вплоть до февраля 2022 г. В результате его активы увеличились с декабря 2010 г. по декабрь 2019 г. с 1,9 до 4,7 трлн евро и до 7,0 трлн на конец 2020 г., при этом основная часть вложений на эти две последние даты (около 70%) приходилась на кредиты и гарантии, выданные финансовым институтам в соответствии с принятой монетарной политикой вливания колоссальной ликвидности в денежную систему объединения¹.

¹ Consolidated balance sheet of the Eurosystem as at 31 December 2020. URL: <https://www.ecb.europa.eu/>

Занимаясь ускоренной эмиссией денег, проводя политику количественного смягчения, ЕЦБ решал несколько задач. Одна была успешно выполнена в первые годы после кризиса и состояла в том, чтобы обеспечить коммерческие банки ликвидностью в объёме, который бы позволял не допускать их банкротства, поддерживать их «на плаву».

Другая задача – смягчить, в комплексе с другими мерами экономической политики, долговую проблему ЕС. Действительно, низкие процентные ставки, которые практикует Центральный банк в процессе рефинансирования коммерческих банков, архиважны, прежде всего для стран с высокой долговой нагрузкой, поскольку указанные ставки обеспечивают благоприятные условия обслуживания долга: дают возможность применять низкие проценты по государственным облигациям. ЕЦБ не только таким способом обеспечивает поддержку стран-членов ЕС. В соответствии с решением наводнить экономику ликвидностью он прибегает к выкупу на вторичном рынке облигаций стран с высоким государственным долгом, тем самым снижает риски их дефолта, облегчает их финансовое положение.

Главная причина того, что ЕЦБ до последнего времени вливал в банковскую систему значительные массы денег, – стремление поддерживать годовую инфляцию на уровне 2%. Это позволяло бы, с одной стороны, избегать негативных последствий, свойственных чрезмерно высокому темпу роста цен, а с другой стороны, стимулировать спрос в соответствии с количественной теорией, а таким образом и экономический рост, масштабы которого в ЕС существенно отставали от динамики мирового производства. Однако, несмотря на весьма активную монетарную политику (и широкое использование, в дополнение к стандартным) нестандартных методов, способствующих скачкообразному росту кредитования коммерческих банков, получить желаемый результат в форме достаточного прироста цен никак не удавалось¹. Не сбылись на этом фоне прогнозы некоторых экономистов о том, что такая политика приведёт к нарастанию инфляционных рисков с непредсказуемыми последствиями [Иришев, 2014: 322]. Инфляция, за исключением периода 2010–2011 гг., оставалась весьма незначительной и не достигала до целевых значений. Об этом свидетельствует рисунок 1, сформированный на основе данных Евростата. Он показывает, что в период с 2009 по 2020 гг., среднегодовой прирост потребительских цен, определённый на основе гармонизированного индекса, колебался между 0,2 и 1,8%. Лишь в указанный исключительный период он превышал 2%. Следующее ускорение роста цен в евро имело место в 2018 г., но и оно, как это видно, не превышало 2%.

Рисунок 1 свидетельствует о волнообразном движении темпов инфляции в еврозоне, да и в ЕС в целом. По поводу причин этого автор настоящей работы уже высказывал свои соображения [Бажан, 2019: 37–49]. Было отмечено, что главенству-

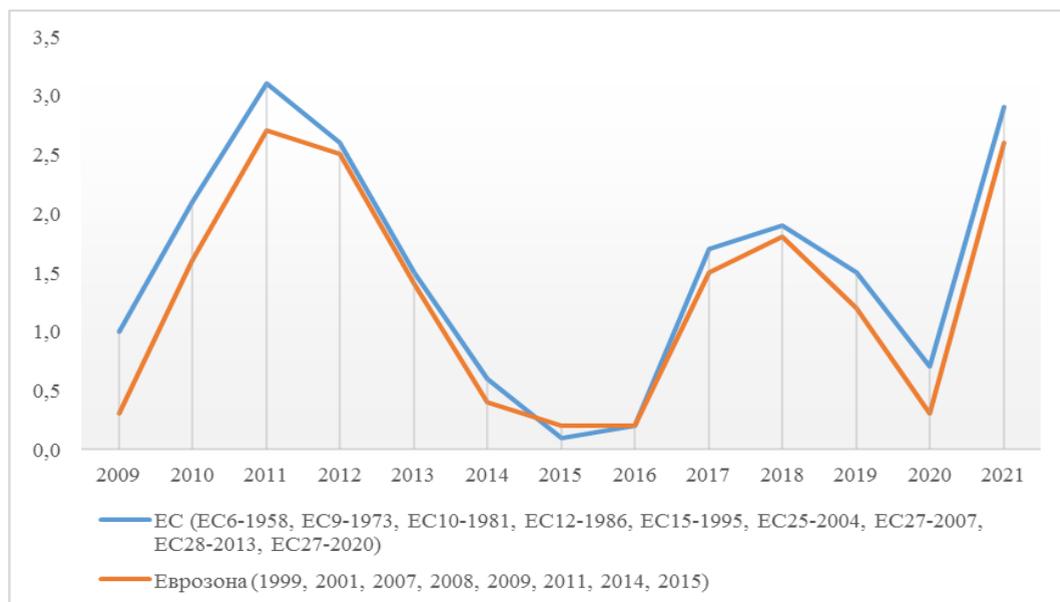
pub/annual/balance/html/ecb.eurosystembalancesheet2020~0da47a656b.en.html. (дата обращения: 10.12.2021)

¹ Причины дефляционных тенденций в еврозоне весьма обстоятельно проанализированы в совместной работе член-корр. РАН О.В. Буториной и А.Н. Цибулиной [Буторина, Цибулина, 2018: 90–101].

ющим фактором инфляционных волн в Европе после кризиса конца 2000-х гг. служила изменчивость стоимости энергоносителей на мировом рынке. Иными словами, волны были мало связаны с объёмами евро, поступающих в обращение. В связи с этим можно говорить о том, что инфляция, также как и дефляция, в Европе в определённой степени были обусловлены не колебаниями денежной массы, а изменением стоимости импортных углеводородов.

Рис. 1

**Среднегодовые темпы прироста потребительских цен в ЕС и Еврозоне
(в % к предыдущему году)¹**

Действительно, высокая для этого периода инфляция (более 2,5%) была зафиксирована в 2011–2012 гг., когда цены на нефть марки Brent взлетели по сравнению с 2009 г. чуть ли не в два раза и составили более 111 долл. за баррель². Затем – падение стоимости нефти до 43,7 долл., сопровождающееся одновременным сокращением темпов инфляции и приближением её к нулевым показателям. Новое повышение стоимости источника энергии до 71,3 долл. в 2018 г. вновь обеспечило увеличение общего прироста цен почти до 1,8%.

Ситуация существенно трансформировалась в связи с экономическим кризисом 2020 г. Инфляция сменилась довольно существенной дефляцией, цены на основную

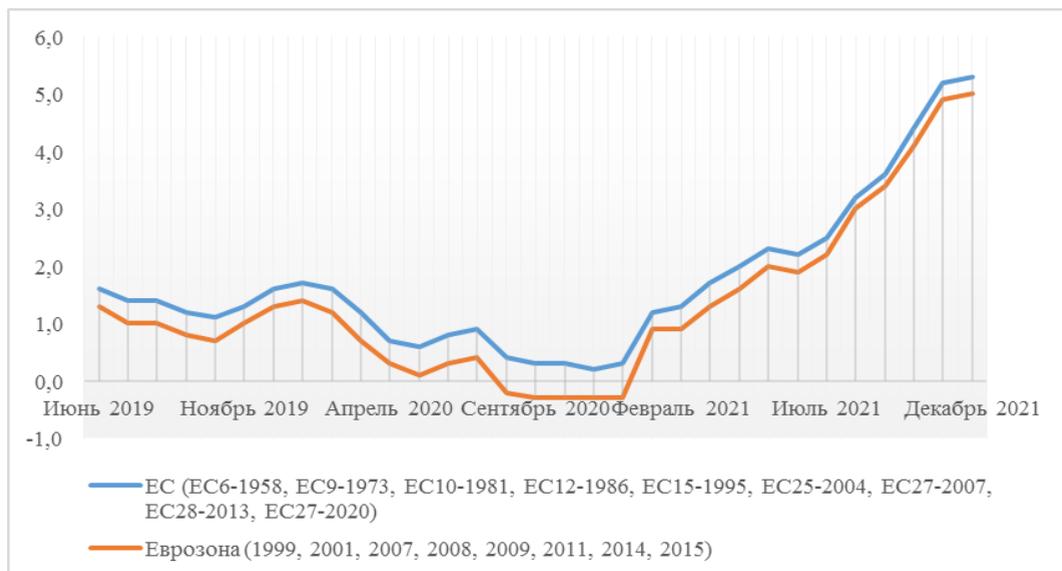
¹ Евростат. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/hicp/visualisations/>. (дата обращения: 10.01.2022)

² Цена на нефть марки Brent по годам: 1983 – 2020. URL: <http://global-finances.ru/tsena-na-neft-marki-brent-po-godam/>. (дата обращения: 10.12.2021)

массу продуктов в еврозоне падали почти в течение 5 месяцев с сентября 2020 г. по февраль 2021 г. (см. рисунок 2). И это несмотря на увеличение в больших масштабах денежной эмиссии. Сокращение спроса из-за ковидных ограничений было, видимо, главной причиной. Определённую роль играли также цены на энергоносители, которые сократились с 64,2 в 2019 г. до 41,8 долл. в 2020 г.

Рис. 2

Годовые темпы инфляции в ЕС¹

Вместе с началом посткризисного восстановления экономики картина изменилась. Масштабы инфляции в еврозоне стали быстро нарастать. Её годовое значение на декабрь 2021 г., как уже было сказано, достигло 5%. Тем не менее ЕЦБ не принимал и не предполагал принимать в ближайшем будущем (в 2022 г.) никаких мер для её уменьшения. В частности, он оставил ключевую ставку рефинансирования на нулевом уровне и продолжает политику скупки государственных и корпоративных активов. В своей речи на 31-м Франфуртском европейском банковском конгрессе президент ЕЦБ Кристин Лагард дала оценку факторам ускорения инфляции и обосновала отношение Центрального банка к инфляционному всплеску.

Одним из основных факторов она назвала рост цен на энергоносители, которые формируются на глобальном рынке, а потому не подвластны регулированию со стороны ЕЦБ. Возникает вопрос: какова доля энергоносителей в инфляционном давлении на еврозону. Статистика Евросоюза содержит необходимый материал для

¹ Евростат. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/hicp/visualisations/>. (дата обращения: 10.01.2022)

того, чтобы ответить на этот вопрос¹. Общий показатель инфляции в еврозоне с марта по ноябрь 2021 г. составил 3,2%, а если исключить влияние цен на энергоносители, то – всего лишь 0,7%. Иными словами, высокая инфляция в данном году на 78% была обеспечена ценовыми «вихрями» на мировом рынке энергии.

Другой значимый фактор, который упомянут в речи президента ЕЦБ, – недостаток предложения товаров из-за не восстановленных в полной мере цепочек производственной кооперации. Повышенный, по сравнению с предложением, спрос на соответствующие изделия формирует дополнительный инфляционный импульс [Christine Lagarde, 2021].

Учитывая характер этих источников инфляции, Центральный банк не намерен ужесточать денежно-кредитную политику. Он справедливо исходит из того, что производственные цепочки в ближайшее время будут в полной мере реанимированы, а цены на энергоносители не могут подниматься бесконечно долго: неизбежно в обозримой перспективе наступит понижающий тренд. Поскольку антиинфляционные меры начнут действовать с определённым достаточно большим временным лагом, их влияние (в силу временного характера инфляционных факторов) может оказаться совершенно излишним и даже вредным. Главный же аргумент Центрального банка зоны евро состоит даже не в этом: повышение процентных ставок, сокращение рефинансирования и денежной эмиссии не допустимо, ибо такие меры затормозят экономический рост, столь необходимый в период восстановления экономики после ковидного экономического кризиса.

Ускорение инфляции в России

Подход Банка России в разработке и проведении антиинфляционной политики существенно отличается от того, что практикует ЕЦБ. Во-первых, Центральный банк нашей страны совершенно не учитывает, как эта политика влияет на экономический рост [Денежно-кредитной регулирование..., 2020: 33–47]. Опираясь на Конституцию страны и банковское законодательство, где записано, что главная цель Центрального банка состоит в обеспечении устойчивости российского рубля, он посвящает свою деятельность исключительно решению этой задачи. Иными словами, он никогда не ставит цель стимулировать экономический рост; а при ускорении инфляции применяет единственное средство – усиление мер, направленных на сжатие денежной массы за счёт использования традиционных денежно-кредитных инструментов регулирования.

В качестве главного средства ужесточения монетарной политики наш Центральный банк использует ключевую ставку рефинансирования, которую неизменно повышает при ускорении роста цен. Цель – увеличить стоимость денег, сократить на них спрос, а в результате и кредитование экономики, а следовательно, и насыщение её деньгами. Вот и в 2021 г., когда темпы инфляции выросли в январе-

¹ См. Таблицы Евростат: HICP – all items, а также: HICP – all items excluding energy. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/teicp210/default/table?lang=en>. (дата обращения: 17.12.2021)

ноябре с 5,2 до 8,4%, ставку вслед за этим также увеличили в феврале-декабре с 4,2 до 8,5%¹.

Одно из объяснений, которое даёт банк в лице его председателя Эльвиры Набиуллиной сводится к следующему: «В России существует избыточный спрос на товары, обусловленный недостатком предложения, который не может быть быстро покрыт поставками из-за ограничений по мощностям, нехватки комплектующих, сырья и рабочей силы, наличия узких мест в логистике». [Заявление председателя Банка России..., 2021]. Причина – пандемия, которая нарушила каналы снабжения, разорвала производственные цепочки. Банк России, по существу, даёт такое же объяснение одной из причин инфляции, как и ЕЦБ.

Однако для экономической ситуации в нашей стране, по нашему мнению, это – слабая аргументация: в 2021 г. российская экономика – по заявлениям российских властей и того же Банка России – полностью восстановилась, выпуск продукции достиг и в некоторых отраслях превзошел докризисный уровень производства 2019 г., что было бы невозможно без реанимации основных каналов снабжения и кооперационных связей.

Конечно, некоторый избыток денежного спроса в 2021 г., безусловно, существовал. Однако он не обусловлен ни дополнительной эмиссией денежной массы (поскольку ЦБ её постоянно сжимает, используя повышение процентной ставки), ни сокращением предложения. Он, скорее всего, порождён «расконсервированием» денежных накоплений населения, которые не использовались в период антиковидных ограничений 2020 г., и имеет по этой причине временный характер. Другой недостаток подхода Центрального банка состоит в том, что он не принимает в расчёт немонетарные инфляционные факторы, и в частности, монополизм на российском рынке². В то же время известно, что большую роль в нашей экономике играют т. н. естественные монополии и крупные предприятия (при низком уровне влияния на рынок малого и среднего бизнеса), а также торговые сети, способные диктовать свои условия и таким образом воздействовать в своих интересах на рыночные цены. Есть основание полагать, что в настоящее время указанные структуры пользуются моментом и на фоне общемировой тенденции ускорения инфляции стремятся максимально нарастить доход за счёт ценовых манипуляций, бороться с которыми может не Центральный банк, а государственные антимонопольные структуры.

Впрочем, ЦБ РФ указывает и на другие две причины российской инфляции. Во-первых, рост цен за границей, который следует отнести к немонетарным факторам, не обусловленным избытком денег в обращении. Такой рост удорожает себестоимость производств в некоторых российских отраслях (использующих импортные комплектующие и оборудование), а также стоимость продовольствия на нашем внутреннем рынке. Во-вторых, воздействует нарастание инфляционных ожиданий, которые увеличивают спрос на товары и услуги, а следовательно, и цены. Оба эти факто-

¹ Ключевая ставка Банка России. Банк России. URL: https://cbr.ru/hd_base/KeyRate/. (дата обращения 23.12.2021)

² Плохая управляемость инфляции в России, – справедливо отмечают Ефанова Л.Д. и Шмуклер С.А., – связана с тем, что в нашей стране большую роль играют немонетарные факторы [Ефанова, Шмуклер, 2019: 99].

ра, видимо, на самом деле играют определённую роль в развитии инфляционных процессов. И всё же, как нам представляется, они не могут быть достаточным основанием ужесточения монетарной (антиинфляционной) политики.

Увеличение прироста цен на импорт не контролирует Банк России и не может быть долговременной тенденцией. Скорее всего, этот прирост стабилизируется или даже снизится в ближайшей перспективе. Поэтому более правильная политика – не принимать данный фактор во внимание, как это делает, в частности, ЕЦБ, при определении ключевой ставки. Что касается нарастания инфляционных ожиданий, то они не имеют самостоятельного значения, ибо их в большой степени определяет общая ценовая динамика, зависящая от действия других вышеназванных факторов.

Заключение

Итак, инфляция, выступающая в форме роста товарных цен, может быть порождением не только избытка денежной массы в обращении, но и другими немонетарными причинами. Ускорение инфляции в Евросоюзе в 2021 г., в частности, было обусловлено главным образом внешними обстоятельствами: ростом мировых цен на энергоносители. В некоторой степени повлияла также пандемия коронавирусной инфекции. Временный и неконтролируемый характер этих факторов позволил ЕЦБ не применять меры по ужесточению монетарной политики; ставку рефинансирования он оставил на нулевом уровне. Преимущество такой политики состоит в том, что она даёт возможность поддерживать определённые стимулы экономического роста.

В России ускорение инфляции частично обусловлено высоким уровнем монополизации хозяйства и ростом мировых цен, т. е. немонетарными и временными в последнем случае факторами. Это означает, что характер источников инфляции делает бесполезным использование инструментов по сокращению денежной массы. Однако Банк России последовательно наращивает ключевую процентную ставку, препятствуя тем самым экономическому росту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бажан А.И. (2005) Деньги и денежно-кредитная политика в Западной Европе. Огни Москвы, Москва. С. 54–56.

Бажан А.И. (2019) Нестандартная монетарная политика Европейского центрального банка. *Современная Европа*, № 4. С. 37–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420193748>

Буторина О.В., Цибулина А.Н. (2018) Инфляция в еврозоне: проблемы новой нормальности. *Современная Европа*, № 4. С. 90–101. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope4201890101>

Гринберг Р.С. (1996) Инфляция и антиинфляционная политика в условиях рыночных реформ. ИМЭПИ РАН, Москва. С. 8.

Денежно-кредитное регулирование в России и ЕС (монография) (2020) В.П. Фёдоров и др.; отв. ред. А.И. Бажан. Институт Европы РАН, Москва. С. 33–47.

Ефанова Л.Д., Шмуклер С.А. (2019) Особенности инфляции в России. *Вестник университета*, № 4. С. 99.

Заявление председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров Банка России 22 октября 2021 года. (2021) URL: <https://cbr.ru/eng/press/event/?id=12361>. (дата обращения: 17.12.2021)

Иришев Б.К. (2014) Кризис евро и глобальные риски. *Весь мир*, Москва. С. 322.

Навой А.В. (2010) Центральный банк в глобальном хозяйстве. ГОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова. Москва. С. 119–127.

Фридмен М. (1996) Количественная теория денег. Эльф пресс. Москва. С. 54, 66–67.

Christine Lagarde. (2021) Commitment and persistence: monetary policy in the economic recovery. European central bank. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2021/html/ecb.sp211119~3749d3556c.en.html>. (дата обращения: 17.12.2021)

Fisher I. (1926) *The Purchasing Power of Money: Its determination and relation to credit, interest and crises*. New Work, The Macmillan company. P. 48.

Keynes J.M. (2013) *The general theory of employment, interest and money*. The collected writings of John Maynard Keynes volume VII. Cambridge university press for the Royal economic society. pp. 295–296.

Acceleration of Inflation in the EU and Russia

A.I. Bazhan *

Doctor of Science (Economics)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** aibazhan@bk.ru

Abstract. The author examines some theoretical issues of inflation, revealing the shortcomings of the quantitative theory, which connects this phenomenon exclusively to the excess of money in circulation. In his opinion, inflation may also stem from non-monetary factors, in particular, global prices and activities of monopolies in certain sectors of the national economy. The author argues that the state's choice of tools to combat inflation should be based on the analysis of its causes. It is advisable to use central banks' measures to compress the money supply mainly if inflation is a consequence of an excess of money in circulation. Other approaches should be applied to inflation generated by non-monetary factors. The main reasons for accelerating inflation in the EU at the present are analyzed. The author comes to the conclusion that this acceleration is caused by the escalation of global energy prices and coronavirus pandemic, leading to the disruption of the supply routes of enterprises with raw materials and equipment and the increase in the cost of production. A positive assessment of the ECB's monetary policy, keeping the extremely low key interest rate despite the acceleration of inflation, is given. The anti-inflationary policy of the Bank of Russia is explored, its disadvantages are demonstrated: escalation of the key interest rate in conditions of non-monetary inflation and ignoring the negative impact on economic growth in Russia.

Keywords: inflation, monetary policy, global prices, pandemic, economic growth, monopolism, inflation expectations, EU, Russia.

DOI: 10.31857/S0201708322020073

REFERENCES

- Bazhan A.I. (2005) Den'gi i denezhno-kreditnaya politika v Zapadnoj Evrope [Money and monetary policy in Western Europe]. Ogni Moskvy, Moscow. pp. 54–56. (In Russian).
- Bazhan A.I. (2019) Nestandartnaya monetarnaya politika Evropejskogo central'nogo banka [Non-standard monetary policy of the European Central Bank]. *Sovremennaya Evropa*, No 4, pp. 37–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope420193748> (In Russian).
- Butorina O.V., Tsibulina A.N. (2018) Inflyaciya v evrozone: problemy novej normal'nosti [Inflation in the eurozone: problems of the new normality]. *Sovremennaya Evropa*, No 4, pp. 90–101. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope4201890101> (In Russian).
- Denezhno-kreditnoj regulirovanie v Rossii i ES [Monetary regulation in Russia and the EU] (monografiya) (2020) V.P. Fyodorov i dr.; otv. red. A.I. Bazhan. Institut Evropy RAN, Moscow, pp. 33–47. (In Russian).
- Grinberg (1996) R.S. Inflyaciya i antiinflyacionnaya politika v usloviyah rynochnyh reform [R.S. Inflation and anti-inflationary policy in the context of market reforms]. IMEPI RAN, Moscow. P. 8. (In Russian).
- Efanova L.D., Shmukler S.A. (2019) Osobennosti inflyacii v Rossii [Features of inflation in Russia]. *Vestnik universiteta*, No 4. P. 99. (In Russian).
- Fridmen M. (1996) Kolichestvennaya teoriya deneg [Quantitative theory of money]. El'f press. Moscow. pp. 54, 66–67. (In Russian).
- Irishev B.K. (2014) Krizis evro i global'nye riski [The Euro crisis and global risks]. Ves' mir, Moscow. P. 322. (In Russian).
- Navoj A.V. (2010) Central'nyj bank v global'nom hozyajstve [The Central Bank in the global economy]. GOU VPO “REU im. G.V. Plekhanova”. Moscow. pp. 119–127. (In Russian).
- Zayavlenie predsedatelya Banka Rossii El'viry Nabiullinoj po itogam zasedaniya Soveta direktorov Banka Rossii 22 oktyabrya 2021 goda. [Statement by the Chairman of the Bank of Russia Elvira Nabiullina following the meeting of the Board of Directors of the Bank of Russia on October 22, 2021]. (2021) URL: <https://cbr.ru/eng/press/event/?id=12361>. (accessed: 17.12.2021) (In Russian).
- Christine Lagarde. (2021) Commitment and persistence: monetary policy in the economic recovery. European central bank. URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2021/html/ecb.sp211119~3749d3556c.en.html>. (accessed: 17.12.2021)
- Fisher I. (1926) The Purchasing Power of Money: Its determination and relation to credit, interest and crises. New Work, The Macmillan company. P. 48.
- Keynes J.M. (2013) The general theory of employment. interest and money. The collected writings of John Maynard Keynes volume VII. Cambridge university press for the Royal economic society. pp. 295–296.

УДК 504.062.2

ФОРМИРОВАНИЕ ЗЕЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН И РОССИИ

© 2022 **ТЯГЛОВ Сергей Гаврилович ***

Доктор экономических наук

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)».
344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 69.*

***E-mail:** tyaglov-sg@rambler.ru

© 2022 **ШЕВЕЛЕВА Анастасия Викторовна ***

Доктор экономических наук

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД России). 119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

***E-mail:** a_sheveleva@rambler.ru

Поступила в редакцию 04.11.2021

После доработки 16.12.2021

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. Формирование зеленых кластеров является одним из направлений государственной политики в разных странах мира по переходу на зеленую экономику. В статье представлено авторское видение типовой модели зеленого кластера. Проведен сравнительный анализ их формирования и функционирования в странах Европы и России на примере кластеров экологически чистых технологий Green Net Finland в Финляндии, кластера экологических предприятий EnviroCluster Peterborough в Великобритании, Green Tech Valley в Австрии, а также консорциума «Санкт-Петербургский кластер чистых технологий для городской среды», мусорных кластеров для сортировки, переработки отходов и компостирования, Инновационного межотраслевого кластера «Зеленая Москва». Сделан вывод, что зеленые кластеры играют важную роль в решении проблем охраны окружающей среды и переработки отходов. В европейских странах они направлены на реализацию международных соглашений по сокращению выбросов, их цель – перейти на чистые технологии, достичь углеродной нейтральности и создать экономику замкнутого цикла. В России зеленые кла-

стеры способствуют достижению в первую очередь целей устойчивого развития, а в конечном итоге – экологических показателей, установленных в национальных проектах, программах и стратегиях.

Ключевые слова: зеленый кластер, зеленая экономика, чистые технологии, углеродная нейтральность, страны Европы, Россия.

DOI: 10.31857/S0201708322020085

Обращение стран мира к концепции устойчивого развития в условиях обострения экологических и социальных проблем вызывает повышенный интерес к разработке соответствующих инструментов ее реализации, одним из которых является зеленый кластер. Трансформация бизнеса в контексте внешних вызовов и угроз, повышенное внимание к защите окружающей среды потребовали изменения стратегического видения в сторону более эффективного использования ресурсов и сотрудничества компаний с государственными, научно-исследовательскими, образовательными учреждениями, финансовыми организациями в форме кластеров.

В научном дискурсе утвердилось мнение, которое авторы данной статьи полностью разделяют, что кластеры в современной экономике являются новым фактором укрепления ее конкурентоспособности, повышения ресурсо- и энергоэффективности, а также снижения затрат и роста производительности участников кластера за счет синергетического эффекта. Данные вопросы являются предметом исследований большого числа как российских, так и зарубежных авторов: Д. Антви [Antwi, 2020], Т.В. Епифанова, Т.А. Скворцова, Е.А. Паршина [Epifanova, Skvortsova, Parshina, 2017], И.А. Мешков [Мешков, 2020], В. Шипоша [Shiposha, 2020], М. Триппл, М. Гриллич, А. Исаксен, Т. Синозик [Trippl et al., 2015].

Экологические аспекты и современные геоэкономические проблемы зеленой экономики рассмотрены Н.Ю. Кониной и Е.В. Сапир [Konina, Sapir, 2021], проблемы климатических изменений и обеспечения устойчивого развития проанализированы С.Г. Тягловым, А.В. Шевелевой, Н.Д. Родионовой, Т.Б. Гусевой [Tyaglov et al., 2021], а возможные пути их решения за счет формирования зеленых кластеров предложены в трудах таких специалистов, как О. Гаврик, Д. Каликанин [Gavric, Kalicanin, 2016], А. Дэвис [Davies, 2013], Л.В. Метечко, А.Е. Сорокин [Metechko, Sorokin, 2018], А. Танцу, А. Чини [Tanțu, Chinie, 2013].

В частности, О. Гаврик и Дж. Каликанин считают зеленые кластеры одним из способов обеспечения энергоэффективной работы компаний, соблюдения ими всех принципов экономики замкнутого цикла, а также как новую возможность для приобретения и улучшения конкурентных преимуществ компаний за счет сближения экологических и экономических целей [Gavric, Kalicanin, 2016].

Л. Метечко и А. Сорокин также представляют зеленые кластеры как способ снижения воздействия промышленных компаний на окружающую среду [Metechko, Sorokin, 2018]. А. Танцу и А. Чини рассматривают зеленые кластеры в качестве стратегии сотрудничества компаний, предлагающих продукты и услуги, которые имеют устойчивое положительное влияние на окружающую среду [Tanțu, Chinie, 2013].

Однако, по мнению авторов данной статьи, зеленые кластеры следует рассматривать более комплексно, не только с точки зрения повышения конкурентоспособности и экологичности входящих в них компаний, но в плане того, как они способствуют решению социальных и экологических задач государства, достижению целей устойчивого развития в целом. В рамках зеленого кластера должно развиваться сотрудничество компаний не только между собой, но и с финансовыми организациями, органами государственной власти, образовательными и научно-исследовательскими учреждениями.

В то же время нельзя не согласиться с А. Дэвис, которая отмечает, что в целях глобального решения проблем экономического спада, ухудшения состояния окружающей среды и социального неравенства появляются новые виды деятельности, связанные с чистыми технологиями, и одним из средств, с помощью которых они принесут соответствующий эффект, выступают зеленые кластеры [Davies, 2013].

Страновые аспекты формирования зеленых кластеров исследуются в меньшей степени. Опыт европейских стран по созданию и функционированию зеленых кластеров в условиях глобального изменения климата представлен в трудах Ф. Кука [Cooke, 2015], С. Шетуна, Р. Ньоса [Sjøtun and Njøs, 2019]. Среди исследований, посвященных экологическому кластеру как инструменту повышения экологической безопасности России и обеспечения устойчивого эколого-экономического развития российской экономики, следует отметить труды Е. Попковой, Л. Шаховской, С. Абрамова, А. Нацубидзе [Popkova et al., 2015], С.Г. Тяглова, А.В. Шевелевой, Т.В. Шурухиной, Т.Б. Гусевой [Tyaglov et al., 2019].

Однако в существующей литературе о страновых аспектах формирования зеленых кластеров, насколько известно авторам, не проводится сравнительный анализ европейского и российского опыта их создания и функционирования, а также обходится стороной вопрос о том, какой подход является более эффективным.

Несмотря на то что зеленые кластеры начали активно формироваться только в последние годы в связи с переходом ряда стран на модель устойчивого развития, они доказали свою эффективность в области снижения нагрузки на окружающую среду. Важно проанализировать особенности их создания и развития в странах Европы и России, сравнить эти подходы и выявить наиболее оптимальные направления и действия, которые могут быть использованы другими странами, находящимися на начальном этапе перехода к зеленой экономике, а соответственно, и поиска эффективных инструментов реализации данного процесса, одним из которых является зеленый кластер.

Построение типовой модели зеленого кластера

Под кластером в общем виде понимается пространственная форма, объединяющая производительные силы, факторы производства, общественные (экономические и социальные) отношения, и характеризующаяся географической локализацией, специализацией компаний-производителей, разнообразием и множественностью участников, их взаимозависимостью и взаимодополняемостью, конкуренцией и кооперацией.

Формирование кластеров началось с 1950-1960-х гг. в Северной Америке и Западной Европе, их основной целью была поддержка различных отраслей промышленности. С течением времени кластеры менялись и развивались вслед за развитием отраслей и технологий, а также сменой трендов в мировой экономике [Trippel et al., 2015: 5].

В современных условиях, когда цели устойчивого развития ООН (ЦУР), ориентированные на улучшение экономических, социальных и экологических условий жизни общества, стали самым обсуждаемым вопросом в мировой экономике, начали формироваться зеленые кластеры [Tuaglov et al., 2021: 1].

Они представляют собой объединение, в котором участвуют самостоятельные компании крупного, среднего и малого бизнеса, финансовые организации, органы государственной власти, образовательные и научно-исследовательские учреждения [Tuaglov et al., 2019: 374]. Цель зеленого кластера состоит в том, чтобы организовать и реализовать эффективные и взаимовыгодные совместные программы, кластерные инициативы и межкластерные проекты, связанные с чистыми технологиями, «зелеными технологиями», а также защищать окружающую среду и перерабатывать отходы. Типовая модель зеленого кластера представлена на Рисунке 1.

Рис. 1

Типовая модель зеленого кластера

Источник: составлено авторами.

Ядром являются компании, которые в процессе производства продуктов или услуг осуществляют выбросы вредных веществ в окружающую среду. Именно во-

круг них происходит формирование кластера. К компаниям зеленой инфраструктуры относятся строительные компании с низкой долей энергопотребления и выбросов; транспортные компании, внедряющие альтернативные транспортные средства (электромобили, гибриды); компании-переработчики отходов и мусора, применяющие бестермическую или вторичную переработку.

Органы государственной власти вырабатывают государственную политику и осуществляют нормативно-правовое регулирование развития зеленой экономики, стимулируют формирование зеленой инфраструктуры и переход компаний на экологическое, социальное и корпоративное управление (Environmental, Social, and Corporate Governance, ESG).

Научно-исследовательские учреждения организуют и проводят научные исследования и разработки в сфере экологической безопасности и охраны окружающей среды. Они выявляют экологические проблемы и осуществляют поиск путей их решения. Финансовые организации (коммерческие банки, небанковские кредитные организации и инвестиционные институты) осуществляют зеленое финансирование участников кластера.

Образовательные учреждения готовят специалистов по вопросам рационального природопользования, экологического мониторинга, способных оценить негативное влияние производственно-хозяйственной деятельности компаний в кластере на окружающую среду и разработать эффективные средства и методы ее защиты.

Потребители приобретают и используют товары и услуги компаний-производителей, а также продукцию компаний зеленой инфраструктуры, которые осуществляют производство вторсырья, и продукты переработки различных видов отходов.

Основные драйверы внедрения и проблемы функционирования зеленых кластеров

К основным драйверам внедрения зеленых кластеров можно отнести следующие.

Во-первых, в условиях обострения проблемы климатических изменений и перехода к концепции устойчивого развития для институциональных инвесторов, в частности, инвестиционных и страховых компаний, пенсионных и благотворительных фондов, наиболее привлекательными становятся программы и проекты, связанные с зелеными технологиями, а также борьбой с изменениями климата и защитой окружающей среды, поскольку в этом случае для них снижаются экологические риски, соответственно, потери денежных средств, их инвестирование становится экологически и социально ответственным.

Во-вторых, государственные органы разных стран, в том числе России и стран ЕС, ужесточают экологическое регулирование, активно стимулируют развитие ESG-принципов, осуществляют разработки стандартов и требований к отчетности по устойчивому развитию.

В-третьих, потребители и бизнес-партнеры, учитывая современные тенденции, меняют свои ценности и ожидания, переключаются на взаимодействие с компани-

ями, проявляющими заботу об окружающей среде и развивающими чистые технологии [Shiposha, 2020: 70]. Общество в целом проявляет большую лояльность к тем компаниям и их брендам, которые соблюдают ESG-принципы.

В целом, самим компаниям экономически выгодно входить в зеленые кластеры, поскольку происходит улучшение их отдельных оперативно-производственных показателей, в частности, растет доход акционеров, увеличиваются объемы производства, повышается рыночная оценка, сокращается текучесть кадров [Antwi, 2020: 1101, 1115; Shiposha, 2020: 68–69].

Несмотря на наличие положительных эффектов функционирования зеленых кластеров, существует ряд проблем. Зачастую поддержка зеленых кластеров государством ограничивается принятием нормативно-правовых инициатив, а финансовая поддержка за счет бюджетных средств отсутствует. У компаний нет стимулов внедрять зеленые стандарты в свою деятельность. Зеленый кластер, объединяющий большое количество разноплановых участников, представляет сложную структуру, которая теряет экономическую и производственную гибкость. Кроме того, деятельность кластера может не принести соответствующих результатов, ради которых он был создан. Чрезмерное внимание к зеленым кластерам может привести к тому, что другие не менее важные отрасли и сферы останутся без поддержки, понесут потери и даже перестанут существовать. В этой связи требуется разработка соответствующей нормативно-правовой базы, принятие грамотных стратегий кластеризации как на уровне государства, так и на уровне компаний.

Характерные черты развития зеленых кластеров в странах Европы

В последние годы в целях реализации концепции устойчивого развития и международных соглашений по снижению выбросов парниковых газов в атмосферу европейские страны стремятся оптимально использовать свои природные ресурсы, восстанавливать загрязненную окружающую среду, повышать эффективность использования различных видов энергии, а значит и качество жизни своего населения. Происходит зеленая переориентация кластерных стратегий европейских стран [Sjøtun, Njøс, 2019: 1].

Развитие зеленых кластеров в странах Европы происходит в рамках нормативно-правовой базы, регулирующей процесс перехода на зеленую экономику. В 2003 г. в ЕС была издана «Зеленая книга кластерных инициатив» (в 2013 г. вышла обновленная версия), в 2006 г. был принят Манифест кластеризации в странах ЕС, а в 2008 г. Европейский кластерный меморандум, которые определили общие основы создания кластеров в европейских странах [Мешков, 2020: 183–184]. В 2019 г. в странах Евросоюза была принята стратегия экологического развития – Европейская зеленая сделка, целью которой является достижение углеродной нейтральности к 2050 г. путем создания новой промышленной инфраструктуры и зеленых рабочих мест, поддержки зеленых инвестиций через бюджетные гарантии Брюсселя. В июне 2021 г. Европейский совет принял «Климатический закон», согласно которому углеродная нейтральность становится юридически обязательной целью. Зеленые кластеры рассматриваются как один из способов достижения данной цели.

Одной из организаций в Европе, деятельность которых направлена на стимулирование развития зеленых кластеров, является Европейский секретариат кластерного анализа (ESCA). Он предоставляет консультационную помощь и распространяет знания и методологию среди всех участников кластерного развития.

Управление отдельными аспектами создания и функционирования зеленых кластеров на наднациональном уровне в ЕС осуществляют Европейский совет, Совет министров, Европейская комиссия, Европейский парламент, Суд ЕС, а также Европейское агентство по окружающей среде.

В целях оценки качества кластерного менеджмента в 2007 г. была создана Европейская кластерная обсерватория. В 2012 г. она перешла в ведение Центра стратегии и конкурентоспособности Стокгольмской школы экономики. Кластерная обсерватория представляет собой бесплатную онлайн-платформу, которая предоставляет единую точку доступа к данным и анализу кластеров.

На уровне отдельных стран разрабатываются специальные кластерные программы, органами управления зелеными кластерами выступают соответствующие министерства. Появление зеленых кластеров в ряде европейских стран, в частности, в Дании, продиктовано действиями правительства [Cooke, 2015: 15]. Одним из лидеров по развитию зеленых кластеров в Европе является Финляндия. В 2001 г. там был создан один из первых в Европе кластеров экологически чистых технологий *Green Net Finland*.

В рамках кластера разрабатываются и реализуются высококачественные проекты в области зеленых технологий, предлагаются европейские инструменты финансирования и услуги экспертов по разработке и управлению такими проектами. В период 2001–2021 гг. *Green Net Finland* было реализовано свыше 50 проектов на сумму около 30 млн евро, направленных на создание энерго- и ресурсосберегающей низкоуглеродной городской среды¹. Кластер *Green Net Finland* объединил опыт и ресурсы финских компаний, занимающихся чистыми технологиями, научных и образовательных учреждений, органов государственной власти (рис. 2).

В 2003 г. в Лахти, девятом по размерам городе Финляндии с населением всего 120 тыс. человек, был открыт зерновой кластер, в рамках которого фермеры и промышленные компании, работающие в районе Пяйят-Хяме, занялись развитием циркулярной экономики и поддержкой бизнеса в этой сфере. Разработки кластера позволяют утилизировать отходы производства зерновых продуктов, снижать их количество на полигонах. В 2010 г. финская энергетическая компания *St1* совместно с компанией, занимающейся производством напитков *Hartwall*, построила завод по производству биоэтанола *Etanolix*. На заводе производится биотопливо путем переработки пищевых отходов компании *Hartwall*, а также местных пекарен, мельниц и пивоварен. В 2021 г. финская компания пищевой промышленности *Fazer* благодаря зерновому кластеру смогла улучшить контроль качества зерновой цепочки и из побочной продукции разработала инновационный пакет для хлеба, который на 25% сделан из овсяной шелухи.

¹ Green Net Finland. URL: <https://gnf.fi/en/about-us/> (дата обращения: 13.12.2021)

Рис. 2

Архитектура кластера экологически чистых технологий Green Net Finland

Источник: Application Form for the European Green Capital Award 2021. URL: https://ec.europa.eu/environment/europeangreencapital/winning-cities/2021-lahti/lahti-2021-application/pdf/Indicator%2010_Lahti.pdf (дата обращения: 13.12.2021)

В 2021 г. Лаhti было присвоено почетное звание «Зеленая столица Европы 2021». Выбросы парниковых газов в Лаhti к 2021 г. сократились на 70% по сравнению с 1990 г., объем переработки бытового мусора превышает 99%. К 2024 г. город планирует достичь углеродной нейтральности, а к 2050 г. безотходной экономики замкнутого цикла¹.

Британия также занимает ведущие позиции в Европе по развитию зеленых кластеров, крупнейший из которых находится в городе Питерборо. Кластер экологических предприятий (*EnviroCluster Peterborough*) был создан в 2002 г., объединив порядка 350 компаний, инвесторов и ученых. Изначально участники кластера разрабатывали технологии, направленные на сокращение выбросов CO₂ в атмосферу, и производили экологически чистые товары и услуги. В дальнейшем была сформулирована новая стратегия, согласно которой компании кластера начали производить возобновляемую энергию, применять энергосберегающие технологии, регенерировать энергию, а также производить энергию из отходов. Уровень переработки отходов в 2020 г. в данном кластере достиг 65%².

В 2019 г. Британской энергокомпанией SSE Thermal совместно с местным партнерством предпринимателей самого загрязненного деятельностью большого коли-

¹ Финский город Лаhti – новая Зеленая столица Европы. URL: <https://recyclemag.ru/article/finskii-gorod-lahti-novaya-zelenaya-stolitsi-evropi> (дата обращения: 13.12.2021)

² Eco-clusters for a green economy. URL: https://greenovate-europe.eu/wp-content/uploads/2020/08/ Ecoclup_booklet.pdf (дата обращения: 13.12.2021)

чества нефтеперерабатывающих компаний и угольной электростанцией района Хамбер, а также семью другими крупными предприятиями был разработан план по созданию углеродно-нейтрального промышленного кластера (*Humber Cluster Plan*). Согласно плану, уровень выбросов углерода в окружающую среду к 2040 г. должен достичь нулевой отметки¹.

В целях реализации плана в 2020 г. в районе вывели из эксплуатации угольную электростанцию и на ее месте компания SSE Thermal начала строить новую газовую станцию, которая должна стать одной из самых чистых и эффективных в Британии. Станция должна быть введена в эксплуатацию в 2022 г. К 2025 г. в этом же районе планируется построить первую в Соединенном Королевстве декарбонизированную парогазовую электростанцию. С февраля 2021 г. в Британии началась разработка проектов промышленных кластеров с нулевыми выбросами в шести главных промышленных районах страны.

Одним из лидеров в развитии зеленых технологий на современном этапе является Австрия. В 2005 г. 80 австрийскими компаниями в окрестностях столицы юго-восточной федеральной провинции Штирии городе Грац был создан кластер «Долина зеленых технологий» (*Green Tech Valley*), нацеленный на зеленый рост и инновации. В настоящее время 20 технологических лидеров, 15 центров передового опыта и более 250 кластерных компаний находятся в «Долине зеленых технологий»².

Данный кластер создан в форме государственно-частного партнерства, владельцем акций которого является корпорация экономического развития Штирии SFG, Управление по обращению с отходами и устойчивому развитию, Департамент экономического развития и развития туризма, Австрийский международный машиностроительный концерн Andritz, австрийская компания в области экологических технологий, технологий обработки и упаковки Binder + Co, инжиниринговая компания *e² engineering GmbH*, компания-производитель отопительных систем на биомассе *KWB Kraft und Wärme aus Biomasse GmbH*.

Кластер расположен на юге Австрии, ставшей глобальной точкой доступа к решениям в области защиты климата и замкнутой экономики. Из 18 экспертных центров в области энергетики и экологических технологий в Австрии 15 расположены на юге страны. За последние 5 лет количество работающих здесь исследователей увеличилось на 50% (1800 человек). К 2025 г. в исследованиях в области зеленых технологий будут задействованы еще 1000 человек. В «Долине зеленых технологий» расположено шесть университетов и более десяти международных научно-исследовательских центров мировых лидеров в области технологий.

Общая интенсивность НИОКР на юге Австрии составляет 5%, значительный вклад вносит энергичный рост сектора зеленых технологий. Исследовательский сектор постоянно расширяется. Так, две ведущие компании австрийского энергетического сектора, Andritz и Verbund, в 2021 г. открыли новые исследовательские

¹ The Largest CO₂ Emitting Cluster in the UK. URL: <https://www.humberindustrialclusterplan.org/> (дата обращения: 13.12.2021)

² Location & History of the Green Tech Valley. URL: <https://www.greentech.at/en/location-and-history/> (дата обращения: 13.12.2021)

центры по переработке и водородной технологии. В рамках кластерной стратегии на 2020–2025 гг. «Долина зеленых технологий» продолжит расти как в Австрии, так и на международном уровне. В настоящее время 20% зеленой электроэнергии в мире вырабатывается с использованием технологий «Долины зеленых технологий». На период с 2020 по 2025 гг. планируется инициировать совместные проекты общей стоимостью 100 млн евро, привлечение 1000 дополнительных ученых и технических специалистов в области НИОКР на площадку *Green Tech*, увеличение числа сотрудников в компаниях кластера еще на 5000¹.

Германия в процессе перехода на зеленую экономику также делает ставку на кластерной модели. Страна взяла на себя обязательства перевести «грязные» отрасли промышленности в первую очередь сталелитейную, химическую и цементную на экологически нейтральные производственные процессы. В этой связи в деятельности германских ТНК существенно возрастает значение знаний, опыта и инноваций, в условиях адаптации к изменениям внешней среды происходит трансформация их бизнес-модели и стратегий [Кони́на, 2018: 49]. Крупнейшие западноевропейские ТНК, в частности *BASF*, *Bayer*, *Henkel*, становятся активными участниками промышленно-инновационных кластеров, которые все больше делают акцент на экологической составляющей.

Особенности построения и развития зеленых кластеров в России

Россия, также как и страны Европы, взяла курс на развитие зеленой экономики. В 2020 г. был подготовлен национальный проект «Экология 2.0», предусматривающий снижение в два раза выбросов опасных загрязняющих веществ в атмосферный воздух к 2030 г., в октябре 2021 г. правительством разработана «Федеральная научно-техническая программа в области экологического развития РФ и климатических изменений на 2021–2030 годы», в ноябре 2021 г. Правительство утвердило «Стратегию социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». Важную роль в достижениях данных показателей должны сыграть зеленые кластеры, на основе которых формируется среда ключевых городов России [Porkova et al., 2015: 1049].

В октябре 2014 г. в целях содействия развитию рынка экологически чистых технологий создан консорциум «Санкт-Петербургский кластер чистых технологий для городской среды» в составе Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Центр энергосбережения», некоммерческого партнерства «Городское объединение домовладельцев», саморегулируемой организации некоммерческого партнерства предприятий жилищного комплекса «МежРегионРазвитие», ООО «Первой Санкт-Петербургской Энергосервисной Компании», ООО «ИННОКОР», Санкт-Петербургской консалтинговой компании ООО «ЦКП», Ассоциации *Green Net Finland*, финской компании *Fatman Oy*, Школы окружающей среды Финляндии *SYKLI*. Кластер объединяет 60 предприятий и организаций из

¹ About the Green Tech Cluster. URL: <https://www.greentech.at/en/about/> (дата обращения: 13.12.2021)

России, Финляндии, Норвегии, Дании, Японии и Доминиканской Республики. Численность работников и учащихся организаций-членов кластера – более 44 тыс. человек¹. В ноябре 2016 г. «Санкт-Петербургским кластером чистых технологий для городской среды» и Территориально-отраслевым кластером Агрополис «Алькиа-гроббиопром» Республики Татарстан был создан консорциум «Зеленые кластеры России». Результатом деятельности консорциума должно стать объединение чистых/ «зеленых» технологий во всех секторах экономики страны и промышленной деятельности, что позволит сделать Россию экологичной и безопасной для проживания². В 2017 г. «Санкт-Петербургский кластер чистых технологий для городской среды» запустил международный проект «Кластер устойчивого развития 2030», который направлен на совместное укрепление потенциала для реализации целей устойчивого развития в регионе Балтийского моря, в котором Россия является ключевым партнером. Предполагается обмен лучшими практиками кластерных инициатив и проектов, направленных на реализацию глобальных и региональных экологических стратегий.

В 2019–2021 гг. в рамках кластера реализуется международный проект Промышленный Балтийский симбиоз (*Baltic Industrial Symbiosis, BIS*) Программы региона Балтийского моря, где создана Живая лаборатория для демонстрации малым и средним предприятиям, представителям государственных органов власти и другим заинтересованным сторонам возможностей промышленного симбиоза и оценки использования вторичных ресурсов на местном уровне. К 2025 г. планируется создать экоиндустриальные парки в 50 из 85 регионов³.

В 2016 г. была создана Группа компаний «ВитаЛиква», главной целью которой является формирование единого экологического кластера, способного объединить все разработки, идеи и технологии в сфере экологии. Группа компаний сотрудничает с фирмами из Индии, Европы, США и КНР по эффективной переработке отходов, внедрению инновационных решений в органическом сельском хозяйстве; устранению нефтяных загрязнений; разработке оборудования альтернативной энергетики; построению комплексных систем экомониторинга.

В условиях перевода российской системы обращения с мусором на замкнутый цикл и сокращения до минимума привычного захоронения отходов на полигонах, наметилась тенденция создания мусорных кластеров для сортировки, переработки отходов и компостирования. В 2018 г. началась реализация такого проекта в Тюменской области, в 2020 г. - в Свердловской.

В 2021 г. на платформе Московского инновационного кластера (МИК) появилось новое межотраслевое объединение «Зеленая Москва». Его участники будут вместе разрабатывать проекты, цель которых – сохранение окружающей среды.

¹ Санкт-Петербургский Кластер Чистых технологий для городской среды. URL: <https://spbcleantechcluster.nethouse.ru/> (дата обращения: 14.12.2021)

² Соглашение о создании консорциума «Зеленые кластеры России». URL: <https://spbcleantechcluster.nethouse.ru/> (дата обращения: 14.12.2021)

³ Санкт-Петербургский Кластер Чистых технологий для городской среды. URL: <https://spbcleantechcluster.nethouse.ru/> (дата обращения: 14.12.2021)

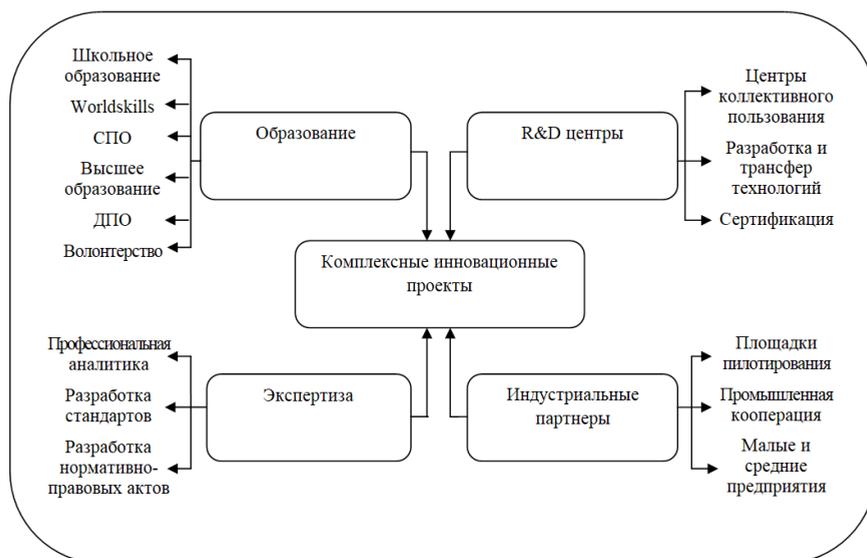
Согласно Экологической стратегии города Москвы до 2030 г. планируемыми к реализации показателями работы Инновационного межотраслевого кластера «Зеленая Москва» являются следующие:

- снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха: на 30% снижение выделения парниковых газов, на 20% снижение поступления взвешенных веществ в воздух;
- снижение объема отходов, подлежащих захоронению, не менее 60% твердых бытовых отходов направляется на сортировку, не менее 26% ТБО после сортировки направляется на переработку;
- реабилитация почвенного покрова на 20% территории города Москвы, озеленение не менее 10% реорганизуемых промышленных зон;
- повышение класса качества поверхностных водных объектов города Москвы и снижение загрязнения подземных вод первого гидрогеологического горизонта и потерь воды на 20–25%¹.

Кластер объединил более 30 участников, в числе которых ведущие технологические университеты, научные организации и промышленные компании (рис. 3)².

Рис. 3

Архитектура Инновационного межотраслевого кластера «Зеленая Москва»

Источник: Инновационный межотраслевой кластер «Зеленая Москва». URL: <https://i.moscow/park/3e739d3222054f89a832a37d067bd419> (дата обращения: 14.12.2021)

¹ Инновационный межотраслевой кластер «Зеленая Москва». URL: <https://www.muctr.ru/upload/university/departments/cpirtk/klaster/klaster.pdf> (дата обращения: 14.12.2021)

² Инновационный межотраслевой кластер «Зеленая Москва». URL: <https://i.moscow/park/3e739d3222054f89a832a37d067bd419> (дата обращения: 14.12.2021)

Инновационный межотраслевой кластер «Зеленая Москва» представляет собой площадку для развития зеленой химии и передовых экологических решений.

Ключевыми направлениями кластера «Зеленая Москва» являются чистый воздух, чистая вода, комфортная среда, переработка пластика.

Сравнение подходов к формированию и функционированию зеленых кластеров в странах Европы и России

Формирование зеленых кластеров в последние годы активно происходит и в странах Европы, и в России. При этом можно выделить как схожие, так и отличительные черты данного процесса (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ создания и функционирования зеленых кластеров в европейских странах и России

Критерии сравнения	Страны Европы	Россия
Период интенсивного формирования	Начало 2000-х гг.	Середина 2010-х гг.
Предпосылки формирования	Реализация положений международных соглашений по сокращению выбросов парниковых газов	Реализация целей устойчивого развития ООН и положений национальных стратегических документов
Цели формирования	Развитие зеленых технологий, создание энерго- и ресурсосберегающей низкоуглеродной городской среды, утилизация отходов, сокращение выбросов CO ₂ , производство экологических товаров и услуг	Развитие рынка экологически чистых технологий, переработка отходов, снижение выбросов CO ₂ , сохранение окружающей среды
Ожидаемые результаты	Достижение углеродной нейтральности и безотходной экономики замкнутого цикла к 2050 г.	Достижение низкого уровня выбросов парниковых газов к 2050 г.
Наиболее распространенная форма	Государственно-частное партнерство	Консорциум
Объединение кластеров	Межгосударственное кластерное партнерство <i>EcoCluP</i>	Консорциум «Зеленые кластеры России»
Основной состав участников	Государственные органы, компании-производители, научно-исследовательские организации, финансовые структуры, бизнес-акселераторы	Компании-производители, научно-исследовательские организации, образовательные организации
Государственная поддержка	39% расходов бюджета ЕС (2020 г.)	1,8% расходов бюджета России (2020 г.)

Источник: составлено авторами.

Формирование зеленых кластеров в европейских странах и России в целом имеет схожие цели, связанные с развитием экологически чистых технологий, сокраще-

нием выбросов CO₂, переработкой отходов. Однако процесс формирования зеленых кластеров в странах Европы начался почти на 15 лет раньше, чем в России.

Предпосылкой формирования зеленых кластеров в европейских странах стала реализация положений международных соглашений, направленных на сокращение выбросов CO₂, в первую очередь, Киотского протокола. В России предпосылкой создания зеленых кластеров явилась реализация Целей устойчивого развития ООН и положений национальных программ, проектов и стратегий. Страны Европы благодаря функционированию кластеров стремятся к 2050 г. достичь нулевых выбросов и безотходной экономики, а РФ к этому периоду собирается существенно снизить выбросы CO₂. В странах Европы зеленые кластеры, как правило, создаются в форме государственно-частных партнерств, а в России в форме консорциумов. Также зеленые кластеры в странах Европы и РФ отличаются по составу участников. В зеленых кластерах европейских стран, помимо компаний-производителей, научно-исследовательских организаций, образовательных организаций, участвуют государственные органы, финансовые структуры и бизнес-акселераторы.

Наконец наблюдаются существенные различия государственной поддержки. Для реализации зеленого курса в европейских странах, прежде всего, выделяются государственные инвестиции и средства бюджета ЕС и национальных бюджетов. В РФ же, наоборот, в максимальной степени исключаются прямые государственные расходы и стимулируются частные инвестиции в зеленые сектора экономики.

Заключение

Реализация совместных программ, связанных с развитием чистых технологий, защитой окружающей среды и переработкой отходов стала возможной в рамках зеленого кластера. Типовая модель зеленого кластера представляет собой объединение компаний зеленой инфраструктуры, органов государственной власти, финансовых организаций, научно-исследовательских и образовательных учреждений, а также потребителей.

Зеленые кластеры в последние годы активно создаются в большинстве стран мира, в том числе в странах Европы и в России. Опыт формирования зеленых кластеров в европейских странах свидетельствует, что с их помощью страны стремятся достичь углеродной нейтральности и построить безотходную экономику. Определенных результатов в реализации данных направлений достигли такие зеленые кластеры в странах Европы, как кластер экологически чистых технологий *Green Net Finland* в Финляндии, кластер экологических предприятий *EnviroCluster Peterborough* в Великобритании и кластер *Green Tech Valley* в Австрии.

В России зеленые кластеры являются отражением проводимой политики страны в области развития зеленой экономики. Особую роль в реализации данного направления должны сыграть консорциум «Санкт-Петербургский кластер чистых технологий для городской среды», мусорные кластеры для сортировки, переработки отходов и компостирования, а также Инновационный межотраслевой кластер «Зеленая Москва».

Сравнение европейского и российского подходов к формированию и функционированию зеленых кластеров позволило сделать вывод, что и в странах Европы, и в России ставят перед собой практически одинаковые цели. Формирование, предпосылки, ожидаемые результаты, формы и основной состав участников зеленых кластеров имеют определенные различия.

Однако в целом благодаря зеленым кластерам европейским странам и РФ могут существенно сократить негативное влияние на окружающую среду и решить проблему климатических изменений. Результаты проведенного исследования позволяют странам, находящимся на начальном этапе перехода на зеленую экономику, выбрать для себя оптимальные направления и действия из европейского и российского опыта формирования и функционирования зеленых кластеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кони́на Н.Ю. (2018) Эволюция крупнейших германских ТНК. *Современная Европа*. № 2(81). С. 49–59. DOI 10.15211/soveurope 220184959.

Мешков И.А. (2020) Основные черты кластерной политики ЕС. *Современная Европа*. № 1(94), С. 182–190. DOI 10.15211/soveurope 12020182190.

Antwi D. (2020). Cluster Economies, Productivity and Technical Efficiency – A Narrative Review. No 8, pp. 1102–1117. 10.11216/gsj.2020.04.38643.

Cooke P. (2015). Green governance and green clusters: regional & national policies for the climate change challenge of Central & Eastern Europe. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 1. 10.1186/s40852-015-0002.

Davies A. (2013). Cleantech Clusters: Transformational assemblages for a just green economy, or just business as usual? *Global Environmental Change*. 23. 10.1016/j.gloenvcha.2013.07.010.

Epifanova T.V. (2017) Influence of clustering on innovational development of business structures in region's economy. *International Journal of Trade and Global Markets*. Vol. 10. No 2–3, pp. 133–141. DOI 10.1504/IJTG.M.2017. 086082.

Gavric O., Kalicanin D. (2016) Green clusters as one of the potential pillars of long-term sustainable economic growth. *Ekonomika preduzeća*. No 64, pp. 382–392. 10.5937/ekopre1606382G.

Konina N.Y., Sapir E.V. (2021) Geo-Economic Aspects of the “Green Economy” in Industry 4.0. In: Zavyalova E.B., Popkova E.G. (eds) *Industry 4.0*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-75405-1_30

Metechko L.B., Sorokin A.E. (2018) Cluster Strategy for Eco-Innovation at Manufacturing Enterprises. *Russ. Engin. Res.* No 38, pp. 316–319.

Popkova E., Shakhovskaya L., Abramov S., Natsubidze A. (2015) Ecological clusters as a tool of improving the environmental safety in developing countries. *Environment, Development and Sustainability*. 18. 10.1007/s10668-015-9685-3.

Shiposha V. (2020) The role of clusters in modern economy. *Three Seas Economic Journal*. No 1, pp. 67–70. 10.30525/2661-5150/2020-2-11.

Sjötun S., Njøs R. (2019) Green reorientation of clusters and the role of policy: 'the normative' and 'the neutral' route. *European Planning Studies*. 10.1080/09654313.2019.1630370.

Tanțau A., Chinie A. (2013) Green Clusters as New Cooperation Strategy for Cleantech Companies. *The Changing Business Landscape of Romania: Lessons for and from Transition Economies*. pp. 189–208. 10.1007/978-1-4614-6865-3_11.

Trippel M., Grillitsch M., Isaksen A., Sinozic T. (2015) Perspectives on Cluster Evolution: Critical Review and Future Research Issues. *European Planning Studies*. No 23, pp. 1–17. DOI 10.1080/09654313.2014.999450.

Tyaglov S.G., Sheveleva A.V., Shurukhina T.V., Guseva T.B. (2019) Model for forming the interregional cluster of the alternative energy. *International Journal of Energy Economics and Policy*. Vol. 9. No 3, pp. 373–378. DOI 10.32479/ijeep.7958.

Tyaglov S.G., Sheveleva A.V., Rodionova N.D., Guseva T.B. (2021) Contribution of Russian Oil and Gas Companies to the Implementation of the Sustainable Development Goal of Combating Climate Change. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science* 666(2), 022007. DOI 10.1088/1755-1315/666/2/022007.

Formation of Green Clusters: the Experience of European Countries and Russia

S.G. Tyaglov *

Doctor of Science (Economics)

Rostov State Economic University. 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, Russia, 344002.

***E-mail:** tyaglov-sg@rambler.ru

A.V. Sheveleva*

Doctor of Science (Economics)

Moscow State University of International Relations (MGIMO University).

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

***E-mail:** a_sheveleva@rambler.ru

Abstract. The formation of green clusters is one of the directions of state policy of all countries looking for transition to a green economy. The article outlines the authors' vision of a typical model of a green cluster and provides a comparative analysis of the practices of green clusters in Europe and Russia on example of the Green Net Finland cluster of environmentally friendly technologies in Finland, the EnviroCluster Peterborough cluster of environmental enterprises in the UK, the Green Tech Valley cluster in Austria, as well as the consortium St. Petersburg Cluster of Clean Technologies for the Urban Environment, garbage clusters for sorting, recycling and composting, the Green Moscow Innovative Intersectoral Cluster. It is concluded that green clusters play an important role in solving the problems of environmental protection and waste recycling. They are created in order to implement international agreements to reduce emissions, to switch to clean technologies, achieve carbon neutrality and create a circular economy in European countries. In Russia green clusters are primarily considered as an instrument to achieve the goals of sustainable development, and ultimately the environmental indicators established in national projects, programs and strategies. The European and Russian experience in the formation of green clusters is of practical importance and can be taken into account by other countries that are just planning to switch to a green economy.

Key words: green cluster, green economy, clean technologies, carbon neutrality, European countries, Russia.

DOI: 10.31857/S0201708322020085

REFERENCES

- Konina N.YU. (2018) Evolyuciya krupnejshih germanskih TNK [Evolution of the Largest Multinational German Companies]. *Sovremennaya Yevropa*. No 2(81), pp. 49–59. DOI 10.15211/soveurope 220184959. (In Russian).
- Meshkov I.A. (2020) Osnovnye cherty klasternoj politiki ES [Main features of the EU Cluster Policy]. *Sovremennaya Yevropa*. No 1(94), pp. 182–190. DOI 10.15211/soveurope 12020182190. (In Russian).
- Antwi D. (2020). Cluster Economies, Productivity and Technical Efficiency – A Narrative Review. No 8, pp. 1102–1117. 10.11216/gsj.2020.04.38643.
- Cooke P. (2015). Green governance and green clusters: regional & national policies for the climate change challenge of Central & Eastern Europe. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. 1. 10.1186/s40852-015-0002.
- Davies A. (2013). Cleantech Clusters: Transformational assemblages for a just green economy, or just business as usual? *Global Environmental Change*. 23. 10.1016/j.gloenvcha.2013.07.010.
- Epifanova T.V. (2017) Influence of clustering on innovational development of business structures in region's economy. *International Journal of Trade and Global Markets*. Vol. 10. No 2–3, pp. 133–141. DOI 10.1504/IJTGM.2017. 086082.
- Gavric O., Kalicanin D. (2016) Green clusters as one of the potential pillars of long-term sustainable economic growth. *Ekonomika preduzeća*. No 64, pp. 382–392. 10.5937/ekopre1606382G.
- Konina N.Y., Sapir E.V. (2021) Geo-Economic Aspects of the “Green Economy” in Industry 4.0. In: Zavyalova E.B., Popkova E.G. (eds) *Industry 4.0*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-75405-1_30
- Metechko L.B., Sorokin A.E. (2018) Cluster Strategy for Eco-Innovation at Manufacturing Enterprises. *Russ. Engin. Res*. No 38, pp. 316–319.
- Popkova E., Shakhovskaya L., Abramov S., Natsubidze A. (2015) Ecological clusters as a tool of improving the environmental safety in developing countries. *Environment, Development and Sustainability*. 18. 10.1007/s10668-015-9685-3.
- Shiposha V. (2020) The role of clusters in modern economy. *Three Seas Economic Journal*. No 1, pp. 67–70. 10.30525/2661-5150/2020-2-11.
- Sjötun S., Njøs R. (2019) Green reorientation of clusters and the role of policy: 'the normative' and 'the neutral' route. *European Planning Studies*. 10.1080/09654313.2019.1630370.
- Tanțau A., Chinie A. (2013) Green Clusters as New Cooperation Strategy for Cleantech Companies. *The Changing Business Landscape of Romania: Lessons for and from Transition Economies*. pp. 189–208. 10.1007/978-1-4614-6865-3_11.
- Trippl M., Grillitsch M., Isaksen A., Sinozic T. (2015) Perspectives on Cluster Evolution: Critical Review and Future Research Issues. *European Planning Studies*. No 23, pp. 1–17. 10.1080/09654313.2014.999450.
- Tyaglov S.G., Sheveleva A.V., Shurukhina T.V., Guseva T.B. (2019) Model for forming the interregional cluster of the alternative energy. *International Journal of Energy Economics and Policy*. Vol. 9. No 3, pp. 373–378. DOI 10.32479/ijeep.7958.
- Tyaglov S.G., Sheveleva A.V., Rodionova N.D., Guseva T.B. (2021) Contribution of Russian Oil and Gas Companies to the Implementation of the Sustainable Development Goal of Combating Climate Change. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science* 666(2), 022007. DOI 10.1088/1755-1315/666/2/022007.

УДК 323, 324, 327, 329

ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ИСПАНИИ В ПОСТФРАНКИСТСКИЙ ПЕРИОД

© 2022 ОРЛОВ Александр Арсеньевич *

Кандидат исторических наук, Почетный работник МИД России,

Чрезвычайный и Полномочный Посланник

Институт международных исследований МГИМО МИД России.

119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76.

**E-mail: al.or-2012@yandex.ru*

Поступила в редакцию 17.11.2021

После доработки 14.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. Деградация сложившейся в Испании в постфранкистский период биполярной партийной системы, основанной на доминировании в политическом пространстве двух системообразующих партий противоположной политической ориентации, и ее замена на многопартийную модель с более широким вовлечением в политические процессы новых альтернативных игроков представляется долговременной тенденцией. С учетом крайней проблематичности формирования в будущем монопартийных кабинетов министров неизбежным становится создание правительственных коалиций. Однако в силу отсутствия «коалиционной культуры», в выработке которой прежде не было необходимости, а также заметной поляризации политических сил и роста взаимного неприятия на уровне лидеров и партийных элит, решение этой задачи в современных испанских реалиях грозит превратиться в бесконечный политический марафон и чревато существенным усилением политической нестабильности в ближайшие годы.

Ключевые слова: Испания, транзит, франкизм, ИСРП, Народная партия, СДЦ, Унидас Подемос, парламентские выборы, коалиционная культура, националисты, поляризация политических сил, Европа, Германия.

DOI: 10.31857/S0201708322020097

Во второй половине XX в. в ведущих западноевропейских государствах сложились в целом близкие по форме и содержанию партийные системы, в основе которых лежало чередование во власти двух крупных партий конкурирующей политической и даже идеологической ориентации – как правило, консерваторов и социал-

демократов при вспомогательной роли, в некоторых случаях, более мелких партий, способных выполнять функцию союзников или ситуативных попутчиков. При этом стабильность такой системы обеспечивалась за счет высокого суммарного процента голосов, получаемых на выборах двумя партиями-лидерами (в пределах 70–90%). Однако в конце XX – начале XXI вв. такая модель начала разрушаться вследствие, с одной стороны, кризиса «старых» партий, а с другой, выхода на политическую авансцену альтернативных формирований, способных перетянуть на свою сторону существенную часть электората. Подобная тенденция характерна и для Испании, где биполярная партийная система, сформировавшаяся в постфранкистский период, подвергается серьезным испытаниям.

Формирование двухполюсной партийной модели в Испании

В результате демонтажа франкизма в Испании была создана демократическая политическая система, «стабильная в своих оценках и умеренная в своих конфликтах, укладывающаяся в рамки нормальной конфронтации интересов и идеологий», согласно выводу коллектива аналитиков, приближенных к испанскому правительству времен премьера-социалиста Фелипе Гонсалеса [Alonso Zaldívar y Castells, 1992: 31]. Неотъемлемым элементом этой системы стали политические партии, которые, как прописано в действующей конституции Испании (ст. 6), «выражают политический плюрализм, содействуют формированию и проявлению народной воли и являются основным инструментом политического участия».

Демократический всплеск на заре постфранкизма привел к образованию более 500 различных организаций, вошедших в реестр политических ассоциаций. Однако уже вскоре подавляющее большинство из них «рассеялись перед лицом силы и электоральной привлекательности крупных партий и коалиций» [Alonso Zaldívar y Castells, 1992: 32], составивших основу современной партийной системы Испании. Свою состоятельность смогли доказать всего несколько партий – как «исторических», возникших еще до гражданской войны 1936–1939 гг., так и новых, сумевших вписаться в демократический ландшафт.

К «историческим партиям» можно отнести Испанскую социалистическую рабочую партию (ИСРП), возникшую еще в XIX в. (1879 г.), Коммунистическую партию Испании (КПИ), отметившую в ноябре 2021 г. свой столетний юбилей, а также две националистические партии – Баскскую националистическую (БНП), как и ИСРП созданную в позапрошлом веке (1895 г.), и Левых республиканцев Каталонии (ЛРК), появление которых в 1931 г. было связано с нарастанием антимоноархических настроений в Испании и «полевением» части сторонников каталонского национализма.

Указанные выше политические партии участвовали в гражданской войне в Испании на стороне республиканского правительства (ИСРП и КПИ составляли его главную опору), а после установления в стране франкистских порядков были вынуждены уйти в подполье. Примечательно, что поражение республиканцев в войне во многом способствовало выживанию партий левой и националистической ориен-

тации, мотивировав их стремление противостоять (хотя и с разной степенью активности) новой авторитарной власти.

Что касается правых и центристских партий, существовавших в Испании до гражданской войны, то все они исчезли с партийной карты страны, фактически став частью новой франкистской политической системы, стержневым элементом которой являлось Национальное движение (НД), объединившее в своих рядах всех сторонников каудильо. Тем не менее НД никогда не было полностью сплоченной организацией, в нем всегда велась внутренняя борьба между различными фракциями за благорасположение вождя. На первом этапе лидирующие позиции в НД занимали члены Испанской фаланги, представлявшей собой испанскую разновидность мирового фашизма. Однако с годами влияние профашистских радикалов в НД снижалось, и в поздний период франкизма на первый план вышли молодые технократы, связанные со католической организацией «Опус Деи». Существовавшие в НД противоречия не позволили реализоваться идее постепенного «врастания» франкизма в ограниченно демократическое общество через стратегию «апертуризма» (открытости), предполагавшую создание в НД различных политических ассоциаций, которые могли бы составить основу новой политической системы Испании после Франко [Современная Испания, 1983: 6–23].

В результате формирование партий в центре и на правом фланге политического пространства постфранкистской Испании проходило во многом стихийно. До проведения первых демократических выборов в 1977 г. было неясно, какие течения из бывшего франкистского лагеря могут занять лидирующие позиции. В частности, на определенном этапе считалось, что хорошие шансы стать центром притяжения всех правых имели испанские христианские демократы, зарубежные единомышленники которых занимали прочные позиции в ряде западноевропейских стран, прежде всего, в ФРГ и Италии.

Для Испании на всем протяжении многовековой истории этого государства характерно значительное влияние фактора личности на политические процессы. В этом смысле Испания весьма близка России. Сильные лидеры во главе государства способствовали его процветанию, укреплению позиций Мадрида на международной арене, слабые – заводили страну в тупик, сводили на нет усилия их политически более состоятельных предшественников. Относительно безболезненный политический транзит от франкизма к демократической системе в Испании был осуществлен (возможно, в решающей степени) благодаря смелому и эффективному руководству Адольфо Суареса, который, вне всякого сомнения, является знаковой фигурой современной испанской истории. Огромный авторитет, который Суарес, занявший пост премьер-министра Испании в июле 1976 г., завоевал в испанском обществе в период транзита, позволил ему в сжатые сроки сформировать предвыборную коалицию Союз демократического центра (СДЦ), объединившую в своих рядах 15 группировок различной центристской направленности – от социал-демократов до «цивилизованных», умеренных франкистов.

Сам Суарес был выходцем из Национального движения. Причем до назначения главой правительства он занимал пост генерального секретаря НД. На фоне замше-ных ветеранов «крестового похода» против коммунизма Суарес и его политические

соратники, относившиеся к последнему франкистскому поколению (им было от 40 до 50 лет), выглядели явно предпочтительно – они находились в расцвете сил, обладали определенным политическим опытом и могли предложить обществу осмысленную программу реформ.

Другим же постфранкистским партиям, не вошедшим в СДЦ и мало известным электорату пришлось буквально в авральном режиме готовить свои предвыборные программы. Низовых организаций у них не было, поэтому опираться пришлось на «узнаваемость» их лидеров, тоже связанных с прежним режимом, но политическое реноме которых было неоднозначным и зачастую просто неподходящим для новых политических реалий.

В стане левых подобной неразберихи не было. Однако полной картины приоритетов электората также не существовало. ИСРП и КПИ имели на руках свои предвыборные козыри. У социалистов – это, прежде всего, молодое динамичное руководство во главе с 35-летним генсеком Фелипе Гонсалесом, которому удалось победить в напряженной внутрипартийной борьбе и отстранить от власти старое эмигрантское правление, отставшее от новых испанских реалий. У коммунистов – это годы лидерства в подпольной борьбе с франкизмом, позволившие партии завоевать симпатии и поддержку среди трудящихся, а также в интеллектуальном сегменте испанского общества. Но у руля в КПИ осталась старая гвардия, которая ассоциировалась в глазах многих испанцев с временами гражданской войны, последствия которой нужно было как можно быстрее преодолеть.

Первые демократические выборы в постфранкистской Испании состоялись 15 июня 1977 г., через полгода после проведения общенационального референдума по законопроекту о политической реформе. Законопроект предусматривал создание двухпалатного парламента, состоящего из Конгресса депутатов (нижняя палата, 350 мест) и Сената (палата территориального представительства, 207 мест), избираемых путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Победу на выборах одержал СДЦ, собравший 34,7% голосов избирателей. На второй позиции закрепилась ИСРП, за которую отдали свои голоса 29,2% испанцев, принявших участие в голосовании. Третьими остались коммунисты (9,2%). Немного им уступил правый Народный альянс (8,3%), который стал прибежищем многих консерваторов из числа неофранкистов, осознававших необратимость произошедших в стране перемен, но не готовых поддержать Суареса в силу его чрезмерной левизны. Всего 1,4% голосов получила Христианско-демократическая федерация, что означало закат этого политического проекта. Последователи франкистского «бункера» (наиболее стойкие приверженцы каудильо) вообще исчезли с политической арены как реликты ушедшей эпохи [Современная Испания, 1983: 31].

В целом успешно прошли сквозь горнило первых послефранкистских выборов националистические партии Страны басков и Каталонии, которые смогли на равных конкурировать с региональными филиалами общеиспанских партий. Это означало, что, несмотря на 40 лет гонений в период франкизма, национализм вернулся, причем его поддержка в целом находилась в тех же параметрах, как и в 1930-е гг., что подтвердило устойчивый характер националистических предпочтений, существующих у части каталонского и баскского обществ [Орлов, 2020: 401].

По итогам выборов 1977 г. в Испании фактически сложились контуры партийно-политической системы, которая просуществовала с незначительными трансформациями вплоть до середины десятих годов XXI в. Ее основу составила двухпартийная модель (в Испании эту модель называют «бипартизмом») при вспомогательной роли двух-трех относительно небольших партий (включая националистические), которые могли в случае необходимости добавить голоса в парламенте победившей на выборах партии, но не участвовали в формировании правительства. После кризиса, а затем и развала СДЦ в 1981–1982 гг., связанного, в частности, с борьбой за лидерство в этой коалиции (позже станет партией) и «выдавливанием» из нее основателя СДЦ Адольфо Суареса, позиции центристов как одной из двух системообразующих партий занял Народный альянс, который в дальнейшем был преобразован в Народную партию (НП).

Постфранкистская двухпартийная модель не являлась для Испании чем-то принципиально новым. В том или ином виде похожая модель существовала на протяжении большей части XIX в., приобретая канонические формы в его конце, когда по взаимному согласию происходило мирное чередование во власти консерваторов Кановаса и либералов Сагасты, что позволило умерить политические амбиции их главных конкурентов – карлистов и республиканцев [Gallego Castañera, 1988: 112]. Кстати, по мнению этого автора, размытость двухпартийной модели в период Второй испанской республики (1931–1939 гг.) стала одной из причин гражданской войны: на судьбоносных выборах 1936 г. две ведущие партии – Испанская конфедерация автономных правых (CEDA) и ИСРП, представлявшие противоположные политические тенденции, не собрали вместе «стратегический минимум» в 51% голосов и «потерпели кораблекрушение» в последовавшей за этим «тотальной конфронтации» [Gallego Castañera, 1988: 116].

В первые годы современной испанской демократии исчезновение с политической арены СДЦ стало для лидеров Народного альянса побудительным мотивом для отказа от избыточно консервативных позиций с целью сохранения в своей орбите большей части бывшего электората центристов. Эта задача была в целом успешно решена. Лишь незначительный процент членов СДЦ, относившихся к его социал-демократическому крылу, примкнул в дальнейшем к ИСРП. В свою очередь, социалисты также плодотворно провели работу по консолидации под своим крылом всего левого и левоцентристского электората. Главными пострадавшими в результате осуществления этой тактики оказались коммунисты, которые постепенно утратили свои позиции как весомого элемента испанской политической реальности и растворились в коалиции «Объединенные левые» [Астахов, Ростов, 2020: 116].

Для подтверждения тезиса о доминировании в политической жизни Испании на протяжении без малого 40 лет двух конкурирующих между собой крупных партий ниже приводится статистика суммарных результатов этих партий на парламентских выборах, состоявшихся в 1977–2011 гг.

Таким образом, по итогам первых 11 выборов в испанский парламент в постфранкистский период совокупная электоральная поддержка двух основных, конкурирующих между собой партий Испании противоположной политической ориента-

ции, колебалась в пределах от 63,76% (низший показатель в 1977 г.) до 83,81% (высший показатель в 2008 г.). Это обеспечило этим партиям устойчивую поддержку в нижней палате парламента – от суммарных 282 мест в 1989 г. (80,6% от общего числа депутатов) – худший результат, до 323 мест в 2008 г. (92,3%) – лучший результат.

Таблица № 1

Дата выборов	Сумма голосов первой и второй партий, полученных на выборах в %	Суммарное количество мандатов первой и второй партий в Конгрессе депутатов по итогам выборов (из 350 мест)
15.06.1977 (1 выборы)	63, 76 (СДЦ + ИСРП)	283 (80,9%)
01.03.1979 (2 выборы)	65, 24 (СДЦ + ИСРП)	289 (82,6%)
28.10.1982 (3 выборы)	74,47 (ИСРП + НА)	309 (88,3%)
22.06.1986 (4 выборы)	70,03 (ИСРП + НК)	289 (82,6%)
29.10.1989 (5 выборы)	65,39 (ИСРП + НП)	282 (80,6%)
06.06.1993 (6 выборы)	73,54 (ИСРП + НП)	300 (85,7%)
03.03.1996 (7 выборы)	76,42 (НП + ИСРП)	297 (84,9%)
12.03.2000 (8 выборы)	78,68 (НП + ИСРП)	308 (88%)
14.03.2004 (9 выборы)	80,3 (ИСРП + НП)	312 (89,1%)
09.03.2008 (10 выборы)	83,81 (ИСРП + НП)	323 (92,3%)
20.11.2011 (11 выборы)	73,39 (НП + ИСРП)	296 (84,6%)

Примечание: НК – Народная коалиция, образованная вокруг Народного альянса.

Источник: приведенные в настоящей статье таблицы и иные подсчеты составлены автором на основе официальных документов.

Показатели остальных политических партий и предвыборных коалиций на фоне доминирования двух главных партий выглядели малозначительными. Если взять совокупные показатели третьей и четвертой партий, то они колебались от 6,8% (в 2008 г. – низший показатель) до 17,54% (высший в 1977 г.). Соответственно, представительство этих партий в Конгрессе депутатов также было весьма условным (минимум – 16 депутатов после выборов в 2008 г.; максимум – 37 мандатов в 1986 и 1996 гг.).

При этом подобная, по сути, двухпартийная система обеспечивала достаточно высокий уровень политической стабильности. Партия, победившая на выборах (в нашем анализе – первая партия), получала, как правило, абсолютное большинство в нижней палате парламента, либо без особого труда добирала необходимые для формирования устойчивого правительства голоса за счет поддержки депутатов от мелких партий. За указанный период 6 раз правительство Испании формировала ИСРП, 3 раза – Народная партия и дважды – СДЦ. Такой расклад делал ненужным создание парламентских коалиций. В результате в постфранкистской Испании не сложилась переговорная культура, необходимая для достижения межпартийных

компромиссов, что стало особенно заметно, когда двухпартийная система неожиданно для многих местных политиков и аналитиков дала глубокую трещину.

Многopартийная система как новая политическая реальность в Испании

Рубежными стали 12-е парламентские выборы, состоявшиеся 20 декабря 2015 г. По их итогам в Конгрессе депутатов образовались достаточно представительные фракции двух молодых партий – центристской «Сьюдаданос» («Граждане», на исп. Ciudadanos) и левой «Подемос» («Мы можем», на исп. Podemos) в составе, соответственно, 40 и 42 депутата. Эти партии собрали 13,94 и 12,67% голосов избирателей, причем показатель «Подемос» реально составил 20,68% голосов, если приплюсовать к общенациональному списку голоса региональных коалиций, образованных вокруг этой партии. В этом случае численность фракции «Подемос» в нижней палате возростала до 69 депутатов.

Одновременно резко снизились показатели двух партий-лидеров. Народную партию на выборах поддержали 28,71% избирателей (на 15,92% меньше, чем на выборах 2011 г.), что позволило «народникам» провести в нижнюю палату парламента только 123 депутата (против 186 в предыдущем составе Конгресса депутатов). Результаты социалистов вообще были восприняты их сторонниками как катастрофичные – 22,01% (минус 6,75% по сравнению с крайне неудачными для партии итогами выборов в 2011 г.). Парламентская фракция ИСПП в Конгрессе депутатов, подобно шагреновой коже, «сдулась» до 90 депутатов (то есть меньше психологически значимого рубежа в 100 мандатов, ниже которого социалисты никогда не опускалась в современной истории Испании) [Paniagua Fuentes, 2016; Орлов, 2017].

Данная тенденция сохранилась на всех последующих парламентских выборах. Приводимая ниже сводная таблица (Таблица № 2) результатов выборов в 2015, 2016 и дважды в течение 2019 г. свидетельствует о появлении в Испании новых политических реалий, связанных с эрозией двухпартийной системы и формированием многopартийной.

На выборах в 2019 г. в политическое пространство Испании ворвалась еще одна партия – крайне правая «Вокс» («Голос», на исп. VOX), которую левые и либеральные аналитики характеризуют как наследницу франкистской идеологии, последователи которой не смогли создать сильную партию в период демократического транзита и на четыре десятилетия «растворились» в рядах Народной партии в качестве ее радикально консервативного крыла [Arroyo Menéndez, 2020].

Как видно из Таблицы 2, две первые партии на последних четырех парламентских выборах совместно набирали порядка 50% голосов избирателей (лучший показатель – 55,64% в 2016 г., худший – 45,36% на апрельских выборах в 2019 г.). Это – существенно ниже, чем прежде, когда их суммарная поддержка в ряде случаев превышала 80%. Соответственно, значительно снизилось представительство этих партий в Конгрессе депутатов: от более чем 80% депутатских мандатов (и даже 92,3% – в 2008 г.) до 50–60% в последние годы (лучший показатель – 63,4% после выборов 2016 г., худший – 54% в апреле 2019 г.).

Таблица 2

Дата выборов	Сумма голосов первой и второй партий, полученных на выборах в %	Суммарное количество мандатов первой и второй партий в Конгрессе депутатов по итогам выборов (из 350 мест)
20.12.2015 (12-е выборы)	50,72 (НП + ИСРП)	213 (60,9%)
26.06.2016 (13-е выборы)	55,64 (НП + ИСРП)	222 (63,4%)
28.04.2019 (14-е выборы)	45,36 (ИСРП + НП)	189 (54%)
10.10.2019 (15-е выборы)	48,82 (ИСРП + НП)	209 (59,7%)

Источник: приведенные в настоящей статье таблицы и иные подсчеты составлены автором на основе официальных документов.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному испанским Центром социологических исследований (CIS) в январе 2022 г., за ИСРП на новых парламентских выборах были бы готовы проголосовать 28,5% избирателей, а за Народную партию – 21,5%, что суммарно позволило бы двум партиям получить 50% голосов. Такой возможный результат выборов полностью вписывается в новую испанскую электоральную парадигму¹ [Sánchez Muñoz, 2017].

Произошедшие существенные изменения в партийной системе Испании [Аникеева, 2019; Хенкин, 2020] во многом обусловлены объективными проблемами и трудностями, с которыми страна столкнулась в XXI в. Партия «Подemos» образовалась в марте 2014 г. на волне протестного движения, ставшего следствием глобального финансово-экономического кризиса 2008 г., который глубоко поразил испанское общество. Часть левого электората, неудовлетворенная соглашательской политикой ИСРП, пройдя через непродолжительный этап социальных движений, активно поддержала «Подemos», усмотрев в новой партии проводника своих устремлений и чаяний [Tamames, 2015]. Лидер «Подemos» Пабло Иглесиас, профессор Университета Комплутенсе, виделся им классическим левым руководителем, сочетавшим в себе качества теоретика, трибуна и вожака масс [Хенкин, 2019]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что объективно левый кластер политического пространства Испании изначально, с момента постфранкистского транзита, оставался частично свободным. КПИ, а позже «Объединенные левые» не смогли его полностью заполнить по разным причинам, в результате чего часть левого электората голосовала за поправевшую за годы демократии ИСРП скорее по инерции, а не в силу твердой убежденности. Это обстоятельство создавало для «Подemos» благоприятную возможность и в дальнейшем укреплять свои позиции при условии правильного, без «заносов» и немотивированных кренов, выстраивания своей политической линии [Garzón, 2014].

¹ PSOE y PP suben más de medio punto en el primer barómetro del CIS de 2022.
URL: https://cadenaser.com/ser/2022/01/20/politica/1642674552_960834.html

Партия «Сьюдаданос» возникла раньше «Подемос» – в 2006 г. в Барселоне как региональная организация. Побудительным мотивом для ее появления явилось стремление части каталонского общества оказать активное противодействие набиравшему силу местному национализму. Изначально партия идентифицировала себя как левоцентристскую, социал-демократическую организацию, однако в дальнейшем наметился ее разворот вправо. По мере роста в деятельности «Сьюдаданос» общенациональных амбиций испанскими аналитиками в оборот был запущен термин «partido-bisagra», то есть «партия-шарнир». Предполагалось, что с учетом новых политических реалий «Сьюдаданос» будет играть роль младшего партнера в коалициях с НП или ИСРП, что обеспечивало бы устойчивость кабинета министров. Однако явно завышенные политические амбиции основателя и лидера партии Альберта Риверы и допущенные им очевидные ошибки сыграли на определенном этапе злую шутку со «Сьюдаданос». Партия потеряла львиную долю своего электората, который по большей части отошел к Народной партии.

Появление на политическом небосклоне Испании партии «Вокс» имеет как внутрииспанскую, так и международную подоплеку. Долгое время считалось, что крайне правый политический проект в Испании не имеет никаких перспектив. Неудачи «Вокс» на выборах в 2015 и 2016 гг. (электоральная поддержка в 0,23 и 0,20% голосов, соответственно), как будто убедительно подтверждали этот тезис. Но все кардинально изменилось в 2018 г., когда партия неожиданно прошла в автономный парламент традиционно левой Андалусии, а потом повторила свой успех на двух общенациональных выборах, состоявшихся в течение 2019 г. Подобно мифической птице Феникс буквально на глазах возродился испанский (кастильский) национализм как антипод каталонского и баскского региональных национализмов, в явной форме не проявлявшийся в постфранкистский период, разве что в виде локальных и маргинальных рецидивов.

Восхождение «Вокс» привело к усилению поляризации испанского общества. Если для всех правых сторонники «Подемос» и «Объединенных левых» – это просто «коммунисты», то для всех левых «Вокс», а зачастую и приверженцы Народной партии – это «фашисты». Это дает основание утверждать, что гражданская война в душах и сердцах многих испанцев, в т.ч. молодых, продолжается, несмотря на устоявшееся в научно-политическом сообществе представление о постфранкистском транзите как о чудесном эликсире примирения испанского общества. При этом «Вокс» было бы неправильно в полной мере относить к неофранкистам, хотя определенные элементы «старой школы» каудильо в идеологии этой партии, вне всякого сомнения, присутствуют. Приверженцы «Вокс» – это сторонники традиционных устоев патриархальной, консервативной, католической Испании, которые отвергают все новомодные установки европейских и американских левых, прежде всего агрессивное навязывание обществу ценностей лиц нетрадиционной ориентации как символа новой модели либеральной демократии. В дополнение к этому серьезным раздражителем для «воксовцев» и иных испанских правых служит нелегальная миграция, которая напрямую затрагивает Испанию, ставшую перевалочным маршрутом и реципиентом тысяч переселенцев из Африки и частично из Азии. В этих смыслах у «Вокс» есть много общих черт с новыми европейскими

правыми, прочно осваивающими политическое поле ряда крупных стран Старого Света.

После ноябрьских 2019 г. парламентских выборов впервые в постфранкистской истории была создана правительственная коалиция в составе ИСРП и «Унидас Подемос» (УП), на чем активно настаивала вся «прогрессистская» Испания, включая всемирно известных интеллектуалов и деятелей культуры, многие из которых традиционно стоят на левых позициях [Верников, 2019а; 2019б]. Однако лидер ИСРП Педро Санчес до последнего пытался избежать коалиционной перспективы и, только почувствовав реальную угрозу потери власти, пошел на вынужденный союз с УП.

При голосовании в Конгрессе депутатов кандидатура Педро Санчеса на пост главы правительства Испании получила тогда минимальную поддержку депутатского корпуса: 167 голосов – «за» при 165 – «против» и 18 воздержавшихся. Помимо ИСРП и «Унидас Подемос» за Санчеса проголосовали (или, по крайней мере, не блокировали его кандидатуру) депутаты от большинства мелких левых и националистических партий, объединило которых главным образом стремление не допустить возврата к власти правых, а вовсе не желание подравняться под правящую коалицию. Тем самым возникла ситуация, близкая к патовой, когда Санчес в целях сохранения выживаемости своего кабинета вынужден постоянно маневрировать [Куракина-Дамир, 2020], оглядываясь на каталонских и баскских националистов, которых лидеры «Вокс» (да и «народники» тоже) открыто называют врагами Испании.

Крайнюю неустойчивость кабинета Санчеса подтвердило состоявшееся в начале марта 2022 г. голосование в Конгрессе депутатов по реформе трудового законодательства, предварительно одобренной предпринимательским сообществом, профсоюзами и другими «социальными агентами». Реформу поддержали 175 депутатов, причем, на сей раз на стороне Санчеса выступила обычно оппозиционная правительству партия «Сьюдаданос», а в числе 174 членов парламента, голосовавших «против», помимо представителей Народной партии и «Вокс», оказались депутаты от ЛРК, БНП и иных мелких левых националистических партий, с которыми премьер постоянно заигрывает и поддержка которых необходима правительству для сохранения своих властных позиций¹.

Следует также подчеркнуть, что кризис бипартизма рельефно проявился в период пандемии, когда межпартийное противостояние в Испании достигло своего апогея [Яковлев, 2020; Верников, 2021].

Заключение

Изменение политических предпочтений значительной части испанского общества, приведшее к резкому сокращению поддержки двух ведущих партий – ИСРП и НП, является долговременной тенденцией. Прежняя консолидация левого и право-

¹ El congreso aprueba la votaci de la reforma laboral. URL: <https://www.msn.com/es-es/noticias/elecciones/el-congreso-aprueba-la-votaci-c3-b3n-de-la-reforma-laboral-c2-bfqu-c3-a9-partidos-votaron-a-favor-y-cu-c3-alles-en-contra/ar-AATrt9H?ocid=uxbndllbing> (дата обращения: 19.12.2021)

го электората вокруг указанных двух партий существенно размыта: сегодня на пару они в состоянии собрать в лучшем случае 50% голосов избирателей против прежних 80% и выше. Потерянные ими голоса отошли новым партиям, которые жаждут получить свое место под политическим солнцем.

Создание в этих условиях правительственных коалиций в Испании становится неизбежным. В то же время решение этой задачи из-за отсутствия коалиционной культуры и традиционно завышенных амбиций всех без исключения участников испанского политического «пазла» представляется делом исключительно сложным, а в отдельных случаях – просто бесперспективным.

В ситуации политического цугцванга, который, судя по всему, становится для Испании нормой жизни, нельзя исключать, что в обозримом будущем ведущие партии этой страны (ИСРП и НП) будут обречены пойти на беспрецедентный шаг – сформировать по примеру Германии времен канцлера Ангелы Меркель «большую коалицию». Пока это кажется малореальным, а кому-то в Испании и просто невыполнимым, но если чехарда с досрочными выборами, которыми был отмечен период 2016–2019 гг., продолжится в том или ином виде, а правительство по-прежнему будет вынуждено, подобно эквилибристу, постоянно балансировать в поисках ускользающего равновесия, то, возможно, иного разумного выбора у ответственных политиков в этой стране просто не останется [Орлов, 2021].

Существенно затруднять реализацию этого сценария, однако, будет резко возросшая в последние годы в Испании поляризация политических сил, выражающаяся не только в несовпадении программных установок конкурирующих партий, но и во взаимном неприятии этих партий на уровне лидеров и элит. Крайне жесткая критика в адрес друг друга, временами приобретающая форму прямых оскорблений и нежелания слушать оппонента, будет создавать дополнительные трудности уже сугубо субъективного характера, расшатывающие всю политическую систему. Здесь налицо очевидная аналогия с ситуацией в США, где определенные круги в Демократической и Республиканской партиях воспринимают сегодня друг друга не просто как конкурентов, а как врагов. Это весьма тревожный феномен новых испанских реалий, способный генерировать деструктивные действия со стороны конкурирующих партийных элит. Налицо растущая вариативность будущего как Испании, так и в целом «объединенной» Европы [Громыко, 2021: 11], за которой может стоять неопределенность процессов, которые будут доминировать на европейском пространстве и в отдельных странах, включая Испанию, уже в ближайшей перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникеева Н.Е. (2019) *Очерки политической истории Испании (1982–2018)*. Учебное пособие. МГИМО-Университет, Москва. 138 с.

Астахов Е.М., Ростов Н.А. (2020) Истоки и перспективы левого движения в Испании. *Современная Европа*, № 1. С. 113–122. DOI: 10.15211/soveurope12020113122.

Верников В.Л. (2019а) Парламентские выборы в Испании: социалисты вернулись во власть, и теперь – надолго. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 3. С. 34–41. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320193641>.

Верников В.Л. (2019b) Педро Санчес в борьбе за власть. Политический портрет лидера испанских социалистов. *Современная Европа*, № 6. С. 95–104. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope6201995104>.

Верников В.Л. (2021) Политический перформанс Пабло Иглесиаса. *Аналитические записки Института Европы РАН*, № 212 (242). DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics122021>.

Громько Ал.А. (2021) Субъектность Евросоюза – между атлантизмом и евроцентризмом. *Современная Европа*, № 4. С. 10–25. DOI: [10.15211/soveurope420211025](https://doi.org/10.15211/soveurope420211025).

Европа между трех океанов (под общ. ред. Ал.А. Громько и В.П. Федорова) (2019) ИЕ РАН: Нестор-История, Москва. 608 с.

Куракина-Дамир А. (2020) Испания: избирательный процесс в условиях фрагментации парламента. *Латинская Америка*, № 4. С. 32–45. DOI: [10.31857/S0044748X0008705-04](https://doi.org/10.31857/S0044748X0008705-04).

Орлов А.А. (2021) Испанский политический пасьянс в период пандемии. *Обозреватель-Observer*, № 3. С. 63-73. DOI: [10.48137/2074-2975_2021_3_63](https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_3_63).

Орлов А.А. (2017) Кризис в соцпартии Испании – отражение деградации европейской социал-демократии. *Обозреватель – Observer*. № 1 (324). С. 66–80.

Орлов А.А. (2020) *Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее*. Издательство «МГИМО-Университет», Москва. 550 с.

Современная Испания (1983) Политиздат, Москва. 383 с.

Хенкин С.М. (2018) Испания: проблемы консолидированной демократии в сравнительно-историческом контексте. *Сравнительная политика*. Т. 9, № 1. С. 124–135. [Http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-124-135](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-124-135).

Хенкин С.М. (2020) Партийно-политическая система Испании: время испытаний. *Полития*, № 2. С. 182–191.

Хенкин С.М. (2019) Феномен леворадикального политического лидера: Пабло Иглесиас в Испании. *АПЕ*, № 2. С. 100–120. DOI: [10.31249/ape/2019.02.05](https://doi.org/10.31249/ape/2019.02.05).

Яковлев П.П. (2020) Испания в «красной зоне». Политическая перезагрузка в условиях пандемии. *Свободная мысль*, № 4 (1682). С. 89–104.

Alonso Zaldivar, C. y Castells, M. (1992) *España, fin de siglo*. Madrid, Alianza Editorial, S.A., 421 p. (in Spanish).

Arroyo Menéndez M. (2020) Las causas del apoyo electoral a VOX en España. *Política y Sociedad*. Vol. 57, No 3, pp. 693–717. DOI: <https://doi.org/10.5209/poso.69206>. (in Spanish).

Francés García F.J. y Santacreu Fernández O.A. (2014) Crisis política y juventud en España: el declive del bipartidismo electoral. *SOCIETÁMUTAMENTOPOLITICA*, Vol. 5, No 10. DOI: [10.13128/SMP-15408](https://doi.org/10.13128/SMP-15408). (in Spanish).

Gallego Castañera, C. (1988) *Los partidos políticos en el ordenamiento constitucional español (Constitución de 1978)*. Madrid, Universidad Complutense – Facultad de Derecho, 200 p. (in Spanish).

Garzón A. (2014) La Tercera República: Construyamos ya la sociedad de future que necesita España. Barcelona, Ediciones Península, 232 p. (in Spanish).

Gil-Torres, A. (2018) Bipartidismo y pluridemocracia en España: la construcción del contexto sociopolítico español según el CIS (2011–2016). Servicio de Publicaciones de la Universidad Rey Juan Carlos, Collections, Vol. 8, Num. 1.

Paniagua Fuentes J. (2016) *El socialismo: De la socialdemocracia al PSOE y viceversa*. Madrid, Ediciones Cátedra, 376 p. (in Spanish).

Rascón Ortega J.L. (2006) *Ésta es la Constitución de todos*. España, Ediciones del Laberinto. 141 p. (in Spanish).

Sánchez Muñoz, O. (2017) El fin (momentáneo) del bipartidismo en España: análisis de los resultados electorales de 2015 y 2016. *Revista Española de Derecho Constitucional*, No 109, pp. 237–260.

Tamames R. (2015) *Podemos? Un viaje de nada hacia el poder*. Madrid, Kailas, 212 p. (in Spanish).

Trends in the Evolution of the Party System in Spain in the Post-Franco Period

A.A. Orlov *

Candidate of Science (History), Honorary diplomat,

Envoy Extraordinary and Plenipotentiary

MGIMO Institute of International Studies. 76 Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454.

**E-mail: al.or-2012@yandex.ru*

Abstract. Spain in the post-Franco period developed bipolar party system, which was defined by the political and ideological competition of two most dominant factions: conservatives and social-democrats. The rest of the parties for the time were no more than allies and supporters of the primary ones. However, eventually new alliances were able to capitalize on the crisis of the old parties and shake the dominance of the established political system. Major factors of the change were the difficult economical circumstances created by the global financial crisis of 2007–2008. Unsatisfied with the solutions proposed by the two major parties, the public turned to the ones with new ideas. The next step of development turned out to be a multiparty model with wider involvement of new alternative actors, which seems to be a long-term trend. The author points out high complexity of the formation of monoparty cabinets of ministers in the future, the creation of government coalitions becomes inevitable. The conclusion is drawn that due to the absence of a coalition culture, the development of which was not in demand before, as well as the noticeable polarization of political forces and the growth of mutual hostility at the level of leaders and party elites, the solution of this task in modern Spanish realities threatens to turn into an endless political marathon and is fraught with a significant increase in political instability in the coming years.

Keywords: Spain, transit, PSOE, People's Party, UCD, Unidas Podemos, parliamentary elections, coalition culture, nationalists, bipolar party model, polarization of political forces, Europe, Germany.

DOI: 10.31857/S0201708322020097

REFERENCES

- Alonso Zaldivar, C. y Castells, M. (1992) *España, fin de siglo*. Madrid, Alianza Editorial, S.A., 421 p. (in Spanish).
- Anikeeva N.E. (2019) Ocherki politicheskoy istorii Ispanii (1982–2018) [Essays on the political history of Spain (1982–2018)]. MGIMO-Universitet, Moscow, Russia. (in Russian).
- Arroyo Menéndez M. (2020) Las causas del apoyo electoral a VOX en España. *Política y Sociedad*. Vol. 57, No 3, pp. 693–717. DOI: <https://doi.org/10.5209/poso.69206>. (in Spanish).
- Astakhov E.M., Rostov N.A. (2020) Istoki y perspektivy levogo dvizheniya v Ispaniyi. [Origins and Prospects of the Left-Wing Movement in Spain]. *Sovremennaya Evropa*, No 1, pp. 113–122. DOI: 10.15211/soveurope12020113122 (in Russian).
- Francés García F.J. y Santacreu Fernández O.A. (2014) Crisis política y juventud en España: el declive del bipartidismo electoral. *SOCIETÁMUTAMENTOPOLITICA*, Vol. 5, No 10. DOI: 10.13128/SMP-15408. (in Spanish).
- Gallego Castañera, C. (1988) *Los partidos políticos en el ordenamiento constitucional español (Constitución de 1978)*. Madrid, Universidad Complutense – Facultad de Derecho, 200 p. (in Spanish).
- Garzón A. (2014) La Tercera República: Construyamos ya la sociedad de future que necesita España. Barcelona, Ediciones Península, 232 p. (in Spanish).
- Gil-Torres, A. (2018) Bipartidismo y pluridemocracia en España: la construcción del contexto sociopolítico español según el CIS (2011–2016). Servicio de Publicaciones de la Universidad Rey Juan Carlos, Collections, Vol. 8, Num. 1.
- Gromyko A.I.A. (2021) Sub'ektnost Evrosoyusa – meshdu atlantizmom y evrotsentrizmom. [Subjectivity of the European Union – between Atlanticism and Eurocentrism]. *Sovremennaya Evropa*, No 4, pp. 10–25. DOI: 10.15211/soveurope420211025 (in Russian).
- Evropa meshdu trej okeanov* (pod. red. A.I.A.Gromiko y V.P.Fedorova) (2019) [Europe between three oceans]. IE RAN: Nestor-Istoriya, Moscow, Russia. 608 p. (in Russian).
- Khenkin S.M. (2019) Fenomen levoradikalnogo politicheskogo lidera: Pablo Iglesias v Ispanii. [Radical left political leader: Pablo Iglesias in Spain]. *APE*, No 2, pp. 100–120. DOI: 10.31249/ape/2019.02.05 (in Russian).
- Khenkin S.M. (2018) Ispaniya: problemi konsolidirovannoy demokratii v sravnitelno-istoricheskom kontekste [Spain: Problems of Consolidated Democracy in a Comparative Historical Context]. *Sravnitel'naya politika*, V. 9, No 1, pp. 124–135. [Http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-124-135](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-124-135). (in Russian).
- Khenkin S.M. (2020) Partiyno-politicheskaya sistema Ispanii: vremia ispitanii [Spain's party-political system: testing time]. *Politiya*, No 2, pp. 182–191. (in Russian).
- Kurakina-Damir A. (2020) Ispaniya: izbiratelnyy protses v usloviyay fragmentatsii parlamenta [Spain: electoral process in the context of a fragmented parliament]. *Latinskaya Amerika*, No 4, pp. 32–45. DOI: 10.31857/S0044748X0008705-04. (in Russian).
- Orlov A.A. (2021) Ispanskiy politicheskii pasians v period pandemii. [Spanish political solitaire during the pandemic]. *Obozrevatel-Observers*, No 3, pp. 63–73. DOI: 10.48137/2074-2975_2021_3_63 (in Russian).
- Orlov A.A. (2017) Krizis v sotspartii Ispanii – otrazhenie degradatsii evropeiskoy sotsialdemokratii [The crisis in the socialist party of Spain is a reflection of the degradation of European social democracy]. *Obozrevatel-Observers*, No 1 (324), pp. 66–80. (in Russian).

Orlov A.A. (2020) *Natsionalizm v istorii Kataloniyi: proshloye y nastoyashee*. [Nationalism in the history of Catalonia: past and present]. Izd. MGIMO-Universitet, Moscow, Russia. 550 p. (in Russian).

Orlov A.A., Orlova E.V. (2018) *Pravo y politika: aktual'niye tendentsii politicheskoy bor'by v zarubeshnij gosudarstvay*. [Law and Politics: current trends in political struggle in foreign states]. IMI MGIMO MID Rossii, Moscow, Russia. 234 p. (in Russian).

Paniagua Fuentes J. (2016) *El socialismo: De la socialdemocracia al PSOE y viceversa*. Madrid, Ediciones Cátedra, 376 p. (in Spanish).

Rascón Ortega J.L. (2006) *Ésta es la Constitución de todos*. España, Ediciones del Laberinto. 141 p. (in Spanish).

Sánchez Muñoz, O. (2017) El fin (momentáneo) del bipartidismo en España: análisis de los resultados electorales de 2015 y 2016. *Revista Española de Derecho Constitucional*, No 109, pp. 237–260.

Sovremennaya Ispaniya (1983) [Modern Spain]. Politizdat, Moscow, Russia. 383 p. (in Russian).

Tamames R. (2015) *Podemos? Un viaje de nada hacia el poder*. Madrid, Kailas, 212 p. (in Spanish).

Vernikov V.L. (2019a) *Parlamentskiye vybory v Ispaniyi: sotsialisty vernulis vo vlast, y teper – nadolgo*. [Parliamentary elections in Spain: socialists returned to power, and now for a long time]. *Nauchno-analiticheskiiy vestnik Instituta Evropy RAN*, No 3, pp. 34–41. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran320193641>. (in Russian).

Vernikov V.L. (2019b) *Pedro Sanchez v borbe za vlast. Politicheskiiy portret lidera ispan-skij sotsialistov* [Pedro Sanchez in the Struggle for Power: Political Portrait of the Leader of the Spanish Socialists]. *Sovremennaya Evropa*, No 6, pp. 95–104. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope6201995104>. (in Russian).

Vernikov V.L. (2021). *Politicheskiiy performans Pablo Iglesiasa* [Political performance by Pablo Iglesias]. *Analiticheskiiye zapiski Instituta Evropy RAN*, No 12 (242). DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics122021>. (in Russian).

Yakovlev P.P. (2020). *Ispaniya v “krasnoy zone”*. *Politicheskaya perezagruzka v usloviyay pandemii* [Spain in the “Red Zone”. Political reboot in the face of the pandemic]. *Svobodnaya mysl*, No 4, pp. 89–104. (in Russian).

УДК 322

ЛЕГИТИМАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОТЕСТАНТОВ

© 2022 ЕГОРОВ Сергей Юрьевич*

*Центр стратегических исследований,
АНО «Национальный институт управления».
109652, Россия, Москва, улица Поречная, д. 15, пом. 118.*

**E-mail: sergeyuegorov@gmail.com*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8512-400X>

Поступила в редакцию 02.12.2021

После доработки 19.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о языковых средствах легитимации предпринимательской деятельности в современных протестантских дискуссиях в англоязычном мире и России. Рост предпринимательской активности в Европе и мире совпал со временем возникновения протестантских идей, которые способствовали развитию этого вида деятельности. При этом в современных протестантских сообществах к предпринимательству и предпринимателям сохраняется весьма неоднозначное отношение, связанное с проблематикой обладания богатством, личного смирения, социальной справедливости, трудовой этики и посвященности служению. Автор поднимает вопросы о том, как подобная ситуация осмысливается самими протестантами, существует ли связанная с ней общая экономическая и политическая проблематика дискуссий современных русскоязычных и англоязычных протестантских мыслителей и какие ключевые понятия вызывают интерес у протестантов применительно к предпринимательской деятельности. Для исследования языковых и риторических средств, используемых для ее легитимации в рамках статьи применен подход Кембриджской школы истории понятий, предполагающий фокусировку внимания на значимых публикациях конкретных исторических акторов, которые через создание и распространение своих текстов совершали языковые жесты и действия в политическом пространстве. Изучены публикации участников Лозаннского движения и материалы представителей евангельского движения. Проанализированы основные сходства и

различия средств легитимации предпринимательства в русском и английском языковых контекстах и показано, как богословские понятия посредством экономической идиомы попадают в политический дискурс.

Ключевые слова: политическая философия, политическое богословие, история понятий, протестантизм, всеобщее священство, Кембриджская школа, трансфер языков.

DOI: 10.31857/S0201708322020103

Со времени публикации «Протестантской этики и духа капитализма» Макса Вебера [Вебер, 2016] в массовом сознании довольно прочно закрепилась ассоциативная связь между протестантизмом и предпринимательской деятельностью. Подобные идеи существовали и в прежние годы, однако благодаря популярности указанной работы они получили широкое внимание в мировом масштабе, причем далеко не только в научных кругах [Забаяев, 2008: 62]. Несмотря на то что многие из протестантов являются предпринимателями, отношение к этому занятию не всегда носило исключительно позитивный характер. Более того, на протяжении пяти веков со времени развития Мартином Лютером доктрины всеобщего священства, приравнявшей к духовному сословию всех верующих, а значит и представителей всех профессий [Скиннер, 2018: 21], протестантское сообщество вновь и вновь возвращалось к вопросу о легитимации предпринимательства. Каким образом обстоят дела в этой сфере в настоящее время? Какие языковые и риторические средства применяются в протестантских дискуссиях для оправдания подобного специфического труда? Какие социальные и политические последствия это имеет? Представляется важным рассмотреть эти вопросы в контексте современных дискуссий представителей англоязычных и русскоязычных протестантских сообществ.

Современный этап дискуссий о предпринимательстве в протестантских сообществах ознаменован возникновением Лозаннского движения и принятием Лозаннского соглашения (1974)¹, Манильского манифеста (1989)² и Посвящения из Кейптауна (2010)³. Движение было инициировано евангельскими служителями и общественно-политическими деятелями – Джоном Стоттом и Билли Грэмом, которые смогли охватить влиянием своих идей протестантские сообщества во всех регионах мира, в том числе в России. Привлечение протестантов из большинства государств мира позволило обеспечить распространение общей повестки дискуссий в различных языковых контекстах. Вопросы новых церковных форм, обновленного понимания миссии Церкви [Moltman, 1977], уточненного взгляда на участие в социаль-

¹ The Lausanne Covenant. *Lausanne Movement*. URL:

<https://www.lausanne.org/content/covenant/lausanne-covenant> (дата обращения: 30.11.2021)

² The Manila Manifesto. *Lausanne Movement*. URL:

<https://www.lausanne.org/content/manifesto/the-manila-manifesto> (дата обращения: 30.11.2021)

³ The Cape Town Commitment. *Lausanne Movement*. URL:

<https://www.lausanne.org/content/ctc/ctcommitment> (дата обращения: 30.11.2021)

ных и политических инициативах обострили множество других вопросов, среди которых заметную позицию занимает проблематика отношения к предпринимательству. Получившийся диапазон вариантов, как отмечают Л. Дале [Dahle, Dahle, 2014], Дж.Г. Мелтон [Melton, 2005], С.Х. Юн [Youn, 2018] и другие исследователи, включает версии от восприятия предпринимателей в качестве источника финансирования церковных проектов до представления их работы как полноценного служения Богу наравне с другими формами активности священнослужителей [Горбачев, 2012].

К началу XXI в. первоначальные акторы Лозаннского движения уступили свои позиции более молодому поколению служителей, представители которого придали новое развитие их идеям. В контексте обозначенной проблематики в числе новых акторов наибольшее внимание привлекают двое – Матс Тунехаг и Михаил Дубровский, работы которых в значительной степени затрагивают экономические и политические аспекты христианского служения. Матс Тунехаг является одним из руководителей тематической сети «Бизнес как миссия» в рамках Лозаннского движения, а также осуществляет публичную деятельность в англоязычных светских и религиозных сообществах¹. Активность Михаила Дубровского охватывает различные направления – от руководства отделом богословия в крупнейшем русскоязычном протестантском союзе до участия в роли модератора в программе развития моногородов Московской школы управления Сколково². Выбор этих акторов в качестве основных обусловлен как их позициями, позволяющими оказывать значимое влияние через публикации, так и выраженностью соответствующих идей в текстах. В рамках настоящего исследования наибольший интерес представляют языковые средства легитимации предпринимательской деятельности [Атнашев, Велижев, 2018].

Легитимация предпринимательства в англоязычных протестантских дискуссиях

Вопрос об обладании богатством является одним из ключевых для протестантских дискуссий о предпринимательской деятельности со времени их начала и вплоть до настоящего времени. Несмотря на то что нищенствующие монашеские ордена не имеют широкого распространения в протестантских движениях, романтизация бедности – достаточно привлекательная идея для многих протестантов. Противоположную позицию занимают последователи «богословия процветания», возводящие финансовое преуспевание в один из основных индикаторов праведно-

¹ Mats Tunehag. *LinkedIn*. URL: <https://www.linkedin.com/in/mats-tunehag-2805aa9/> (дата обращения: 30.11.2021)

² В «Сколково» представлен проект развития Верхней Салды по планам, написанным еще Демидовым. *URA.RU*. 18 июля 2017. URL: <https://ura.news/news/1052297463> (дата обращения: 30.11.2021)

сти [Morris, 2016]. Матс Тунехаг, действующий в консервативном контексте¹, в статье о создании богатств начинает свои рассуждения словами о том, что это является одновременно и божественным даром, и божественным повелением, причем, как для отдельных людей, так и вообще для всего народа Божьего [Tunehag, 2011]. В отличие от представителей обозначенных позиций, он фокусируется не на вопросе о материальных жертвах верующего, а на ответственности за общее дело и нацию (nation). Это переносит внимание с обсуждения периодичности и размеров пожертвований в церковную казну на проблематику участия верующих в создании общего блага (common good).

Личное смирение предпринимателей не остается вне внимания шведского протестантского деятеля, несмотря на приоритетность коллективных действий. В своей программной статье, обозначающей смысловые и деятельностные рамки сети «Бизнес как миссия», Тунехаг указывает на то, что христиане часто увлекаются распределением богатств, оставляя вне внимания вопросы их создания. При этом, однако, если нет богатств – нечего и распределять [Tunehag, 2013: 15]. В данном контексте смирение предпринимателей может проявляться в подчинении повелению Бога создавать богатства, причем не ради них самих или удовлетворения личных амбиций, а для обеспечения общего блага. Развивая мысль Мартина Лютера о том, что все верующие способны и обязаны отвечать за духовное благополучие единоверцев [Скиннер, 2018: 21–22], Тунехаг увязывает соответствующие духовные аспекты с экономическими и политическими. Для него преобразование общества через бизнес, достижение социальной и политической справедливости являются не альтернативами духовной жизни, а проявлениями духовности и смирения. В подтверждение этого Тунехаг приводит библейские примеры пророческих действий, демонстрирующие исполнение повелений Бога через обеспечение финансового благополучия для Его народа [Tunehag, 2011]².

В своем стремлении легитимировать протестантское предпринимательство Матс Тунехаг обращается не только к евангельским верующим, но и к глобальному бизнес-сообществу. Если для первых наиболее предпочтительными являются специфические идиомы и риторические приемы из языков внутреннего церковного дискурса, то для внешних читателей в текстах появляются все более популярные термины вроде «социальной справедливости» и «корпоративной ответственности». Подобный ход, во-первых, выводит тексты в более широкое дискуссионное пространство, во-вторых, предоставляет большой диапазон возможных действий, в-

¹ Лозаннское Движение, в рамках которого действует Тунехаг, с момента возникновения и вплоть до настоящего времени в значительной степени ориентировано на выражение консервативных протестантских идей.

² В качестве примера Тунехаг приводит слова Господа, обращенные к тем, кто был переселен из Иерусалима в результате Вавилонского пленения. Несмотря на сложные обстоятельства, Бог повелел людям строить дома, разбивать сады и всячески заботиться о благоденствии города (Иер. 29: 4–7). В последующих главах Книги пророка Иеремии уделено много внимания богатствам и их созданию, что отмечает Тунехаг.

третьих, позволяет присвоить светскую терминологию и сопроводить ее конфессиональными ассоциативными рядами. Указанные словосочетания были введены в современные протестантские дискуссии еще до публикации документов сети «Бизнес как миссия». В подготовленном Джоном Стоттом тексте Лозаннского соглашения социальной ответственности посвящен целиком один из пятнадцати разделов, а в остальных присутствуют прямые и косвенные отсылки. Тунехаг фактически развивает те идеи, которые были заложены его предшественниками, акцентируя внимание на их экономических аспектах и сопутствующей политической проблематике, актуальной для современных светских и протестантских предпринимателей.

В контексте обозначенных взглядов шведского мыслителя протестантская трудовая этика приобретает специфические черты. Труд предпринимателей – служение Богу только в тех случаях, когда он приводит к позитивным социальным преобразованиям. Это исключает не только криминальные формы заработка вроде работорговли, но и в принципе любую деятельность, ориентированную преимущественно на получение прибыли. Сама же прибыль становится не показателем успешности служения, а одним из условий признания того или иного бизнеса в качестве соответствующего критериям священнодействия [Tunehag, 2013: 16]. Кроме того, перед предпринимателями встает вопрос об их вовлеченности в общественно-политическую деятельность как в одну из сфер миссионерской работы. Матс Тунехаг указывает, что существовавшая прежде модель представительства, в которой предприниматели передавали свои миссионерские функции другим людям, к настоящему времени устарела и требует замены на их непосредственное личное участие. Это вовлечение может происходить как в тех местах, где живут сами предприниматели, так и в беднейших регионах мира, в которых создание бизнеса должно способствовать установлению верховенства закона и социальной справедливости [Tunehag, 2011].

Особый статус борьбы за соблюдение прав человека отмечен еще в Лозаннском соглашении, где в разделе «13. Свобода и гонения» важность соблюдения свободы мысли и совести, а также других прав и свобод обосновывается одновременно и волей Бога, и нормами Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Тунехаг, говоря о воле Бога относительно служения предпринимателей, указывает, что развитие боговдохновенной нации (God-inspired nation) должно быть одним из значимых результатов их деятельности. Первой из характеристик такой нации он называет создание общества верховенства закона (a rule of law society) во всех регионах, где трудятся христиане-предприниматели. Подобное целеполагание предполагает пересмотр роли богатства и его применения. Из инструмента благотворительности богатство становится средством для исполнения поручения Бога, которое в отношении предпринимателей предполагает достижение ими позитивных социальных и политических преобразований. Эти изменения должны достигаться ими путем целенаправленных усилий как через создание положительных примеров ведения экономической деятельности, так и в результате непосредственной борьбы с самыми разными проявлениями несправедливости [Tunehag, 2011].

Предпринимательство и его легитимация в дискуссиях русскоязычных протестантов

Со слов о «неисследимом богатстве Христовом» начинаются рассуждения Михаила Дубровского о смысле труда в его статье 2017 г., которая суммирует русскоязычные дискуссии о всеобщем священстве. Автор указывает, что для реализации «священства всех верующих» необходимо стремиться исполнять сразу два поручения Бога – «Поручение Адама» и «Поручение Христа». Первое из них, обозначаемое также термином «культурный наказ», предполагает заботу обо всем сотворенном мире – видимом и невидимом. Второе, более известное как «Великое Поручение», сфокусировано на миссионерских задачах (благовестии) [Дубровский, 2017b: 21–23]. «Поручение Адама» включает не только возделывание земли, но и владычество над ней. Подобная идея была отражена в тезисах Третьего Евангельского собора 2012 г.¹, вышедших под редакцией М. Дубровского, и получила более четкое выражение в его авторской публикации, приуроченной к 500-летию юбилею Реформации. В конечной формулировке указано, что данная Богом власть актуализируется через труд. Такая власть не является самоцелью, поскольку она ориентирована на служение ближним, одним из последствий которого становится рост благосостояния [Дубровский, 2017a: 46].

Прибыль и накопление богатств понимаются М. Дубровским в качестве естественного результата труда, в то время как целью профессиональной деятельности является достижение общего блага. Предприниматель должен в первую очередь служить ближнему, что требует обретения им достаточного уровня смирения. В связи с тем, что власть актуализируется посредством трудовой деятельности, она также должна восприниматься в качестве служения и заботы о ближних и обо всем, что Бог сотворил [Дубровский, 2017b: 31–33]. Подобная идея подкрепляется пониманием Церкви в качестве народа Божьего, а Божьего владычества – в контексте богословия Царства Божьего. Основанием для подобной контекстуализации становится расширенное прочтение доктрины всеобщего священства, предполагающее одновременно и принадлежность каждого христианина к числу священников, и возможность осуществления священнодействия во всех сферах жизни, а не только в сугубо религиозных. Для христианина, в том числе предпринимателя, проявлением смирения в такой ситуации является не отказ от бремени труда в пользу церковных обрядов, но переосмысление труда, его достойное осуществление и обеспечение общего блага [Дубровский, 2017a: 41].

В тезисах Третьего Евангельского собора отмечается, что царство – конкретная форма государственного устройства, используемая в библейских текстах исключительно по причине широкой распространенности и понятности людям древних времен. Это позволяет использовать термин «Царство» в современных дискуссиях

¹ Евангельские соборы проводились в 2010-е гг. Российским объединенным союзом христиан веры евангельской (пятидесятников) – Ред.

об общем благе для обозначения «Πολιτεία» (государственного устройства), но все не означает приверженности монархическому строю. Более того, вопрос о том, в какой из форм государства лучше могут быть реализованы каноны праведности и социальная справедливость, в тезисах Собора был прямо обозначен в качестве проблемного. С учетом этого упомянутое богословие Царства Божьего М. Дубровского предстает не апологетикой монархии, а размышлением о тех необходимых условиях, в которых доктрина всеобщего священства может быть воплощена в жизнь в полном объеме и которые могут стать результатом подобного воплощения. Предпринимательству в этих рассуждениях уделено особое внимание, потому как предприниматели способны определять условия труда для себя и для наемных работников. Иными словами, это означает повышенную ответственность предпринимателей в реализации доктрины всеобщего священства [Дубровский, 2017а: 49].

Осуществление власти через труд нацелено на «преображение пустыни» в «прекрасный сад», прообразом которого является Эдем. В трактовке Михаила Дубровского это означает ответственность за позитивное преобразование всех сфер жизни в соответствии с «Замыслом Бога» [Дубровский, 2017b: 34–35]. Достижение подобной цели требует развития специфической трудовой этики, о которой российский протестантский служитель вспоминает в связи с самой известной публикацией М. Вебера. Речь при этом идет не о реставрации той протестантской этики, которая была сформирована под влиянием Реформации, но утратила связь с религиозной традицией [Забаев, 2010: 103–104], а о ее новом понимании в контексте восстановления первоначального Замысла. В числе тезисов, описывающих основные положения обновленного богословия труда, Дубровский указывает, что труд не является наказанием за грех, поскольку заповедь «трудиться» была дана до грехопадения. Восполнение нужд – важный результат труда, но далеко не единственный, так как труд является выражением богоподобия, честью быть соратником Бога. Труд предпринимателей может считаться священнодействием постольку, поскольку они могут обладать пророческим видением, способностями к кооперации и профессиональным мастерством [Дубровский, 2017а: 43–45].

В русскоязычных дискуссиях о доктрине всеобщего священства пересмотру подверглась не только протестантская трудовая этика, но и представления об устройстве Церкви. М. Дубровский указывает, что термин «ἐκκλησία», переводимый на русский язык чаще всего как «церковь», в Библии применяется также для обозначения народа Божьего. Подобное употребление было использовано для того, чтобы подчеркнуть элитарный статус народа Божьего за счет специфики звучания слова, прежде означавшего высший орган государственной власти в греческих полисах. Элитарность принадлежности к «ἐκκλησία» в новом протестантском прочтении предполагает наличие у ее носителей стремления служить другим, улучшать жизнь ближних, а также заботиться об окружающем мире. При этом подобные усилия должны осуществляться не только в сугубо религиозных формах, но и посредством профессионального труда в разных сферах – от земледелия до политики [Дубровский, 2013: 22–23]. Во многом этот вывод перекликается с идеей о христианском долге, отраженной в Лозаннском соглашении. Она предполагает, что и бла-

говестие, и участие в общественно-политической жизни в равной степени являются обязанностями христиан.

Сравнение англоязычных и русскоязычных протестантских дискуссий о предпринимательстве

Дискуссии о предпринимательстве в англоязычных и русскоязычных протестантских сообществах обладают множеством сходных и различных черт. В первую очередь это касается исторического контекста подобных обсуждений – многовекового опыта публичной коммуникации в одном случае и вновь зарождающейся культуры интеллектуального общения, в другом [Атнашев, Велижев, 2015]. Доктрина всеобщего священства была актуализирована в дискуссиях указанных сообществ в разное время – в последней четверти XX в. в глобальном масштабе и лишь к концу первого десятилетия XXI в. в русскоязычном протестантизме. В обоих случаях проблематика предпринимательства занимает достаточно важное место. Это же относится к вопросу об обладании богатством, который представители обеих групп обозначили в качестве важного результата предпринимательского служения. Богатство не является целью труда христианина, однако его создание необходимо в контексте исполнения «Поручений Бога». Представители руководства Лозаннского движения выделяют «Культурный мандат» (Creation Mandate), «Наибольшую заповедь» (Great Commandment) и «Великое поручение» (Great Commission). Их русскоязычные единоверцы – «Поручение Адама» и «Великое поручение». В обоих случаях накопленное богатство должно служить обеспечению общего блага.

Вопросы об обладании богатством и об отношении к нему имеют тесную связь с проблематикой личного смирения и форм, в которых оно может проявляться. В контексте идей М. Тунехага предприниматели должны обладать таким смирением, которое, с одной стороны, будет позволять им понимать себя соработниками Бога и, следовательно, владеть своими богатствами лишь частично. С другой стороны, смирение должно стимулировать их целенаправленные усилия для создания праведного богатства, которое будет приносить общее благо. С учетом трех Поручений, обеспечение общего блага предполагает заботу о природе и о ближних, вне зависимости от их религиозной принадлежности, а также исполнение миссионерских задач. У М. Дубровского представления о смирении описаны в целом схожим образом, даже несмотря на расхождения в классификации Поручений. Отличия заключены в фокусировке внимания на оправдании труда и обосновании необходимости заниматься им не в качестве вынужденной меры, а на правах полноценного служения Богу наравне с традиционными религиозными активностями церковных общин, что обусловлено контекстом развития российского протестантизма.

Активная позиция и участие в общественно-политических процессах напрямую или посредством экономической деятельности обозначены в качестве важных черт предпринимателя и Тунехагом, и Дубровским. Тунехаг, развивая идеи Лозаннского соглашения, фокусирует свое внимание на вопросах социальной справедливости и корпоративной ответственности в связи с формированием христианского взгляда

на развитие бизнеса. Его размышления основаны и на осмыслении богословских доктрин, и на значительном личном опыте создания и управления коммерческими организациями в разных государствах, преимущественно в так называемом третьем мире. Для него решение политических задач является одновременно и условием, и следствием потребностей бизнеса как миссии в создании благоприятных условий для предпринимательства. Дубровский к своим суждениям по данным проблемам приходит через богословие Царства, ставящего вопрос о наилучшем государственном устройстве, способном обеспечить и социальную справедливость, и возможности для праведной жизни. Предпринимательство для Дубровского в этой связи важно и как самостоятельный вид деятельности, предполагающий наличие определенного политического влияния, и в качестве базового подхода к любому виду профессионального труда.

Одним из наиболее значимых пунктов легитимации предпринимательской деятельности является осмысление «протестантской трудовой этики». Использование этого словосочетания позволяет сделать размышления привлекательными и для светской, и для церковной публики. Тунехаг и Дубровский обращаются к этому идиоматическому выражению, чтобы закрепить за ним собственные смыслы, а также для указания на важность обеспечения свободы предпринимательства. Для Тунехага приемлемой является только та версия этики, которая стимулирует предпринимателей осуществлять позитивные социальные преобразования как в подчиненных им организациях, так и в тех государствах, на территории которых они реализовывают собственную деятельность. И общественно-политическое участие, и миссионерская деятельность предпринимателей могут и должны осуществляться ими самостоятельно, в силу ухода от довлевшей прежде модели представительства и тотального делегирования. Для Дубровского трудовая этика предстает в роли упрощенной версии доктрины всеобщего священства, требующей переосмысления в соответствии с Замыслом Бога. С этой точки зрения, полноценный труд должен соответствовать критериям священнодействия и актуализировать власть, данную людям Богом для преобразования мира во всех его проявлениях.

Посвященность служению Богу и в англоязычных, и в русскоязычных дискуссиях осмысляется в контексте коллективных усилий по преобразованию мира. Несмотря на языковые различия, связующую роль приобретает словосочетание «народ Божий», английскими аналогами которого являются «the nation of God» и «God-inspired nation». Тунехаг использует многообразие значений слова «nation», звучащего и как указание на сообщество верующих христиан, что отсылает к церковной традиции восприятия «Божьего народа», и как более политический термин «нация», обеспечивающий смысловую связь с многочисленными актами международного права. Кроме того, он употребляет идиоматическое выражение «общество верховенства закона», связующее его тезисы и с принципами законности, и с идеями установления Закона Божьего. Дубровский приходит к политическому прочтению народа Божьего через размышление над греческим термином «ἐκκλησία», обладающим явными политическими отсылками. Многозначность понятия, включающего одновременно народ и церковь, позволяет показать возможность сочетания и миссионерских, и политических задач в общих формах.

Для обоих акторов важным является проявление посвященности служению посредством активного участия предпринимателей во всех доступных общественно-политических процессах.

* * *

В современных протестантских дискуссиях легитимация предпринимательства является одной из значимых проблемных тем и в англоязычном мире, и в России. Несмотря на значительные различия в историческом и культурном контексте, в протестантских сообществах предприниматели сталкиваются со схожими трудностями – их воспринимают преимущественно в качестве источника финансирования церковных проектов, а их труд не признается полноценным служением. Усилия протестантских мыслителей и общественно-политических деятелей в рамках профильных дискуссий направлены на преодоление этих и других преград развитию предпринимательства. Стоит отметить, что в целом представители упомянутых протестантских сообществ применяют весьма схожие языковые и риторические средства. Указанные обсуждения от сугубо богословской проблематики довольно быстро переходят к осмыслению общественно-политического устройства, в рамках которого труд предпринимателей, во-первых, может эффективно осуществляться, а во-вторых, будет позитивно влиять на социальные преобразования, тем самым осуществляя служение Богу. В связи с этим понятия из экономики и политики активно привлекаются для обсуждения богословских вопросов, а затем переносятся в политическое поле с учетом инноваций и дополнительных смысловых звучаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атнашев Т.М., Велижев М.Б. (2015) Кембриджская школа. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков. *Новое литературное обозрение*. № 4 (134). С. 21–44.

Атнашев Т.М., Велижев М.Б. (2018) История политических языков в России. К методологии исследовательской программы. *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Том 2. № 3. С. 107–137.

Вебер М. (2016) *Избранное. Протестантская этика и дух капитализма*. Центр гуманитарных инициатив, С.-Петербург. 656 с.

Горбачев А.Л. (2012) Диагноз протестантской трудовой этике. *Протестант.РФ*. URL: <https://www.protestant.ru/read/article/102429> (дата обращения: 30.11.2021)

Дубровский М.В. (2013) Всеобщее Священство как вызов и необходимость. *Философско-религиозные тетради. Тетрадь № 7. Результаты богословского осмысления темы Всеобщего Священства*. МРО ЕХБ «На Руси», Москва. С. 5–24.

Дубровский М.В. (2017а) Всеобщее Священство: христианская миссия и жизнь веры в постсекулярном мире. *Философско-религиозные тетради. Тетрадь № 17. Возвращение труда: богословские и философские вызовы теологии труда. Тезисы, посвященные 500-летию Реформации*. ФПХКНиО, Москва. С. 38–53.

Дубровский М.В. (2017b) Смысл труда. *Философско-религиозные тетради. Тетрадь № 11. Всеобщее Священство. Священная повседневность*. ФПХКНиО, Москва. С. 21–36.

Забаев И.В. (2008) Протестантская этика и дух капитализма: «критики» веберовской гипотезы 30–60-х гг. XX столетия. *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия*. № 1 (21). С. 61–79.

Забаев И.В. (2010) Проблема хозяйственной этики современного пятидесятничества в работах Д. Мартина. *Социологический журнал*. № 3. С. 90–106.

Скиннер К. (2018) *Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации*. Издательский дом «Дело» РАНХиГС, Москва. 568 с.

Dahle, L., Dahle, M.S. (2014) Resourcing the Global Church: A Guide to Key Lausanne Resources 1974–2013. *The Lausanne Movement: A Range of Perspectives*. Oxford: Regnum Books International, pp. 113–130.

Melton, J.G. (2005) *Encyclopedia of Protestantism*. New York: Facts on File. 628 p.

Moltmann, J. (1977) *The Church in the Power of the Spirit: A Contribution to Messianic Ecclesiology*. London: SCM Press. 406 p.

Morris, R. (2016) *The Blessed Life: Unlocking the Rewards of Generous Living*. Bloomington, MN: Bethany House Publishers. 224 p.

Tunehag, M. (2013) Business as Mission: Building a movement that can bring lasting societal transformation. *Lausanne Global Analysis*. Vol. 2(5), pp. 15–17.

Tunehag, M. (2011) Wealth Creation: A Godly Gift & Command. *Official website of Mats Tunehag*. URL: <http://matstunehag.com/wp-content/uploads/2011/04/Wealth-Creation-A-Godly-Gift-Command.pdf> (дата обращения: 30.11.2021)

Youn, C.-H. (2018) Missio Dei Trinitatis and Missio Ecclesiae: A Public Theological Perspective. *International Review of Mission*. Vol. 107(1), pp. 225–239.

Legitimation of Business Activities in the Language of Modern Protestants

S.Yu. Egorov *

Centre for Strategic Research, National Institute of Management.

118, 15, Porechnaya Street, Moscow, Russia, 109652.

***E-mail:** sergeyyuegorov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8512-400X>

Abstract. The paper explores the question of linguistic means of legitimizing business activities in modern Protestant discussions in the English-speaking world and in Russia. The growth of business activities in Europe and the wider world coincided with the emergence of Protestant ideas, which contributed to the development of this activity. At the same time, in modern Protestant communities a very ambiguous attitude towards business and businessmen remains, associated with the problems of possessing wealth, personal humility, social justice, work ethics and dedication to service. The interpretation of this situation by the Protestants them-

selves and the economic and political issues related to it for discussion of modern Russian-speaking and English-speaking Protestant thinkers are studied. The author uses the approach of the Cambridge School of the History of Concepts, which implies focusing attention on significant publications of specific historical actors who, through the creation and dissemination of their texts, performed linguistic gestures and actions in the political space. The publications of the actors of the Lausanne Movement are studied as English-language sources, materials of the representatives of the so-called Evangelical Movement as Russian-language sources. The author shows the main similarities and differences between the legitimation of business in two separate linguistic contexts and demonstrates how the theological concepts through economic idioms fall into the political discourse.

Keywords: political philosophy, political theology, history of concepts, Protestantism, Universal Priesthood, Cambridge school, language transfer.

DOI: 10.31857/S0201708322020103

REFERENCES

Atnashev T.M., Velizhev M.B. (2015) Kembridzhskaya shkola. "Context is king": Dzhon Pokok – istorik politicheskikh yazykov [Cambridge School. Context is king: John Pocock – Historian of Political Languages]. *Novoye literaturnoye obozreniye*. Vol 4(134), pp. 21–44. (In Russian).

Atnashev T.M., Velizhev M.B. (2018) Istoriya politicheskikh yazykov v Rossii. K metodologii issledovatel'skoy programmy [History of political languages in Russia. Towards a research programme methodology]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. Vol. 2(3), pp. 107–137. (In Russian).

Dahle L., Dahle M.S. (2014) Resourcing the Global Church: A Guide to Key Lausanne Resources 1974–2013. *The Lausanne Movement: A Range of Perspectives*. Oxford: Regnum Books International, pp. 113–130.

Dubrovskiy M.V. (2013) Vseobshcheye Svyashchenstvo kak vyzov i neobkhodimost [The Universal Priesthood as a Challenge and a Necessity]. *Filosofsko-religioznyye tetradi. Tetrad' No 7. Rezul'taty bogoslovskogo osmysleniya temy Vseobshchego Svyashchenstva*. MRO EKHB "Na Rusi", Moscow, pp. 5–24. (In Russian).

Dubrovskiy M.V. (2017) Smysl truda [The meaning of labor]. *Filosofsko-religioznyye tetradi. Tetrad' № 11. Vseobshcheye Svyashchenstvo. Svyashchennaya povsednevnost'*. FPKHKNiO, Moscow, pp. 21–36. (In Russian).

Dubrovskiy, M.V. (2017) Vseobshcheye Svyashchenstvo: khristianskaya missiya i zhizn' very v postsekulyarnom mire [The Universal Priesthood: Christian Mission and a Life of Faith in a Post-Secular World]. *Filosofsko-religioznyye tetradi. Tetrad' No 17. Vozvrashcheniye truda: bogoslovskie i filosofskie vyzovy teologii truda. Tezisy, posvyashchennyye 500-letiyu Reformatsii*. FPKHKNiO, Moscow, pp. 38–53. (In Russian).

Gorbachev A.L. (2012) Diagnostika protestantskoy trudovoy etike. *Protestant.RU*. URL: <https://www.protestant.ru/read/article/102429> (accessed: 30.11.2021) (In Russian).

Melton J.G. (2005) *Encyclopedia of Protestantism*. New York: Facts on File. 628 p.

Moltmann J. (1977) *The Church in the Power of the Spirit: A Contribution to Messianic Ecclesiology*. London: SCM Press. 406 p.

Morris R. (2016) *The Blessed Life: Unlocking the Rewards of Generous Living*. Bloomington, MN: Bethany House Publishers. 224 p.

Skinner K. (2018) *Istoki sovremennoy politicheskoy mysli: v 2 t. T. 2: Epokha Reformatsii*. Izdatel'skiy dom «Delo» RANKHiGS, Moscow, 568 p. (In Russian).

Tunehag M. (2013) Business as Mission: Building a movement that can bring lasting societal transformation. *Lausanne Global Analysis*. Vol. 2 (5), pp. 15–17.

Tunehag M. (2011) Wealth Creation: A Godly Gift & Command. *Official website of Mats Tunehag*. URL: <http://matstunehag.com/wp-content/uploads/2011/04/Wealth-Creation-A-Godly-Gift-Command.pdf> (accessed: 30.11.2021)

Veber M. (2016) *Izbrannoye. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Favorites. Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Tsentr gumanitarnykh initsiativ, S.-Petersburg. 656 p. (In Russian).

Youn C.-H. (2018) Missio Dei Trinitatis and Missio Ecclesiae: A Public Theological Perspective. *International Review of Mission*. Vol. 107 (1), pp. 225–239.

Zabayev I.V. (2008) Protestantskaya etika i dukh kapitalizma: «kritiki» veberovskoy gipotezy 30–60-kh gg. XX stoletiya [Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism: Critics of the Weberian Hypothesis of the 1930s – 1960s. XX century]. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogosloviye. Filosofiya*. Vol. 1 (21), pp. 61–79. (In Russian).

Zabayev I.V. (2010) Problema khozyaystvennoy etiki sovremennogo pyatidesyatnichestva v rabotakh D. Martina [The problem of economic ethics of modern Pentecostalism in the works of D. Martin]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. Vol. 3, pp. 90–106. (In Russian).

УДК 32.019.51, 327.8

ПРАКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ГИБРИДНЫМ УГРОЗАМ: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ЕГО ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ

© 2022 **БАЗАРКИНА Дарья Юрьевна***

Доктор политических наук

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

***E-mail:** bazarkina-icspsc@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.10.2021

После доработки 22.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. В результате роста международной напряженности и распространения гибридных угроз национальные и наднациональные структуры все чаще обращают на них внимание. ЕС адаптируется к новой реальности посредством ведения собственных «гибридных операций». Цель статьи – определить методы и инструменты, посредством которых в ЕС реализуется практика противодействия гибридным угрозам: от борьбы с терроризмом до мер вытеснения экономических конкурентов с европейского рынка. Автор приходит к выводам, что как в институтах ЕС, так и в исследовательском сообществе не создано емкое определение операций борьбы с гибридными угрозами. В пресечении терроризма, киберпреступности, распространения ложных медицинских данных ЕС проявляет системный подход, что позволяет оценить уровень и степень конвергенции угроз, а также возможности противодействия им. Вместе с тем попытки использования экономических, законодательных, политических и информационных инструментов для достижения односторонних экономических, политических и военных преимуществ не снижают градус напряженности в отношениях ЕС с Россией, Китаем и рядом других стран.

Ключевые слова: гибридные операции, гибридные кампании, гибридные угрозы, Европейский союз, Комиссия ЕС, Европейский парламент, Европейская внешнеполитическая служба.

DOI: 10.31857/S0201708322020115

На фоне роста международной напряженности и обвинений государственных акторов в создании гибридных угроз для других стран или интеграционных объединений становится актуальным анализ практики борьбы с гибридными угрозами в национальных и наднациональных структурах. Цель статьи – определить методы и инструменты, посредством которых в ЕС реализуется практика противодействия гибридным угрозам, как с позитивными целями (такими, как борьба с киберпреступностью), так и в рамках вытеснения экономических конкурентов (главным образом, России и Китая) с европейских рынков, а политических оппонентов – из инфосферы. Достижение данной цели требует ответа на исследовательские вопросы: 1) Как определяются операции противодействия гибридным угрозам? 2) Как проводятся в ЕС и его государствах-членах операции по борьбе с гибридными угрозами, актуальными для третьих стран, включая Россию (в частности, с действиями террористических организаций, киберпреступностью и т. п.)? 3) Как подход к противодействию гибридным угрозам используется в ЕС для объяснения мер, принимаемых против экономических конкурентов и политических оппонентов (в особенности в контексте торговых войн США и Китая, напряженности в отношениях США и ЕС с Россией)?

Гибридные угрозы, гибридные кампании и операции противодействия гибридным угрозам: проблемы обозначения

Как в теоретических работах, так и в официальных документах ЕС понятия «гибридные операции» и «гибридные кампании» очень тесно связаны с понятием «гибридные угрозы». Зачастую грань между ними весьма размыта. Так, Ф. Хоффман, труды которого легли в основу теории гибридной войны, в работах разных лет дает практически идентичные определения гибридным войнам [Hoffman, 2007: 29] и угрозам [Hoffman, 2010: 444], указывая на сочетание обычных вооружений, нерегулярной тактики, терроризма и преступного поведения на поле боя. Возможно, это стало одной из причин определенного смешения понятий войны и угрозы как в последующих научных публикациях, так и в стратегических документах, в том числе в ЕС. Тем не менее, если Ф. Хоффман делает акцент, прежде всего, на ведении войны (в том числе и нетрадиционными средствами), то в определениях, данных позже специалистами ЕС и НАТО, понятие гибридных угроз постепенно меняется (к примеру, такие угрозы трактуются как широкое использование противником традиционных и нетрадиционных средств для достижения своих целей¹).

Европейская внешнеполитическая служба (ЕВС) характеризует гибридные угрозы, прежде всего, как действия, перечисляя их варианты от кибератак до

¹ NATO Allied Command Transformation, 2010. Bi-SC Input to a New NATO Capstone Concept for the Military Contribution to Countering Hybrid Threats. 25 August. URL: https://www.act.nato.int/images/stories/events/2010/20100826_bi-sc_cht.pdf (дата обращения: 15.12.2021)

нарушения поставок энергоносителей¹. Если понимание угрозы как, например, состояния, способного перерасти в военный конфликт (такая трактовка присутствует в Военной доктрине РФ²), все же подразумевает отсутствие этого конфликта и не всегда связано только с субъективным фактором (противником), то угроза как действие всегда подразумевает активную деятельность противника, который в данной ситуации перестает быть предполагаемым, следовательно, и контрмеры будут направлены не столько на урегулирование ситуации, сколько на ограничение возможностей другой стороны. Устойчивое определение операций противодействия гибридным угрозам также до сих пор не разработано, скорее, оно формулируется от противного (борьба с дезинформацией, киберпреступностью, иностранным вмешательством и т. п.). Все это затрудняет теоретический анализ борьбы с гибридными угрозами, в особенности, когда сочетание традиционных и нетрадиционных действий стало свойством самой системы международных отношений [Cusumano and Corbe, 2018: 6]. Однако стоит отметить, что в отношении таких акторов, как преступные и террористические организации, оценка любого действия как угрозы вполне справедлива в силу их изначально антисоциальной сути.

Не менее труден для определения термин «гибридная кампания», еще полностью не оформившийся в научной литературе. В качестве компонентов гибридной кампании выделяются информационные операции (что обосновывает применение контрпропаганды в качестве ответного средства), кибератаки, шпионаж, действия прокси-структур³ (к примеру, лиц или организаций – проводников пропаганды противника), экономическое и политическое влияние и давление [Mareš, Holzer and Šmíd, 2020: 39–41]. Как и в теоретических работах, так и в подходе ЕС, прослеживаются определенные двойные стандарты: гибридные кампании, действия или операции – всегда то, что реализуется противником, тогда как «противодействие гибридным угрозам» – прерогатива «положительного героя» [это отмечают: Simons, 2021; Fridman, 2018], обозначающего себя как обороняющуюся сторону.

Вместе с тем широкая трактовка гибридных угроз, принятая в ЕС, служит добротным обоснованием инициатив по развитию космической инфраструктуры, здравоохранения, продовольственного обеспечения и т.д. как отраслей обеспечения безопасности общества. Отсюда под мерами противодействия гибридным угрозам понимаются программы защиты критической инфраструктуры, здоровья и т.п. Операции против гибридных угроз в таких сферах подразумевают, к примеру, борьбу с диверсиями в пищевом производстве, с дезинформацией, дискредитирующей научные подходы в медицине, т.е. приносят объективную пользу.

¹ European External Action Service, 2021. Безопасная Европа: Противодействие гибридным угрозам. URL: [https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/46536/Безопасная Европа: Противодействие гибридным угрозам](https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/46536/Безопасная_Европа:_Противодействие_гибридным_угрозам_(дата_обращения:_07.12.2021)) (дата обращения: 07.12.2021)

² См.: Военная доктрина РФ (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. N Пр-2976).

³ В данном термине можно заметить влияние концепции прокси-войн – конфликтов, в которых третья сторона реализует свои интересы, не принимая открытого участия, но поддерживая одну из противоборствующих сторон (последняя выступает как проводник (“проху”)) [см.: Mumford, 2013: 40].

Негативную направленность такие операции начинают приобретать, когда они направлены на выдавливание экономического конкурента, ограничение свободы слова оппонента в информационном пространстве, на расширение военных блоков.

Позитивный опыт противодействия гибридным угрозам в ЕС

Опыт ЕС в борьбе с гибридными угрозами рассмотрен на примерах лишь из нескольких областей (предотвращение терроризма, пресечение его пропаганды, киберпреступности и дезинформации, связанной с пандемией коронавирусной инфекции). С середины 2020 г. эти угрозы возросли во всем мире, есть прогнозы более широкого использования искусственного интеллекта в преступных целях [Caldwell, Andrews, Tanay and Griffin, 2020]. Пандемию и связанный с ней кризис для распространения своих идей используют экстремисты и террористы. На уровне ЕС за противодействие вышеперечисленным угрозам ответственен ряд агентств, в том числе агентства ЕС по сотрудничеству в правоохранительной сфере (Европол), в области уголовного правосудия (Евроюст) и агентство ЕС по кибербезопасности (ENISA).

Системный подход в противодействии гибридным угрозам реализуется на таких основных направлениях, как модернизация и гармонизация законодательства, перекрытие каналов финансирования акторов гибридных угроз, сотрудничество наднациональных структур ЕС с национальными органами (не только государств-членов, но и третьих стран) в рамках специальных операций. Технические решения в обеспечении безопасности часто предоставляются их разработчиками – частными компаниями. Безусловным достоинством системы борьбы с гибридными угрозами в ЕС можно считать опору на экспертное знание, для получения которого налаживается сотрудничество как можно с большим числом специалистов не только из структур безопасности, но и из гражданской сферы, что позволяет оценить последствия принятых мер для разных групп и слоев общества.

Полезным примером координации оперативной работы правоохранителей ЕС, государств-членов и третьих стран можно считать ЕМРАСТ (Европейскую многопрофильную платформу по борьбе с преступностью), объединяющую специалистов из правоохранительных и судебных органов, агентств ЕС, таможенных и налоговых служб, частных компаний. Отчеты Европола используются в рамках ЕМРАСТ Комиссией и председателем Совета ЕС для консультирования министров юстиции и внутренних дел, а они принимают приоритеты ЕС в борьбе с преступностью на четыре года за основу национальных оперативных планов действий. Координаторы на уровне ЕС и национальных государств организуют совместные полицейские операции, длящиеся обычно несколько дней или недель¹. Платформа ЕМРАСТ по-

¹ Eurojust, 2021. *EMPACT leaflet*. URL: <https://www.eurojust.europa.eu/empact-leaflet> (дата обращения: 07.12.2021)

казала свою эффективность, в частности в борьбе с киберпреступностью, среди актуальных примеров – задержание 26 октября 2021 г. двенадцати подозреваемых в кибератаках на критически важную инфраструктуру. В операции приняли участие офицеры из Британии, Германии, Нидерландов, Норвегии, США, Украины, Франции и Швейцарии¹, что показывает высокие возможности координации подобной работы агентствами ЕС, в том числе за его пределами.

Важным подспорьем в борьбе с описываемой группой гибридных угроз остаются экспертные сети, в частности, Информационная сеть по проблеме радикализации (RAN), созданная Комиссией ЕС в 2011 г. и объединяющая 6 тысяч практиков в государствах-членах, работающих с группами, подверженными риску террористической вербовки, а также с активными сочувствующими террористам и экстремистам². Участники сети делятся позитивным опытом, в частности в работе с молодежью или использовании новых ИКТ. Так, в запущенном в 2020 г. в Нидерландах проекте «Игра с полицией» полицейские связываются с молодыми людьми из групп риска в онлайн-играх³, в настоящее время эту практику осуществляет 21 полицейская группа в стране. Федеральная полиция Бельгии делится практикой опроса детей, возвращенных из зон конфликта на Ближнем Востоке, с использованием специального адаптированного к работе с детьми протокола⁴. Предпринимаются шаги по распространению подобного опыта не только по каналам RAN, но и на площадках ООН.

Сотрудничество правоохранителей и поставщиков цифровых услуг помогает создавать важные практические инструменты борьбы с гибридными угрозами, такие как система электронных доказательств. Проект SIRIUS с 2017 г. реализуется совместно Европол и Евроюстом в сотрудничестве с Европейской судебной сетью и предлагает руководства, тренинги и инструменты доступа к данным, требующимся в ходе уголовных расследований и хранящимся у поставщиков онлайн-услуг. Эти инструменты доступны правоохранительным и судебным органам через специальную закрытую онлайн-платформу и мобильное приложение⁵. Европол и Евроюст оценивают проект как важный шаг в формализации сотрудничества правоохранителей и частных компаний, однако его работа все еще в большой степени

¹ Europol, 2021. *12 targeted for involvement in ransomware attacks against critical infrastructure*. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/12-targeted-for-involvement-in-ransomware-attacks-against-critical-infrastructure> (дата обращения: 07.12.2021)

² European Commission, 2021. *Radicalisation Awareness Network (RAN)*. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/networks/radicalisation-awareness-network-ran_en (дата обращения: 07.12.2021)

³ European Commission, 2021. *Gaming with the police*. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/networks/radicalisation-awareness-network-ran/collection-inspiring-practices/ran-practices/gaming-police_en (дата обращения: 07.12.2021)

⁴ European Commission, 2021. *Interviews of returnee children*. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/networks/radicalisation-awareness-network-ran/collection-inspiring-practices/ran-practices/interviews-returnee-children_en (дата обращения: 07.12.2021)

⁵ Europol, 2021. *3rd Annual SIRIUS EU Digital Evidence Situation Report*. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, The Hague, Netherlands, p. 9.

зависит от доброй воли последних. Принятие Закона о цифровых услугах, призванного усилить контроль работы онлайн-платформ со стороны институтов ЕС, ускорит введение обязательной помощи поставщиков цифровых услуг правоохранительным органам.

Борьба с гибридными угрозами означает не только пресечение деятельности преступных акторов, но и проведение информационных кампаний для подготовки общества к защите от растущей угрозы или минимизации информационно-психологического ущерба от действий злоумышленников. В таких кампаниях участвуют представители наднациональных институтов ЕС, национальных правительств, СМИ, бизнеса, институтов гражданского общества. Широко распространено участие агентств ЕС в информационных операциях, среди которых – прекращение по инициативе Европола работы 21 сайта групп, аффилированных с запрещенными в России «Аль-Каидой» и «Исламским государством» в октябре 2021 г.¹ Удаление контента Европоллом остается основным методом противодействия пропаганде терроризма в Интернете. Ему на официальном уровне уделяется больше внимания, чем, к примеру, распространению контрнарративов, разрабатываемых, прежде всего, представителями гражданского общества, или перенаправлению пользователей поисковыми системами на сайты, разоблачающие терроризм (метод, реализуемый онлайн-платформами). В пресечении дезинформации, связанной с пандемией, ЕС также опирается на сотрудничество с крупнейшими онлайн-платформами, для которых подписание Кодекса практики по борьбе с дезинформацией сделало эту работу обязательной². На данном направлении используются инструменты мониторинга и ранкинга материалов с помощью искусственного интеллекта, распространение контрнарративов совместными усилиями онлайн-платформ, правительств и СМИ.

Конечно, в агентствах обсуждаются и вопросы иностранного вмешательства в дела ЕС, в настоящее время глубоко политизированные. Европол ссылается на ЕВС, повторяя, что государственные субъекты распространяют дезинформацию, стремясь дестабилизировать управление в Союзе³, но на официальном сайте ведомства не говорится о конкретной практике борьбы с иностранным вмешательством. Больше внимание проявляет к этой области ENISA, приводящее в своих отчетах данные о спонсируемых государствами (state-sponsored) субъектах кибе-

¹ Europol, 2021. *Germany, the UK and Europol target violent jihadist websites*. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/germany-uk-and-europol-target-violent-jihadist-websites> (дата обращения: 07.12.2021)

² European Commission, 2021. *Reports on June Actions – Fighting COVID-19 Disinformation Monitoring Programme*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/reports-june-actions-fighting-covid-19-disinformation-monitoring-programme> (дата обращения: 07.12.2021)

³ Europol, 2020. *Catching the virus cybercrime, disinformation and the COVID-19 pandemic*. URL: https://www.europol.europa.eu/sites/default/files/documents/catching_the_virus_cybercrime_disinformation_and_the_covid-19_pandemic_0.pdf (дата обращения: 07.12.2021)

ругроз¹, однако специалисты-практики в области безопасности в целом избегают чрезмерно политизированных оценок (в том числе в публикациях, проанализированных выше).

Гиперполитизация противодействия гибридным угрозам

В практике противодействия в иностранному вмешательству в дела ЕС наглядно проявляется чрезмерная политизация, в том числе и в экономических вопросах. Столкновение бизнес-интересов и жесткая конкуренция в принципе присущи капитализму. Однако в настоящее время при обмене обвинениями в гибридных угрозах в экономическое соперничество все сильнее вовлекаются политические элиты. Это в конечном счете сказывается на качестве жизни и информационно-психологической безопасности граждан. В выдавливании китайских и российских компаний с европейского рынка под девизами борьбы с гибридными угрозами можно проследить как экономический интерес местных и американских поставщиков, так и политический интерес «атлантистов» в составе европейской элиты (что снижает не только качество международного сотрудничества ЕС, но и способность европейских союзников США к укреплению реальной стратегической автономии [Данилов, 2021: 19]). Эстония, Латвия и Литва рассматриваются «атлантистами» как первоочередной объект российского гибридного воздействия, что «обусловлено сохраняющейся энергетической зависимостью этих стран от Москвы» [Смирнов, 2020: 15].

Ограничение иностранного влияния предпринимается в ЕС по схеме, напоминающей комплекс мер борьбы с преступными акторами, но имеющей ряд отличий. Так, прямые законодательные запреты деятельности организаций из страны-оппонента (оспариваемые на официальном уровне) могут быть заменены бюрократическими препятствиями (множество этапов рассмотрения контракта, риски наложения вето и т. п.), санкционным давлением (несмотря на то что оно снижает возможности принятия взвешенных решений [Biscop, 2021: 2], выгодных обеим сторонам). Информационно-психологическое воздействие на граждан для дискредитации оппонента осуществляется, как и в борьбе с террористической пропагандой, по всем возможным каналам. Публичные заявления представителей руководства ЕС и государств-членов, политиков, транслирующие сообщение о действиях страны-оппонента как о гибридной угрозе, сопровождаются информационными кампаниями профильных структур (таких, как совместный Центр передового опыта ЕС и НАТО по борьбе с гибридными угрозами) или через профильные издания. Третьи стороны (бизнес-субъекты, частные аналитические центры, представители научного сообщества и т. д.) привлекаются не только для оценки текущего положения или практических решений (к примеру, удаления

¹ ENISA, 2021. *ENISA Threat Landscape 2021*, European Union Agency for Cybersecurity (ENISA), Attiki, Greece, pp. 16–23.

контента, распространяемого оппонентом), но и для публичных политизированных заявлений. Важным информационным рычагом остается установление повестки дня в СМИ.

Показательны в этом отношении информационные кампании с участием правительственных органов и СМИ, проводимые против российского и китайского присутствия на европейском рынке [Seaman, 2021: 7]. Минобороны Швеции заявляет, что «дезинформация и гибридная деятельность, спонсируемая такими государствами, как Китай и Россия, стали частью новой нормы»¹. Центр «Европейские ценности», участник группы стратегических коммуникаций ЕС на восточном направлении, развернул проект *Kremlin Watch*, где российское руководство обвиняется в попытках давления на страны, экономически зависимые от российских энергоносителей, с целью принудить их поддержать проект «Северный поток-2» [Svárovský et al., 2019: 6].

В странах ЕС государственными структурами распространяются публикации, содержащие обвинения Китая в промышленном шпионаже, а научное сообщество практически прямо именуется его нетрадиционным субъектом (например, в публикации Ведомства по охране Конституции ФРГ²). Китайские компании становятся мишенями в атаках на репутацию [Pashentsev, 2020: 15–16]. Все это, конечно, отрицательно сказывается на репутации не только бизнеса, но и самих России и Китая среди европейцев. В 2020 г. крайне негативно относились к России в Швеции, Дании и Нидерландах (по крайней мере, три четверти граждан этих стран)³. Рост антикитайских настроений проявился в протестах против создания в центре Европы крупнейшего китайского университета [Шишелина, 2021: 28].

Примером сочетания законодательных и информационных мер можно назвать кампании вытеснения из стран ЕС китайской телекоммуникационной компании *Huawei*. На уровне ЕС в Инструментарии⁴ и Отчете об оценке рисков⁵ кибербезопасности сетей 5G указывается на возможное вмешательство третьих стран в дела

¹ Regeringskansliet, 2021. “France and Sweden to further develop defence cooperation”. URL: <https://www.government.se/opinion-pieces/2021/09/france-and-sweden-to-further-develop-defence-cooperation/> (дата обращения: 07.12.2021)

² Spionageabwehr, 2021. Chinas neue Wege der Spionage. *Single Point of Contact – SPOC*, [online] 1, pp.30-34. URL: <https://www.verfassungsschutz.de/SharedDocs/publikationen/DE/2021/spoc-wirtschaft-und-wissenschaft-schuetzen.html> (дата обращения: 07.12.2021)

³ Huang C., 2021. *International opinion of Russia and Putin remains negative in 2020*. URL: <https://pewrsr.ch/3888Ncl> (дата обращения: 07.12.2021)

⁴ European Commission, 2020. *Cybersecurity of 5G networks – EU Toolbox of risk mitigating measures*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/cybersecurity-5g-networks-eu-toolbox-risk-mitigating-measures> (дата обращения: 07.12.2021)

⁵ European Commission, 2019. *Member States publish a report on EU coordinated risk assessment of 5G networks security*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_6049 (дата обращения: 07.12.2021)

ЕС, если поставщик 5G имеет прочные связи с правительством страны происхождения или правительство может оказывать давление на поставщика в любой форме. Последний пункт стал предметом спора, так как практически ни одна компания так или иначе не свободна от влияния правительства страны своего базирования. В случае КНР поводом для отказа от сотрудничества в странах ЕС становится Закон о национальной разведке, по которому китайские компании должны сотрудничать с национальной разведывательной службой. В ряде стран ЕС уже запрещено использование китайского оборудования 5G, как в Швеции, где операторы связи до 2025 г. должны исключить его из своей инфраструктуры.

В Бельгии в декабре 2020 г. разразился скандал, в который была вовлечена *Huawei*. Компания проспонсировала статью юриста Э. Вермюльста с критикой протекционистского закона о мерах безопасности при внедрении 5G, вытесняющего китайских производителей с бельгийского рынка. Позже эта статья и несколько других были распространены в *Twitter* с помощью 14 фейковых аккаунтов (как указывает нью-йоркское агентство по расследованиям онлайн-дезинформации *Graphika*, фото профиля в них были сгенерированы с помощью искусственного интеллекта¹). Представители *Huawei* ретвитнули сообщения с поддельных аккаунтов: по информации *Graphika*, Кевин Лю (руководитель *Huawei* по коммуникациям в Западной Европе), сделал 60 таких ретвитов за три недели, а официальный аккаунт *Huawei Europe* – 47. Агентство признало, что установить, кто стоит за инцидентом, невозможно. Конечно, само то, что менеджеры *Huawei* сделали репосты твитов фейковых профилей, – шаг необдуманный. Однако, несмотря на неопределенность ситуации, несколько бельгийских государственных служащих публично обвинили *Huawei* в атаке на репутацию правительства². Таким образом, информация была введена в уже подготовленную инфосферу, где действия компаний из КНР используются для дискредитации страны.

Как СМИ стран ЕС, так и его правительственные структуры предоставляют площадку политикам, требующим дальнейшего давления на Россию и Беларусь. Об определенных двойных стандартах в борьбе с гибридными угрозами свидетельствует выступление с трибуны Европейского парламента С. Тихановской, которая де-факто открыто призвала к подрыву общественного доверия (одно из гибридных действий, в которых ЕВС обвиняет вероятных противников) к белорусскому президенту, заявив о необходимости для ЕС «использовать “нетрадиционный” подход, обращаясь к белорусскому гражданскому обществу на местах»³, в частности, инициировав непризнание белорусских властей.

¹ Graphika, 2021. *Fake Cluster Boosts Huawei*. Graphika Reports. URL:

<https://graphika.com/reports/fake-cluster-boosts-huawei/> (дата обращения: 07.12.2021)

² Cimpanu C., 2021. *A network of Twitter bots has attacked the Belgian government's Huawei 5G ban*. URL: <https://www.zdnet.com/article/a-network-of-twitter-bots-has-attacked-the-belgian-governments-huawei-5g-ban/> (дата обращения: 07.12.2021)

³ Agence Europe, 24.11.2021 (Brussels, Belgium).

28 ноября 2021 г. в ходе визита генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга в Латвию и Литву председатель Комиссии ЕС У. фон дер Ляйен призвала к более тесному сотрудничеству ЕС и НАТО в борьбе с гибридными атаками¹. В ходе этой встречи директор совместного Центра передового опыта ЕС и НАТО по борьбе с гибридными угрозами Т. Тииликайнен обвинила Россию, Китай и Иран в использовании нетрадиционных гибридных методов с целью компенсировать недостатки влияния на международном уровне, а правительство Беларуси – в намеренной организации миграционного кризиса². Попытки связать последний с перемещениями российских военных на фоне обвинений в адрес России в планах вторгнуться в Украину – не новость в контексте сообщений об инструментализации миграции с российской стороны (к примеру, в 2015 г. ряд таких публикаций появился в СМИ Финляндии [Alenius, 2021]). Есть основания полагать, что в ЕС в ситуации, когда «интересы в сфере миграционной политики на разных уровнях управления далеко не всегда совпадают, и возникают конфликты» [Потемкина, 2020: 109], возложение вины, прежде всего, на внешних акторов (Беларусь и Россию) используется той частью европейской элиты, которая настроена на дальнейшую конфронтацию.

Заключение

Как в институтах ЕС, так и в исследовательском сообществе, нет емкого определения операций борьбы с гибридными угрозами. В то же время понимание гибридных угроз как *практически любых* (в зависимости от политической конъюнктуры) действий оппонента служит обоснованием применения к последнему *любых* инструментов противодействия.

В борьбе с такими глобальными угрозами, как терроризм, киберпреступность, распространение ложных медицинских данных, ЕС проявляет системный подход, где практика постоянно поддерживается экспертным знанием. Это позволяет не только оценить уровень и степень конвергенции угроз критической инфраструктуре и инфосфере, возможности противодействия, но и постоянно развивать тактики борьбы с ними, привлекая новейшие технические средства и осваивая самые актуальные площадки (свидетельства тому – развитие системы электронных доказательств, совершенствование удаления экстремистского контента, мониторинга и пресечения киберпреступлений, работа с молодежью в зонах ее комфорта, таких, как онлайн-игры, и т. п.). По мере развития подобных инициатив борьба с гибридными угрозами может стать основой стратегической коммуникации ЕС как синхронизации долгосрочной политики и ее коммуникационного сопровождения для внутренней и внешней аудитории.

¹ Agence Europe, 29.11.2021 (Brussels, Belgium).

² Hybrid CoE, 2021. *On-going hybrid threats against the EU and NATO*. URL: <https://www.hybridcoe.fi/news/on-going-hybrid-threats-against-the-eu-and-nato/> (дата обращения: 07.12.2021)

Вместе с тем в политически острых вопросах, таких, как борьба с иностранным вмешательством, развитая система борьбы с гибридными угрозами, комбинирующая экономические, законодательные и политические инструменты с информационными кампаниями, используется в рамках торговых войн и связанного с ними информационно-психологического противоборства. Это не снижает градус напряженности в отношениях ЕС с Россией, Китаем и рядом других стран, увеличивая количество и силу гибридных угроз, что способно привести к угрозе военной, а также снизить возможности ЕС по достижению стратегической автономии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Данилов Д.А. (2021) Глобальные горизонты атлантического альянса: «вакцина» Байдена. *Современная Европа*. № 5. С. 19–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520211931>
- Потемкина О.Ю. (2020) Многоуровневое управление миграцией в Европейском союзе. *Современная Европа*. № 2. С. 100–110. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020100110>
- Смирнов П.Е. (2020) Эволюция политических приоритетов США в регионе Балтийского моря во втором десятилетии XXI века. *Балтийский регион*. Т. 12. № 3. С. 4–25. DOI: <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-1>
- Шишелина Л.Н. (2021) Триморье: постпандемическое пробуждение. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 4. С. 24–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420212429>
- Alenius K. (2021) Asylum Seekers from Russia to Finland: A Hybrid Operation by Chance? in: Eze Th., Speakman L., Onwubiko S. (eds.) *Proceeding of the 20th European Conference on Cyber Warfare and Security, ECCWS 2021*, pp. 11–17, Academic Conferences International Limited, Reading, UK, <https://doi.org/10.34190/EWS.21.069>.
- Biscop S. (2021) The EU and China: Sanctions, Signals, and Interests. *Security Policy Brief* No. 145, May. EGMONT – Royal Institute for International Relations, Brussels, Belgium. URL: <https://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2021/05/SPB145-revised.pdf?type=pdf> (accessed: 07.12.2021)
- Caldwell M., Andrews J., Tanay T. and Griffin L. (2020) AI-enabled future crime. *Crime Science*. Vol. 9(1). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40163-020-00123-8>.
- Cusumano E. and Corbe M. (2018) Introduction, in: Cusumano E. and Corbe M. (eds.), *A Civil-Military Response to Hybrid Threats*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-60798-6_1.
- Fridman O. (2018) *Russian 'Hybrid Warfare': Resurgence and Politicisation*. Oxford University Press, New York, USA.
- Hoffman F. (2007) *Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars*, Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, USA.
- Hoffman F. (2010) 'Hybrid Threats': Neither Omnipotent Nor Unbeatable, *Orbis*, vol. 54, No. 3, pp. 441–455, <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2010.04.009>.

Mareš M., Holzer J. and Šmíd T. (2020) The Hybrid Campaign Concept and Contemporary Czech–Russian Relations, in: Holzer J., Mareš M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_2.

Mumford A. (2013) Proxy Warfare and the Future of Conflict, *The RUSI Journal*, vol. 158, No. 2, pp. 40–46, <https://doi.org/10.1080/03071847.2013.787733>.

Pashentsev E. (2020) *Coronavirus Pandemics, Huawei 5G Technologies, Artificial Intelligence and Psychological Operations, Geopolitical Report, Vol. 3* (1st ed.), ASRIE Analytica, Rome, Italy.

Seaman J. (2021) *Towards a more China-centred global economy? Implications for Chinese power in the age of hybrid threats, Hybrid CoE Paper 9*, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, Helsinki, Finland.

Simons G. (2021) Operational implications and effects of informational and political dimensions of western hybrid warfare, *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, No. 3, URL: <https://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/1078> (accessed: 30.11.2021)

Svárovský M., Janda J., Vichová V., Gurney J. and Kröger S. (2019) *Handbook on Countering Russian and Chinese Interference in Europe*, European Values Center for Security Policy, Prague, Czech Republic.

Countermeasures for Hybrid Threats: EU and its Member States Experience

D.Yu. Bazarkina *

Doctor of Science (Politics)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Address: 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** bazarkina-icspsc@yandex.ru

Abstract. The article aims to identify the methods and tools used by EU to counter the hybrid threats: from the fight against terrorism to measures aimed at combating economic competitors and political opponents (mainly, to squeeze Russia and China out of European markets). The author concludes that both EU institutions and the research community have not created a comprehensive definition of operations to combat hybrid threats, which is obviously not accidental. A broad understanding of hybrid threats as practically any (depending on the political conjuncture) actions of the opponent serves as a justification for the application of any counteraction tools. In the fight against global threats such as terrorism, cybercrime, and the spread of false medical data, the EU takes a systemic approach, which makes it possible to assess the level and degree of convergence of threats to critical infrastructure and the infosphere, as well as the possibilities of counteraction. At the same time, attempts to use economic, legislative, political and informational tools to achieve unilateral economic, political and military ad-

vantages do not reduce the degree of tension in the EU's relations with Russia, China, and some other countries only increasing the number and strength of hybrid threats. It reduces the EU's ability to achieve strategic autonomy.

Keywords: hybrid operations, hybrid campaigns, hybrid threats, European Union, European Commission, European Parliament, European Union External Action Service.

DOI: 10.31857/S0201708322020115

REFERENCES

Alenius K. (2021) Asylum Seekers from Russia to Finland: A Hybrid Operation by Chance? in: Eze Th., Speakman L., Onwubiko S. (eds.) *Proceeding of the 20th European Conference on Cyber Warfare and Security, ECCWS 2021*, pp. 11–17, Academic Conferences International Limited, Reading, UK, <https://doi.org/10.34190/EWS.21.069>.

Biscop S. (2021) The EU and China: Sanctions, Signals, and Interests. *Security Policy Brief* No. 145, May. EGMONT – Royal Institute for International Relations, Brussels, Belgium. URL: <https://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2021/05/SPB145-revised.pdf?type=pdf> (accessed: 07.12.2021)

Caldwell M., Andrews J., Tanay T. and Griffin L. (2020) AI-enabled future crime. *Crime Science*. Vol. 9(1). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40163-020-00123-8>.

Cusumano E. and Corbe M. (2018) Introduction, in: Cusumano E. and Corbe M. (eds.), *A Civil-Military Response to Hybrid Threats*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-60798-6_1.

Danilov D.A. (2021) Global'nye gorizonty atlanticheskogo al'yansa: «vaccina» Bajdena. [Global Horizons of the Atlantic Alliance: the Biden “Vaccine”], *Sovremennaya Evropa*, No 5, pp. 19–31, DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520211931>. (In Russian).

Fridman O. (2018) *Russian 'Hybrid Warfare': Resurgence and Politicisation*. Oxford University Press, New York, USA.

Hoffman F. (2007) *Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars*, Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, USA.

Hoffman F. (2010) ‘Hybrid Threats’: Neither Omnipotent Nor Unbeatable, *Orbis*, vol. 54, No. 3, pp. 441–455, <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2010.04.009>.

Mareš M., Holzer J. and Šmid T. (2020) The Hybrid Campaign Concept and Contemporary Czech–Russian Relations, in: Holzer J., Mareš M. (eds.), *Czech Security Dilemma. New Security Challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, https://doi.org/10.1007/978-3-030-20546-1_2.

Mumford A. (2013) Proxy Warfare and the Future of Conflict, *The RUSI Journal*, vol. 158, No. 2, pp. 40–46, <https://doi.org/10.1080/03071847.2013.787733>.

Pashentsev E. (2020) *Coronavirus Pandemics, Huawei 5G Technologies, Artificial Intelligence and Psychological Operations, Geopolitical Report, Vol. 3* (1st ed.), ASRIE Analytica, Rome, Italy.

Potemkina O.Yu. (2020) Mnogourovnevoe upravlenie migracij v Evropejskom soyuze. [Multilevel Governance of the EU Migration Policy], *Sovremennaya Evropa*, No 2(95), pp. 100–110, <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020100110>. (In Russian).

Seaman J. (2021) *Towards a more China-centred global economy? Implications for Chinese power in the age of hybrid threats*, *Hybrid CoE Paper 9*, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, Helsinki, Finland.

Shishelina L.N. (2021) Trimor'e: postpandemicheskoe probuzhdenie. [The 3 Seas Initiative: Post-Pandemic Awakening], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, No 22(4), pp. 24–29, <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran420212429>. (In Russian).

Simons G. (2021) Operational implications and effects of informational and political dimensions of western hybrid warfare, *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, No. 3, URL: <https://vestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/1078> (accessed: 30.11.2021)

Smirnov P.E. (2020) Evolyuciya politicheskikh prioritetov SSHA v regione Baltijskogo morya vo vtorom desyatiletii XXI veka. [The evolution of US political priorities in the Baltic Sea region in the 2010s], *Baltijskij region*, No 12(3), pp. 4–25, <http://dx.doi.org/10.5922/2079-8555-2020-3-1>. (In Russian).

Svárovský M., Janda J., Víchová V., Gurney J. and Kröger S. (2019) *Handbook on Countering Russian and Chinese Interference in Europe*, European Values Center for Security Policy, Prague, Czech Republic.

УДК 001:341.171

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-29-15046
«Региональные модели международно-правового регулирования
научно-исследовательских пространств в регионах Европы и Евразии»*

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЕС И ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

© 2022 ДАВЛЕТГИЛЬДЕЕВ Рустем Шамилевич*

Доктор юридических наук

Казанский федеральный университет. 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

**E-mail: roustem.davletguldeev@kpfu.ru*

© 2022 ВАШУРИНА Елена Вячеславовна*

Кандидат экономических наук

Казанский федеральный университет. 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

**E-mail: evashuri@mail.ru*

© 2022 ЦЫГАНЦОВА Сандра Игоревна*

Казанский федеральный университет. 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

**E-mail: tsyantsova.sandra@yandex.ru*

Поступила в редакцию 22.10.2021

После доработки 18.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. В условиях постоянно растущей значимости научно-технического и инновационного потенциала для обеспечения глобальной конкурентоспособности сотрудничество в этой сфере приобретает особое значение для функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Принимая во внимание продолжающееся повсеместное углубление процессов глобализации и интеграции, особенно актуальна для объединения кооперация с внешними партнёрами, в частности, с Евросоюзом, занимающим лидерские позиции на рынках образования, научных исследований и инноваций. Этим обусловлен интерес к теоретическому осмыслению научно-технического взаимодействия ЕАЭС и ЕС, результаты которого представлены в статье. Целью исследования является анализ существующей нормативно-правовой базы, регулирующей научно-техническое со-

трудничество ЕС с государствами-членами ЕАЭС, определение основных направлений взаимодействия, выработка предложений по развитию научной кооперации ЕС и ЕАЭС с учётом существующих вызовов и стратегических приоритетов развития региональных интеграционных объединений. В статье дана характеристика современной политики международного научно-технического сотрудничества ЕС, выделены её особенности во взаимодействии с государствами-членами ЕАЭС. Обозначены основные направления сотрудничества ЕС с государствами-членами ЕАЭС в рамках программы «Восточное партнёрство» и новой стратегии ЕС в Центральной Азии, на основе которых предложен вариант дальнейшего развития научной кооперации.

Ключевые слова: международное научно-техническое сотрудничество, Европейский союз, Евразийский экономический союз, региональная интеграция, научно-исследовательское пространство, правовое регулирование.

DOI: 10.31857/S0201708322020127

Расширение регионального научно-технического сотрудничества государств-членов ЕАЭС является одним из определяющих факторов успешной реализации сценария по созданию собственного центра силы», который позволит «обеспечить опережающее развитие государств-членов ЕАЭС и сформировать условия для строительства экономики знаний, способной к постоянному развитию темпами, опережающими среднемировые»¹. Международный опыт показывает, что создание центра силы, в том числе в сфере науки и инноваций, невозможно без выстраивания эффективного международного сотрудничества, которое приобретает особую актуальность в контексте новых глобальных научно-технологических, социально-экономических и геополитических вызовов (включая пандемию вируса COVID-19).

Выстраивание взаимодействия ЕАЭС с внешними партнерами в рамках формирования модели многополярного мира предполагает «поиск точек соприкосновения между крупнейшими интеграционными объединениями в мире» по стратегическим направлениям деятельности, представляющим взаимный интерес². В этой связи развитие сотрудничества с Евросоюзом как одним из глобальных лидеров в сфере науки и инноваций представляется приоритетным. Несмотря на отсутствие прямого диалога между ЕС и ЕАЭС в научной сфере, Евросоюз продолжает последовательно выстраивать стратегию взаимодействия с отдельными государствами-членами ЕАЭС в рамках своей новой научной политики.

¹ Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва – долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией (2020). Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f98/Doklad-Mesto-EAES-v-mire.pdf> (дата обращения: 20.11.2021)

² Мясникович М.В.: необходимо выстраивать новую многополярную модель мировой экономики. URL: <https://e-cis.info/news/566/91955/> (дата обращения: 20.11.2021)

Целью исследования является анализ современной политики и особенностей международного научно-технического сотрудничества (далее – МНТС) ЕС с государствами-членами ЕАЭС, определение основных направлений и форм взаимодействия, которые могут быть положены в основу разработки предложений по развитию научной кооперации двух региональных объединений.

Политика МНТС ЕС на современном этапе

Рассматривая расширение и укрепление сотрудничества с международными партнерами в качестве одного из ключевых факторов развития науки и инноваций и построения Европейского исследовательского пространства (European Research Area), ЕС последовательно проводит скоординированную политику в области научно-технического сотрудничества с внешними партнерами [Schmidt, 2019], [Prange-Gstohl, 2010].

В *Европейской Рамочной стратегии международной научно-технической кооперации с третьими странами* (2008 г.) были выделены приоритетные направления, «совместные действия по которым могли бы принести значительно больший эффект для Евросоюза, чем двухсторонние связи»¹. Принятая в 2012 г. *Европейская стратегия развития международного сотрудничества в области науки и инноваций*² предполагала дальнейшую направленность сотрудничества на стратегические приоритеты ЕС, сохраняя традиционную открытость исследований для участия в них третьих стран. К числу стратегических приоритетов были отнесены как поиск решения глобальных проблем, так и стремление сделать Европу более привлекательным местом для проведения исследований и разработки инноваций, а также стимулирование конкурентоспособности европейской промышленности.

Международное научное сотрудничество продолжает оставаться краеугольным камнем и в инициативе Еврокомиссии в отношении устойчивой Европы к 2030 г., а также в новом Стратегическом плане Генерального директората ЕК по исследованиям и инновациям на 2020–2024 гг. Являясь отражением стремления европейских политических элит к преодолению глобальных и региональных вызовов, стоящих перед Европой [Ибрагимова, 2017], инициатива «К устойчивой Европе 2030» определяет в качестве основной повестки формирование политики устойчивого развития, позиционируя Евросоюз в качестве лидера глобальной зеленой и цифровой трансформации³. В Стратегическом плане на 2020–2024 гг. международное сотруд-

¹ A Strategic European Framework for International Science and Technology Cooperation. Brussels. 24.9.2008 [COM(2008) 588] URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/a0866495-4b53-42e1-9ed4-af82deb3d6b5> (дата обращения: 01.02.2022)

² Enhancing and focusing EU international cooperation in research and innovation: A strategic approach. Brussels, 14.9.2012. [COM(2012) 497] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A52012DC0497> (дата обращения: 01.02.2022)

³ Towards a sustainable Europe by 2030 (January 2019). Reflection paper, European Commission, COM (2019)22. 132 p. URL: https://ec.europa.eu/info/publications/towards-sustainable-europe-2030_en (дата обращения: 02.02.2022)

ничество в области исследований и инноваций и усиление роли Европы в глобальных и многосторонних инициативах, включая пересмотренную политику ассоциации для «Горизонт Европа», выделены в качестве основных приоритетов (Стратегическая цель 4. Сильная Европа в мире)¹.

Подчеркивая ключевую роль науки и инноваций как «катализатора устойчивого развития и изменений», Евросоюз запустил новую Рамочную программу по исследованиям и технологическому развитию «Горизонт Европа» (2021–2027 гг.), которая по своим целям и задачам, объёмам финансирования и масштабам вовлекаемых участников является более амбициозной по сравнению с предыдущими программами.

Среди нововведений программы в контексте международного сотрудничества следует выделить:

– расширение открытости для участия (ассоциации) в программе стран и территорий, не входящих в ЕС, которые соответствуют определенному набору критериев, связанных с их экономическими, политическими, исследовательскими и инновационными системами (включая высокий потенциал в области науки, техники и инноваций)²;

– поддержка и укрепление многосторонних инициатив, направленных преимущественно на решение глобальных проблем: биоразнообразия и защита климата, исследования океана, инфекционные заболевания;

– ограничение участия международных партнеров из отдельных стран или регионов в стратегических областях и проектах, обеспечивающих технологическое лидерство и конкурентоспособность ЕС (соблюдение баланса между открытостью программы и защитой интересов ЕС)³.

Одной из последних политических инициатив в области международного научного сотрудничества является новая *Европейская стратегия международного сотрудничества в меняющемся мире – Глобальный подход к исследованиям и инновациям*⁴ (далее – Стратегия 2021). Разработка новых стратегических подходов связана

¹ Strategic Plan 2020-2024, DG RESEARCH AND INNOVATION, Ref.Ares (2020) 5352987 – 08/10/2020. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/rtd_sp_2020_2024_en.pdf (дата обращения: 22.02.2022)

² На момент написания данной статьи из пяти государств-членов ЕАЭС соглашение об ассоциации по программе подписано только с Арменией: Armenia joins Horizon Europe, the EU research and innovation programme. URL: https://ec.europa.eu/info/news/armenia-joins-horizon-europe-eu-research-and-innovation-programme-2021-nov-12_en (дата обращения: 14.02.2022)

³ Regulation (EU) 2021/695 of the European Parliament and of the Council of 28 April 2021 establishing Horizon Europe – the Framework Programme for Research and Innovation, laying down its rules for participation and dissemination, and repealing Regulations (EU) No 1290/2013 and (EU) No 1291/2013. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R0695&from=EN> (дата обращения: 02.02.2022)

⁴ On the Global Approach to Research and Innovation Europe's strategy for international cooperation in a changing world. Brussels. 18.5.2021. COM (2021) 252 final. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/research_and_innovation/strategy_on_research_and_innovation/documents/ec_rtd_com2021-252.pdf (дата обращения: 02.02.2022)

с необходимостью «реагировать на существенно отличающиеся глобальные вызовы», в том числе кризис, вызванный пандемией Covid-19, а также способствовать укреплению ведущей роли Европы и координации многочисленных многосторонних исследовательских и инновационных инициатив. Новый подход также предполагает изменение баланса сотрудничества ЕС с внешними партнёрами в сторону большей взаимности и обеспечения равных условий взаимодействия на международном уровне, одновременно определяя новые приоритеты и направления взаимодействия с отдельными странами и регионами.

В целом новые политики и инициативы Евросоюза в сфере МНТС находятся в русле внешней региональной политики ЕС, «европейского интеррегионализма», в рамках которой выстраиваются дифференцированные межрегиональные контакты в зависимости от регионов и решаемых задач [Михайленко, 2019].

Определенное влияние на происходящие в этой сфере процессы оказывает европейская политика многосторонности, которая в новых условиях может быть трансформирована в сторону «двухколейной» политики [Dworkin, 2021]. С одной стороны, это означает стремление к созданию максимально широких международных коалиций для защиты глобальных общественных благ, к которым относятся преодоление последствий пандемии и переход человечества к модели устойчивого развития, а с другой — создание более узких и глубоких альянсов с партнёрами, близкими по своим ценностям. При формировании альянсов предлагается максимально учитывать принцип открытости, «решая вопрос об участии новых членов не на основании широких идеологических установок, а в зависимости от позиций кандидатов по конкретным вопросам, являющимся предметом регулирования того или иного альянса»¹.

Новые политики и инициативы ЕС открывают определенные возможности для выстраивания конструктивного диалога ЕС и ЕАЭС в сфере науки и инноваций, одновременно накладывая ряд ограничений с учётом европейских стратегических интересов.

Особенности политики МНТС ЕС со странами ЕАЭС

Учитывая, что МНТС ЕС с третьими странами реализуется преимущественно в формате региональных диалогов с группами стран, объединённых по территориальному (региональному) признаку, государства-члены ЕАЭС относятся к разным группам внешних партнеров ЕС. Так, Армения (РА) и Беларусь (РБ) относятся к группе «Восточное партнёрство», которое реализуется в рамках Европейской политики соседства. В свою очередь, Казахстан (РК) и Кыргызстан (КР) входят в группу «Центральная Азия», а отношения ЕС и России регулируются на основе двустороннего соглашения. С каждой из групп ЕС выстраивает самостоятельную стратегию взаимодействия, исходя из совпадения интересов и приоритетов развития,

¹ Кортунув А. Многосторонность после пандемии: взгляд из Брюсселя. 26 апреля 2021 года. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/mnogostoronnost-posle-pandemii-vzglyad-iz-bryusselya/> (дата обращения: 02.02.2022)

научно-инновационного потенциала, возможности и эффективности использования различных инструментов МНТС [Schuch et al., 2012].

Анализ и систематизация политик и механизмов МНТС России и ЕС на многостороннем и двустороннем уровне с учётом новых вызовов и приоритетов развития на глобальном и национальном уровне подробно рассмотрены авторами ранее [Давлетгильдеев и др., 2020]. В рассматриваемый период отношения ЕС и России в целом не претерпевали особых изменений. Политическая риторика со стороны европейских официальных кругов продолжала оставаться достаточно жёсткой, что было в очередной раз подтверждено на Саммите лидеров стран ЕС (24–25 мая 2021 г.). Согласно выводам в части международных отношений, касающихся России, ЕС «подтверждает готовность к выборочному взаимодействию с Россией в сферах, представляющих интерес для ЕС, включая проблемы климата, защиты окружающей среды, здравоохранения, и изучит возможные форматы и условия для диалога»¹. Сдержанная формулировка в отношении России характерна и для Стратегии 2021, в соответствии с которой необходимыми условиями для продолжения сотрудничества с Россией в научной сфере названы «учёт политических приоритетов и интересов ЕС, необходимость повышения взаимности и равных условий игры, а также уважение основных прав и ценностей».

Осторожный оптимизм внушало заявление Еврокомиссии о том, что «Россия, по итогам участия в программе «Горизонт 2020», остаётся в числе самых активных стран – участниц Рамочной программы ЕС по исследованиям и инновациям во всем мире²», а также подтверждение намерения «продолжить совместное финансирование взаимовыгодных научно-исследовательских проектов для преодоления глобальных вызовов в рамках новой Рамочной программы ЕС «Горизонт Европа»³.

Ключевые цифры участия стран ЕАЭС в Рамочных программах ЕС, приведенные в Таблицах 1 и 2, также демонстрируют значительную активность российских исследователей по сравнению с партнерами по интеграционному объединению, несмотря на ощутимый спад объемов участия в программе «Горизонт 2020». Особенно это показательно по таким приоритетным направлениям как: исследовательская инфраструктура и мобильность исследователей, зеленая энергетика, проблемы экологии (включая эффективное использование ресурсов и экологически чистый транс-

¹ European Council conclusions on external relations, 24 June 2021 URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/06/25/european-council-conclusions-on-external-relations-24-june-2021/> (дата обращения: 02.02.2022)

² По итогам программы «Горизонт 2020» в соответствие с долей полученного российскими организациями от Еврокомиссии финансирования в группе третьих стран с исключительным финансированием (extending funding) Россия заняла 3 место, по доле участия страны в финансировании совместных проектов – 7-ое место в той же группе. URL: http://h2020-infra.misis.ru/images/Participation_of_Russia_in_Horizon_2020-preliminary_results_January_2021.pdf (дата обращения: 02.02.2022)

³ Сотрудничество ЕС-Россия в области исследований и инноваций: результаты программы «Горизонт 2020» и перспективы программы «Горизонт Европа». Пресс-релиз Европейской Комиссии от 14.12.2021 URL: <https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/108849/> (дата обращения: 14.02.2022)

порт). Это еще раз подтверждает роль российской науки в европейском и глобальном исследовательском сообществе и важность международной интеграции России.

Тем не менее анализ политики взаимодействия ЕС с другими государствами-членами ЕАЭС может представлять особый интерес в контексте выстраивания конструктивного диалога в сфере интеграционных объединений науки и инноваций.

Таблица 1

Участие стран ЕАЭС в Рамочных программах ЕС (основные цифры)

Показатель	РФ		РА		РБ		РК		КР	
	7 РП	Горизонт 2020								
Кол-во организаций участников (без дублирования)	557	218	42	44	55	66	36	14	12	12
Количество грантов		139		36		56		13		11
Финансирование со стороны ЕС (млн евро)	73,3	14,1	3,1	4,0	3,9	2,9	2,9	0,3	0,59	0,66

Таблица 2

Приоритетные направления программы ЕС Горизонт 2020 (участие стран ЕАЭС – количество организаций)

Приоритет	РФ	РА	РБ	РК	КР
Программа Мария Складовская-Кюри	60	10	42	11	4
Исследовательская инфраструктура	46	7	6	-	1
Интеллектуальный, экологически чистый и интегрированный транспорт	40	-	1	-	-
Изменения климата, эффективное использование ресурсов и сырья	22	1	-	-	-
Безопасная, чистая и эффективная энергия	3	2	-	1	1
ИКТ	1	2	1	-	-
Инновации для МСП	-	9	-	-	-

Источник: Horizon Dashboard Country Profile¹.

¹ Horizon Dashboard Country Profile URL: <https://webgate.ec.europa.eu/dashboard/sense/app/a976d168-2023-41d8-acec-e77640154726/sheet/d1435e56-cdee-4f5f-8b0d-f49d41ffbd6c/state/analysis> (дата обращения: 02.02.2022)

«Восточное партнёрство»

Инициированная в 2009 г. программа «Восточное партнёрство» (далее – ВП) является совместной инициативой ЕС и шести восточноевропейских стран (Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Республика Молдова и Украина), цель которой – укрепление многостороннего, прежде всего социально-экономического сотрудничества в интересах мира и стабильности в регионе.

Как отмечают европейские исследователи, проект ВП является продолжением Европейской политики соседства [Laure Delcour 2015: 3]. В отличие от предыдущего «мягкого» воздействия он предусматривает масштабное юридическое сближение с *acquis communautaire* ЕС на основе соглашений об ассоциации [Van Elsuwege and Petrov, 2014]. По сути, ВП является проектом, параллельным [Vilpišauskas et al., 2012: 12] и даже конкурирующим [Makarychev, 2012] с проектами Евразийской интеграции и, в частности, с ЕАЭС. Одна из основных региональных тематических платформ для выстраивания многостороннего сотрудничества – «Контакты между людьми»¹. Она охватывает и сотрудничество в области исследований и инноваций. Интеграция исследовательских и инновационных систем и программ ВП и ЕС была заявлена в качестве одной из ключевых задач партнёрства, инструментом реализации которой стала инициатива *EU4Innovation*, направленная на расширение перспектив трудоустройства и карьерного роста исследователей, согласование исследовательских программ ВП и ЕС посредством расширения процесса ассоциации, осуществления совместного финансирования исследований и инноваций на конкурентной основе, а также активизацию партнёрства науки и промышленности².

Возможность интеграции стран ВП в панъевропейскую сеть *GÉANT*³ создала условия для сокращения цифрового разрыва и предоставила учёным доступ к открытым публикациям, обмену данными и результатами исследований, что продемонстрировало свою актуальность в период пандемии в условиях закрытия границ и ограничения физической мобильности.

Ключевая роль науки и инноваций нашла своё отражение в достижении долгосрочных целей новой политики ВП ЕС на период после 2020 г., среди которых, в контексте статьи, следует выделить:

– «вместе к устойчивым, стабильным и интегрированным экономикам» – развитие общего пространства знаний и инноваций ЕС и ВП, включая укрепление интел-

¹ Eastern Partnership. Brussels, SEC(2008) 2974/3. COM (2008) 823 URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/eastern/docs/sec08_2974_en.pdf (дата обращения 02.02.2022)

² «Восточное партнёрство» – 20 результатов к 2020 г. Сосредотачиваясь на ключевых приоритетах и осязаемых результатах. Брюссель, 09.06.2017 г., SWD (2017) 300. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/swd2017_300_ru.pdf (дата обращения: 02.02.2022)

³ Проект Панъевропейская сеть *GÉANT* является крупнейшей в мире научно-образовательной сетью, объединяющей более 50 млн пользователей из 10 000 исследовательских организаций ЕС и более 100 стран-партнёров. URL: <https://www.geant.org/> https://eeas.europa.eu/sites/default/files/swd2017_300_ru.pdf (дата обращения: 02.02.2022)

лектуальной специализации, трансфер технологий, активное участие в программах «Горизонт Европа» и *COSME*, создание наукоёмких рабочих мест;

– «вместе к экологической и климатической устойчивости» – продвижение совместной политики в области охраны окружающей среды в рамках Европейского зелёного курса, посредством передачи научных знаний и инноваций;

– «вместе к устойчивой цифровой трансформации» – дальнейшая интеграция в единый цифровой рынок, путём присоединения стран ВП к программам и инициативам ЕС в области цифровых технологий, включая Европейское открытое научное облако, Скоординированный европейский план по искусственному интеллекту и развёртывание безопасных телекоммуникационных сетей 5G¹.

Среди инициатив ЕС, направленных на достижение этих целей, следует выделить и новую региональную программу «зелёного» восстановления после COVID-19 – «EU4Environment – Водные ресурсы и экологические данные»², которая предполагает поддержку долгосрочной экологической, климатической и социально-экономической устойчивости стран ВП с использованием разнообразных форм и инструментов МНТС. Новая политика ВП после 2020 г. подвергается определённой критике со стороны экспертного сообщества за «излишне широкий набор политических инициатив, не подтверждённых конкретными практическими предложениями», а также за «отсутствие совмещения некоторых инициатив с аналогичными российскими», что может ставить страны ВП перед выбором [Emerson et al., 2020], [Шишелина, 2020: 27] и создавать определённые риски для реализации заявленных целей сотрудничества.

К преимуществам новой политики следует отнести: индивидуальный подход в отношении каждой страны с учётом национальных интересов; углубление секторального сотрудничества и обмена между заинтересованными партнёрскими странами, выделение конкретных проектов с оговоренными источниками финансирования, которые получили своё дальнейшее развитие в рамках программы Евросоюза «Восстановление, стабильность и реформы»³.

Приверженность выбранному курсу научно-инновационного сотрудничества ЕС и стран ВП получила очередное подтверждение в «Стратегии 2021», что, с одной стороны, говорит о преемственности и последовательности проводимой ЕС

¹ Eastern Partnership policy beyond 2020. Reinforcing Resilience - an Eastern Partnership that delivers for all. Brussels, 18.03.2020 JOIN (2020) 7 final. URL: https://www.eerstekamer.nl/bijlage/20200318/join_2020_7_eastern_partnership/document3/f=/v1721clpq3tg.pdf (дата обращения: 02.02.2022)

² Kick off for EU4Environment — Water Resources and Environmental Data. Press release. 08.02.2022. URL: <https://euneighbourseast.eu/news-and-stories/latest-news/eu4environment-eu-kicks-off-new-regional-programme-on-water-resources-and-environmental-data/> (дата обращения: 14.02.2022)

³ Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit “Recovery, Resilience and Reform”. Brussels, 15 December 2021, 14964/21. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/53527/20211215-eap-joint-declaration-en.pdf> (дата обращения: 02.03.2022)

политики в отношении развития МНТС со странами ВП, а с другой – о недостаточно высоких темпах проведения институциональных реформ в странах-партнёрах и, соответственно, достижения заявленных целей. Важным фактором дальнейшего развития сотрудничества с восточными партнёрами является их географическое положение между ЕС и Азией, где также возникают многочисленные новые проекты [Шишелина, 2020: 24]. Наличие и интересы в регионе других региональных и глобальных держав, а также культурные и географические связи стран ВП с Центральной Азией (далее – ЦА) представляют дополнительные возможности для развития взаимовыгодных связей ЕС с более широким кругом соседних стран¹.

Серьёзным вызовом для устойчивости ВП стало заявление МИД Республики Беларусь о приостановлении участия страны в программе из-за «введённых Евро-союзом беспрецедентных ограничительных мер», которые затронули жизненно важные секторы белорусской экономики². Беларусь как целевая страна в рамках Политики европейского соседства активно участвовала в международных грантовых программах ЕС, включая Рамочные программы, показывая прирост вовлечённых организаций-участников (Таблица 1) [The European Union and the Eastern Partnership..., 2018: 407–419]. Пока трудно оценить, насколько инициатива белорусских властей окажет долгосрочное влияние на гуманитарные, в том числе научные связи страны с европейскими партнёрами, и какие факторы (внешние или внутренние) будут, в первую очередь, оказывать влияние на активность участия белорусских исследователей в европейских проектах и программах.

В этой связи единственным государством-членом ЕАЭС в ВП остаётся Армения, что вряд ли может рассматриваться как основа для активного институционального диалога ЕС и ЕАЭС, но должно учитываться при проведении переговоров между институтами интеграционных организаций. Тем более что «феномен Армении как потенциального связующего моста между Москвой и Брюсселем» является предметом достаточно широкого дискурса как в политических³, так и в экспертных кругах [Perspectives of Co-Existence..., 2018].

Кроме геополитического фактора, эффективной роли «моста» может способствовать наличие «социокультурных пластов» и активных связей Армении с научными диаспорами в России и странах Западной Европы [Россия и Армения..., 2019], а также активизация многолетних горизонтальных связей учёных Армении и государств-членов ЕАЭС (в первую очередь, России и Беларусь) и формирование сетевых исследовательских консорциумов, в том числе в формате Армения+ЕС+ЕАЭС, для участия в рамочных программах ЕС (включая «Горизонт Европа») с учётом статуса страны как ассоциированного партнёра [Саргсян, 2019], [Sargsyan et al, 2020]. Одним из перспективных направлений (учитывая опыт преды-

¹ Там же.

² Заявление Пресс-службы МИД Республики Беларусь от 28 июня 2021 г. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e0c39160d2580d78.html (дата обращения: 2.03.2022)

³ Выступление премьер-министра РА Н. Пашинян на пленарном заседании ПМЭФ 2019. URL: https://forumspb.com/archive/2019/outcomes-of-spief-2019/index.php?sphrase_id=134918 (дата обращения: 02.02.2022)

дущих Рамочных программ ЕС) может стать участие в создании новых цифровых технологий, а также продвижение коммерциализации полученных научных знаний посредством формирования пула высокотехнологичных малых и средних компаний.

Однако вопрос по поводу конкретных форм и механизмов осуществления этой роли пока остаётся открытым.

Центральная Азия

Несмотря на то что Евросоюз не является основным игроком в регионе Центральной Азии (в сравнении с Россией, Китаем и США), объединение рассматривает данный регион в зоне своих геополитических интересов. С одной стороны, это связано с выгодным геостратегическим местоположением, значительными запасами энергоресурсов и доступностью рынка стран ЦА, а также важностью региона для ЕС в плоскости обеспечения безопасности [Колесникова, 2020: 136]. С другой стороны, важными факторами расширения сотрудничества являются как последовательное проведение реформ в центральноазиатских странах в основных сферах жизнедеятельности, включая образование, науку и инновации, так и возрастающая роль и влияние стран ЦА в решении глобальных задач, включая проблемы сохранения климата [Михайленко, 2019]. На современном этапе сотрудничество ЕС со странами ЦА осуществляется в рамках стратегии ЕС «Европейский союз и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнёрства» (2019 г.)¹, которая была разработана «с учётом геополитических событий прошедших лет, новых предпочтений в странах региона, а также исходя из новой Глобальной стратегии ЕС» [Михайленко, 2019: 226]. Отличительными чертами новой стратегии являются нацеленность на расширение «многостороннего подхода» к сотрудничеству и повышение приоритета таких ключевых сфер деятельности ЕС в регионе, как образование, исследования и молодёжь.

Новая политика ЕС в регионе, обозначенная как «non — exclusive partnership», основана на инклюзивном подходе к партнёрству, который предполагает открытость сотрудничества для всех стран региона, третьих партнёров, включая Россию и Китай, для которых оно актуально, а также для других негосударственных игроков (международных организаций и банков развития). Следуя новому подходу, ЕС «выражает готовность объединять усилия со всеми заинтересованными сторонами в рамках сотрудничества с государствами ЦА с учётом своих интересов, а также в границах положений и приоритетов, заявленных в новой стратегии» [Джураев, Мураталиева, 2020; Колесникова, 2020].

Одной из ключевых проблем региона, которая носит трансграничный характер и на протяжении многих лет находится в фокусе внимания и поддержки ЕС, является изменение климата и повышенная уязвимость природных экосистем [Сулайманова, 2020; The European Union and the Eastern Partnership..., 2018: 259–267]. Учитывая, что новая стратегия ЕС в ЦА включает конкретные цели по «повыше-

¹ Joint Communication to the European Parliament and the council “The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership”, Brussels, 15.5.2019. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4dd8e5fa-77ef-11e9-9f05-01aa75ed71a1> (дата обращения: 02.02.2022)

нию устойчивости окружающей среды, климата и водных ресурсов как важнейших областей для устойчивого экономического и человеческого развития региона», научное партнёрство предполагает:

- совместную разработку научно-обоснованных национальных политик и программ в странах ЦА в области охраны окружающей среды и рационального природопользования в контексте устойчивого развития;

- поддержку диалога в регионе об изменении климата и связанных с ним рисках с целью содействия региональной интеграции между странами ЦА (проект «Зелёная Центральная Азия»);

- поддержку платформ для объединения экспертного и академического сообщества, сбора, анализа и распространения научно-технической информации (проект «Европейский союз – Центральная Азия: сотрудничество в области водных ресурсов, окружающей среды и изменения климата» (WECOOP) (2019–2022 гг.), координатор – Казахстан);

- поддержку инициатив стран ЦА по борьбе с изменениями климата на глобальном уровне, включая инициативы Кыргызстана в области устойчивого горного развития (резолюция ООН об объявлении 2022 г. «Международным годом устойчивого горного развития»).

Отдельное внимание необходимо уделить активизации участия стран ЦА (включая Казахстан и Кыргызстан) в международных программах и проектах НТИ в первую очередь по приоритетным направлениям, связанным с социальными вызовами: пищевая безопасность и устойчивое развитие сельского хозяйства, изменение климата, здоровье и качество жизни. Отмечаемый в настоящее время достаточно низкий уровень международной научной интеграции в Рамочных программах ЕС (Таблица 1, 2) не в полной мере отвечает национальным интересам названных стран, в контексте устойчивого перехода к экономике знаний и интеграции в глобальную экономику. Не случайно, подчеркивая ключевую роль науки и инноваций, одной из инициатив, отраженных в совместном коммюнике по итогам 17-ой встречи министров иностранных дел ЕС—ЦА, стало предложение о запуске новой региональной программы для ЦА по сотрудничеству с ЕС в области НТИ.

Новая стратегия ЕС в регионе ЦА открывает перспективы для выстраивания научно-технического и инновационного взаимодействия с ЕАЭС как региональным интеграционным объединением для решения проблем, имеющих не только региональное, но и глобальное значение. При этом усиливается роль Казахстана и Кыргызстана как государств-членов ЕАЭС и участников регионального диалога с ЕС [Tashtemkhanova et al, 2019]. Учитывая многовекторную внешнюю политику, эти страны могут стать опорной диалоговой площадкой в регионе для инициирования конструктивного диалога ЕС и ЕАЭС в отдельных сферах, включая науку и инновации, получив от роли модератора процесса значительные преференции на внешнеполитической арене в долгосрочной перспективе¹.

¹ Гушин А. ЕАЭС—ЕС: Казахстан в роли медиатора и модератора. Информационно-аналитический центр МГУ, 2016. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/a-gushchin-aeas-es-kazakhstan-v-rol-i-mediatora-i-moderatora/> (дата обращения: 02.02.2022)

* * *

На современном этапе новая научная политика Евросоюза предполагает возможность интеграции и выстраивания многостороннего сотрудничества с третьими странами и региональными объединениями по отдельным направлениям, представляющим взаимный интерес, через связующее участие стран-партнёров, программы и инициативы Евросоюза, реализуемые в отдельных регионах. В этой связи возрастает роль отдельных государств-членов ЕАЭС (Армения, Казахстан, Кыргызстан) как связующего звена для выстраивания конструктивного диалога в сфере науки и инноваций между интеграционными объединениями.

Подтверждая свою заинтересованность в укреплении научно-технических связей с государствами-членами ЕАЭС, Евросоюз использует различные подходы, основываясь на собственных программах и международных соглашениях, включая политику соседства и «Восточного партнёрства» в отношении Армении и до недавнего времени — Беларуси; политику неисключительного партнёрства в отношении Казахстана и Кыргызстана; политику выборочного взаимодействия в отношении Российской Федерации.

Новые программы, запускаемые ЕС в отдельных государствах-членах ЕАЭС, открывают определенные возможности для сопряжения инициатив и активизации научного диалога между двумя интеграционными объединениями, который должен быть направлен на совместный поиск ответов на глобальные вызовы (включая изменение климата и пандемию Covid-19) для достижения устойчивого развития на глобальном, региональном и национальном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давлетгильдеев Р.Ш., Вашурина Е.В., Евдокимова Я.Ш. (2020) Интеграция России в европейское исследовательское пространство, *Современная Европа*, № 1. С. 14–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120201424>

Джураев Э., Мураталиева Н. (2020) Стратегия ЕС в Центральной Азии: к успешной реализации новой стратегии, Bishkek Policy Group – Фонд имени Ф. Эберта. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf> (дата обращения: 20.11.2021)

Ибрагимова К.А. (2017) Научная дипломатия и рамочные программы ЕС как инструменты взаимодействия в области НИП и инноваций, *Вестник МГИМО-Университета*, № 5(56). С. 151–168. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-5-56-151-168

Колесникова Л.С. (2020) Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии и ее влияние на евроазиатскую интеграцию, *Постсоветские исследования*, Т. 3, № 2. С. 136–143. DOI: 10.24411/2618-7426-2020-00014

Михайленко Е.Б. (2019) *Внешняя региональная политика Европейского союза. Европейский интеррегионализм*. Екатеринбург. Россия. 330 с.

Гегамян В., Мелконян С., Нерсисян Л. (2019) *Россия и Армения в системе региональной безопасности*. Аналитическая записка РСМД и ARDI Lab (Армения), № 23, 12 с.

Саргсян Ш.А., Мирзоян А.Р., Манукян А.А., Унанян С.Р., Гзоян Э.Г. (2019) Научное сотрудничество между Арменией и ЕАЭС: реальность и тенденции развития, *Наука и научная информация*, Т. 2. № 1. С. 6–18.

Сулайманова Г.Б. (2020) Сотрудничество стран Центральной Азии по экологическим вопросам. *Вестник Омского государственного университета*, № 1–3. С. 339–345.

Шишелина Л.Н. (2020) Программа Восточного партнерства – задачи нового десятилетия, *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 2. С. 22–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220202228>.

Delcour L. (2015) Between the Eastern Partnership and Eurasian Integration: Explaining Post-Soviet Countries' Engagement in (Competing) Region-Building Projects, *Problems of Post-Communism*, No 62:6, pp. 316–327. DOI: 10.1080/10758216.2015.1057075

Dworkin A. Built to Order: How Europe can rebuild multilateralism after Covid-19. European Council of Foreign Relations. April, 1 2021. URL: https://ecfr.eu/wp-content/uploads/How-Europe-can-rebuild-multilateralism-after-covid-19_Dworkin.pdf (accessed: 14.02.2022)

Emerson M., Blockmans S., Cenusă D., Kovziridze T., Movchan V. Eastern Partnership policy beyond 2020: advances and omissions in a vast agenda. CEPS, 14 April 2020. URL: <https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2020/04/Eastern-Partnership-policy-beyond-2020.pdf> (accessed: 14.02.2022)

Geghamyan V., Melkonyan S., Nersisyan L. (2019) *Russia and Armenia in the regional security system*. Policy brief of RIAC and Armenian Think tank ARDI Lab, No. 23, 12 p.

Makarychev A. (2012) Russia and the EU: Competing Logics of Region Building. *DGAPAnalyse*. No 1. 18 p.

Perspectives of Co-Existence of EU and EAEU Integration Processes: The Case of Armenia. (2018) Yerevan: Political Science Association of Armenia, 160 p.

Prange-Gstohl H. (2010) *International science and technology cooperation in a globalized world: The external dimension of the European research area*. Edward Elgar Publishing, 264 p.

Sargsyan Sh.A., Maisano D.A., Mirzoyan A.R., Manukyan A.A., Gzoyan E.G. (2020) EU-EAEU dilemma of Armenia: Does science support politics? *Scientometrics*. No 122(2), pp. 1491–1507. DOI: 10.1007/s11192-019-03337-z

Schuch, K., Bonas, G. & Sonnenburg, J. (2012) Enhancing science and technology cooperation between the EU and Eastern Europe as well as Central Asia: a critical reflection on the White Paper from a S&T policy perspective. *J Innov Entrep* 1, 3. <https://doi.org/10.1186/2192-5372-1-3>

Schmits E.K. (2019) Opening European Research to the World: Evidence from International Cooperation. *European Review*. Vol. 27, Issue 4, pp. 563–584.

Tashtemkhanova R.M., Zhanbulatova R.S., Zhiyenbayev M.B. (2019) *Kazakhstan in the World Integration Processes*. Editions du JIPTO, 217 p.

The European Union and the Eastern Partnership: Security Challenges: April 26–27, 2018, Chişinău, Moldova / Vasile Cucerescu, Carlos E. Pacheco Amaral, Gaga Gabrichidze, Ioan Horga, Anatoliy Kruglashov, Ewa Latoszek, Marta Pachocka; sci. com. : Francisco Aldecoa Luzárraga [et al.]. Chişinău: ECSA Moldova, Cernăuți, Tbilisi, 2018 (Tipogr. "Print-Caro"). 547 p.

Van Elsuwege P, Petrov R (eds). (2014) *Legislative Approximation and Application of EU Law in the Eastern Neighbourhood of the European Union. Towards a Common Regulatory Space*. London: Routledge, 360 p.

Vilpišauskas R., Ališauskas R., Kasčiūnas L., Dambrauskaitė Ž., Sinica V., Levchenko I. and Chirila V. (2012) *Eurasian Union: a Challenge for the European Union and Eastern Partnership Countries*. East European Studies Centre, 54 p.

Research Cooperation between EU and EAEU Member States

R.Sh. Davletgildeev *

Doctor of Science (Law)

Kazan Federal University. 18 Kremlevskaya str., Kazan, Russia, 420008.

***E-mail:** *roustem.davletgildeev@kpfu.ru*

E.V. Vashurina *

Candidate of Science (Economics)

Kazan Federal University. 18 Kremlevskaya str., Kazan, Russia, 420008.

***E-mail:** *evashuri@mail.ru*

S.I. Tsygantsova *

Postgraduate Student

Kazan Federal University. 18 Kremlevskaya str., Kazan, Russia, 420008.

***E-mail:** *tsygantsova.sandra@yandex.ru*

Abstract. Scientific, technical and innovative cooperation is gradually becoming one of the priorities of the current stage of the functioning of the Eurasian Economic Union. Taking into account the ongoing widespread deepening of the processes of globalization and integration, cooperation with external partners, in particular, with the European Union, which occupies a leading position in the markets of education, research and innovation, is especially relevant. This determines the interest in the theoretical understanding of the scientific and technical interaction of the EAEU and the EU. The purpose of the study is to analyze the existing regulatory framework for scientific and technical cooperation between the EU and the EAEU Member States, to determine the main areas of interaction, to develop proposals for the development of scientific cooperation between the EU and the EAEU, taking into account the existing challenges and strategic priorities for the development of regional integration associations. The article analyses the current policy of international scientific and technical cooperation of the European Union, highlights its features in cooperation with the EAEU Member States, and formulates some prospects for the development of cooperation between the EU and the EAEU in this area. Two main areas of cooperation between the EU and the EAEU Member States within the framework of the Eastern Partnership programme and the new strategy of the European Union in Central Asia are identified. On this basis, a variant of further development of scientific cooperation between the EU and the EAEU is proposed.

Key words: international research cooperation, European Union, Eurasian Economic Union, regional integration, research area, legal regulation.

DOI: 10.31857/S0201708322020127

REFERENCES

Davletgildeev R., Vashurina E., Evdokimova Ya. (2020) Integratsiya Rossii v yevropeyskoye issledovatel'skoye prostranstvo [Integration of Russia into the European Research Area], *Contemporary Europe*. No. 5, pp. 14–24. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120201424> (in Russian).

Delcour L. (2015) Between the Eastern Partnership and Eurasian Integration: Explaining Post-Soviet Countries' Engagement in (Competing) Region-Building Projects, *Problems of Post-Communism*, No 62:6, pp. 316–327. DOI: 10.1080/10758216.2015.1057075

Dworkin A. Built to Order: How Europe can rebuild multilateralism after Covid-19. European Council of Foreign Relations. April, 1 2021. URL: https://ecfr.eu/wp-content/uploads/How-Europe-can-rebuild-multilateralism-after-covid-19_Dworkin.pdf (accessed: 14.02.2022)

Emerson M., Blockmans S., Cenus D., Kovziridze T., Movchan V. Eastern Partnership policy beyond 2020: advances and omissions in a vast agenda. CEPS, 14 April 2020. URL: <https://www.ceps.eu/wp-content/uploads/2020/04/Eastern-Partnership-policy-beyond-2020.pdf> (accessed: 14.02.2022)

Geghamyan V., Melkonyan S., Nersisyan L. (2019) *Russia and Armenia in the regional security system*. Policy brief of RIAC and Armenian Think tank ARDI Lab, No. 23, 12 p.

Ibragimova K. (2017) Nauchnaya diplomatiya i ramochnie programmi ES kak instrumenti vzaimodeistvia v oblasti NTP i innovatsy [EU Science Diplomacy and Framework Programmes as Instruments of STI Cooperation], *MGIMO Review of International Relations*, No 5(56), pp. 151–168. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-4-56-151-168 (in Russian).

Juraev E., Muratalieva N. (2020) Strategiya ES v Centralnoy Asii: k uspeshnoi realizatsii novoy strategii [EU strategy for Central Asia: to the successful implementation of the new strategy]. Bishkek Policy Group – Friedrich-Ebert-Stiftung. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/bischkek/16167.pdf> (accessed 14.02.2022) (in Russian).

Kolesnikova L. (2020) Novaya strategiya Evropejskogo Soyuza v Centralnoy Asii i eje vliyaniye na evroasiatskuyu integratsiyu [New EU strategy for Central Asia and its impact on Eurasian Integration]. *Journal Post Soviet Studies*. Vol. 3, No 2, pp. 136–143. DOI: 10.24411/2618-7426-2020-00014 (in Russian).

Makarychev A. (2012) Russia and the EU: Competing Logics of Region Building. DGAPAnalyse. No 1, 18 p.

Mikhaylenko E. (2019) Vneshnaya regionalnaya politika Evropejskogo soyuza. Evropejskiy interregionalizm [European Union's Foreign Regional Policy in XXI Century. European Inter-regionalism]. Ekaterinburg, Russia, 330 p. (in Russian).

Perspectives of Co-Existence of EU and EAEU Integration Processes: The Case of Armenia. (2018) Yerevan: Political Science Association of Armenia, 160 p.

Prange-Gstohl H. (2010) *International science and technology cooperation in a globalized world: The external dimension of the European research area*. Edward Elgar Publishing, 264 p.

Sargsyan Sh.A., Maisano D.A., Mirzoyan A.R., Manukyan A.A., Gzoyan E.G. (2020) EU-EAEU dilemma of Armenia: Does science support politics? *Scientometrics*. No 122(2), pp. 1491–1507. DOI: 10.1007/s11192-019-03337-z

Sargsyan Sh.A., Mirzoyan A.R., Manukyan A.A., Unanyan S.R., Gzoyan E.G. (2019) Nauchnoe sotrudnichestvo mezhdru Armeniej i EAES: real'nost' i tendencii razvitiya [Scientific cooperation between Armenia and the EAEU: reality and development trends]. *Nauka i nauchnaya informaciya*. Vol. 2, No. 1, pp. 6–18, (in Russian).

Schuch, K., Bonas, G. & Sonnenburg, J. (2012) Enhancing science and technology cooperation between the EU and Eastern Europe as well as Central Asia: a critical reflection on the White Paper from a S&T policy perspective. *J Innov Entrep* 1, 3. <https://doi.org/10.1186/2192-5372-1-3>

Schmits E.K. (2019) Opening European Research to the World: Evidence from International Cooperation. *European Review*. Vol. 27, Issue 4, pp. 563–584.

Shishelina L. (2020) Programma Vostochnogo partnerstva – zadachy novogo desyatiletia [Eastern Partnership – Tasks for a New Decade]. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*. No 2, pp. 22–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran2202022228> (in Russian).

Sulaimanova G.B. (2020) The cooperation of Central Asian countries on ecological issues. *Herald of Osh State University*. No 1–3, p. 339–345, (in Russian).

Tashtemkhanova R.M., Zhanbulatova R.S., Zhiyenbayev M.B. (2019) *Kazakhstan in the World Integration Processes*. Editions du JIPTO, 217 p.

The European Union and the Eastern Partnership: Security Challenges: April 26–27, 2018, Chişinău, Moldova / Vasile Cucerescu, Carlos E. Pacheco Amaral, Gaga Gabrichidze, Ioan Horga, Anatoliy Kruglashov, Ewa Latoszek, Marta Pachocka; sci. com. : Francisco Aldecoa Luzárraga [et al.]. Chişinău: ECSA Moldova, Cernăuți, Tbilisi, 2018 (Tipogr. “Print-Caro”). 547 p.

Van Elsuwege P, Petrov R (eds). (2014) *Legislative Approximation and Application of EU Law in the Eastern Neighbourhood of the European Union. Towards a Common Regulatory Space*. London: Routledge, 360 p.

Vilpišauskas R., Ališauskas R., Kasčiūnas L., Dambrauskaitė Ž., Sinica V., Levchenko I. and Chirila V. (2012) *Eurasian Union: a Challenge for the European Union and Eastern Partnership Countries*. East European Studies Centre, 54 p.

УДК 327, 271

ИЕЗУИТЫ ОТКРЫВАЮТ ЯПОНИЮ ДЛЯ ЕВРОПЫ (1542 – 1597)

© 2022 **НОСОВ Михаил Григорьевич ***

член-корреспондент РАН

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

***E-mail:** *mikhailnosov@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.03.2022

После доработки 15.03.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. Середина XV в. в Европе стала началом географических открытий, колониальных захватов и рабовладения. В 1441 г. португалец Антан Гонсалвиш захватил в Африке рабов и преподнес их в дар принцу Генриху Мореплавателю. Папа Евгений IV сначала даровал «полное отпущение грехов» захватчикам, но позже всё же запретил захват в рабство «новообращенных христиан». Несмотря на это, христианская миссия и работорговля развивались параллельно, дополняя друг друга. Рабы стали одним из важных товаров на рынках средневековой Европы. За миссионерами шли торговцы и колонизаторы. В 1498 г. корабли португальского мореплавателя Васко да Гамы, обогнув мыс Доброй Надежды, достигли берегов Индии. В 1505 г. был учрежден титул вице-короля Индии, где были созданы торговые посты и миссии иезуитов. Двигаясь дальше на Восток, португальцы основали свои фактории в Малакке и начали торговлю с Китаем. В 1542 г. по воле случая португальский корабль пристал к берегам Японии к югу от Кюсю, что положило начало отношениям Европы с Японией.

Ключевые слова: Европа, иезуиты, Япония, христианство, торговля.

DOI: 10.31857/S0201708322020139

Португальцы попали в Японию не в самое удачное время. Период со второй половины XV до конца XVI в. в Японии был временем постоянных войн. Сёгуны династии Асикага утратили контроль над страной, и началось то, что позже было названо Эпохой воюющих провинций (Сэнгоку дзидай). Итогом этих бесконечных войн стало объединение страны под властью талантливых политиков и военачаль-

ников – сначала Ода Нобунага (1534–1582), после его гибели власть перешла к Тоётоми Хидэеси (1536–1598). Завершил объединение страны Токугава Иэясу (1543–1616). Время правления этих трёх объединителей страны совпало с началом и концом японских контактов с орденом иезуитов.

В то же время, по словам историка Джорджа Сэнсома, «португальцы попали в Японию в нужном месте и в нужное время» [Sansom, 1977: 264]. «Нужны местом» было Кюсю, где правили князья – даймё, которые в силу их отдаленности от центра были до определенной степени самостоятельными и пока далекими от бушевавших в Японии войн. «Нужным временем» было их стремление торговать и получать товары из Европы, что приносило португальцам немалые прибыли.

Можно предположить, что японцы до появления европейцев в их стране все же имели какое-то представление о Европе, поскольку, начиная с I в. н.э. они имели регулярные контакты с Китаем, связанным с ней Шёлковым путем со II в. до н.э. Однако никаких прямых контактов с Европой у японцев не было.

Не имели их и европейцы. Первые сведения о Японии появились после путешествия венецианца Марко Поло по странам Азии во второй половине XIII в. Вернувшись в Европу в 1298 г., Поло попадает в тюрьму и пишет, а вернее, диктует, книгу о своих путешествиях, названную «Книга чудес света». В Японии он не был, но много слышал о ней во время своего пребывания в Китае. Он пишет о попытке завоевать Японию войсками Хубилая и описывает дворец на острове. «Я расскажу вам удивительную вещь о дворце их короля острова Дзипангу. Чтобы вы знали, его дворец полностью покрыт чистым золотом, также как наши церкви покрыты свинцом. Трудно оценить стоимость этой крыши. Более того, полы во дворце покрыты золотом толщиной в два пальца. Окна там тоже из золота. Богатства дворца трудно даже вообразить» [Yule, 1871: 201]. Естественно, что подобное описание не могло не возбуждать интереса у предприимчивых купцов и мореплавателей.

Слухи о несметных количествах золота в Японии были несколько преувеличены, но на севере Хонсю действительно добывали золото, и приезжавшие в Китай японцы часто расплачивались золотом, а почти шестнадцатиметровая статуя Будды в Нара, которую демонстрировали китайским монахам, была позолочена, на что было истрачено 439 килограммов золота. Всё это было известно в Китае и одной из причин попыток Хубилая завоевать Японию, возможно, была легенда о её несметных богатствах.

Первое открытие Японии и Франциск Ксавье

Письменные и живые свидетельства о Японии и японцах начали появляться после 1542 г., когда португальские купцы на корабле китайских пиратов случайно высадились на лежащем к югу от Кюсю острове Танэгасима. Именно там японцы впервые познакомились с европейцами и огнестрельным оружием, сыгравшим важную, хотя и не решающую, роль в битвах за объединение страны. Долгие годы ружья, производство которых японцы сумели быстро наладить, носили название «танэгасима». Купцы проложили путь в Японию католическим миссионерам, кото-

рые с переменным успехом сотрудничали с торговцами. Начиная с 1555 г., португальские корабли ежегодно плавали на Кюсю из Макао с грузом китайского шёлка.

Прибывший в Кагосима в провинции Сацума на Кюсю по благословлению римского папы Павла III 27 июля 1549 г. иезуит Франциск Ксавье (1506–1552) начал проповедовать христианство, что было воспринято жителями острова вполне терпимо и даже благожелательно. Сначала было получено разрешение на проповедь христианства от последнего сёгуна династии Асикага Ёсиаки. Позже Ода Нобунага, выступивший против всевластия буддийских монастырей, поддержал миссионеров, дав им официальное разрешение на проповедь католицизма. Торгуя с португальцами, он получал огнестрельное оружие и их знания. У европейцев японцы позаимствовали опыт строительства укрепленных замков, первым из которых стал построенный Ода в 1579 г., но несохранившийся до наших дней замок Адзуги недалеко от Киото. К началу 80-х годов XVI в. в Японии было построено более сотни замков, около 200 церквей, а в стране насчитывалось около 150 тысяч христиан.

Франциск Ксавье (1506–1552) родился в баскской Наварре. В 1530 г. получил степень магистра искусств в колледже Сен-Барб в Париже. В 1537 г. вместе с Игнатием Лойолой стал одним из создателей иезуитского ордена и в том же году был рукоположен в священники. В 1541 г. он отправился, сначала в Мозамбик, а затем в Гоа в португальской Индии, став первым миссионером в ордене иезуитов. Больше в Европу он не вернулся, проповедуя христианство в Индии, Малакке, Японии и Китае, где он и умер в декабре 1552 года.

За два года в Японии (с июля 1549 по декабрь 1551 г.) он познакомился со страной, начал формальную проповедь христианства, что было сведено к чтению катехизиса японцам на португальском языке, но главным стало понимание возможности в будущем начать обращение японцев в христианство. Уезжая из Японии, он оставил там двух своих сподвижников.

В марте 1622 г. папа Павел XV канонизировал Франциска Ксавье. В католической церкви он считается покровителем Японии, Австралии, Новой Зеландии, Китая, Индии и Борнео. В 1952 г. папа Пий XII объявил его покровителем туристов.

Приезд Франциска Ксавье в Японию был довольно рискованным путешествием. Идея отправиться туда у Ксавье возникла после знакомства с тремя японцами, студентами Иезуитского колледжа Санта Фе в Гоа. В послании отцу Игнатиусу Ксавье сообщал, что «от очень знающих людей я узнал, что около Китая есть страна называемая Япония, жители которой язычники и не тронутые влиянием мусульман или евреев, и весьма желающих узнать о том, что они не знают ни о божественном, ни о природном. Я решил отправиться туда, как только смогу» [Coleridge, 1890: 227].

Франциск с тремя японцами, обращенными им в христианство в Гоа, и с двумя монахами иезуитами, высадился в Кагосима, где жила семья японца Андзиро Пауло де Санта Фе, с которым он познакомился в Малакке в 1547 г.¹ С июля 1547 г. до октября 1550 г. Ксавье проживал в его семье, где крестил около ста родственников

¹ «Андзиро» или правильнее «Ядзиро», самурай из провинции Кагосима, после совершенного убийства, бежал в португальскую Малакку, где и познакомился с Ксавье.

Андзиро, ставшими первой христианской общиной Японии. В октябре 1550 г. Ксавье переехал в княжество Ямагути на юго-западе Хонсю, где его принял даймё Оути Ёситака, родственник японца, сопровождавшего Ксавье. Иезуиту было разрешено проповедовать там христианство, и он жил там до декабря, после чего отправился в Киото, надеясь на встречу с императором.

Согласно политике церкви, миссия должна была заручиться поддержкой японского государства, и Ксавье отправился в столицу страны Мияко (Киото). Не слишком разбираясь в политических реалиях страны, миссионер собирался получить аудиенцию у «короля», возлагая на переговоры с ним решения как религиозных, так и мирских планов.

В письме, направленном главе католической миссии Малакки Дону Педро де Сильва 5 ноября 1549 г., Ксавье писал: «Я постараюсь убедить короля Японии отправить в Индию посла, который увидит, насколько велико там изобилие вещей, наиболее полезных для жизни, но которых Япония лишена. По моему возвращению в Японию он сможет пробудить у своих соотечественников желание иметь такие вещи и тем самым сделать их более склонными к согласию с условиями взаимного товарооборота. В результате, возможно, без особого труда будет достигнуто соглашение между вице-королем Индии и королем Японии как в отношении других правил торговли, так и, в частности, в отношении создания в Осака фабрики, зарегистрированной как имущество Португалии. Я очень верю в Господа нашего Иисуса, что не пройдет и двух лет, как я напишу Вам, что у нас в Мияко есть церковь, воздвигнутая в честь нашей святейшей Матери Божьей» [Coleridge, 1890: 280].

Император Го-Нара принять чужестранца не решился, и Ксавье вернулся на Кюсю. Даймё провинции Бунго на востоке Кюсю Отомо Сорин (1530–1587), успешно торговавший с португальцами, пригласил Ксавье к себе, и в 1552 г. отправил вместе с ним в Гоа своего посла ко двору вице-короля португальской Индии с просьбой содействовать продвижению христианства на Кюсю. В январе 1552 г. Ксавье вернулся в Гоа, а оттуда отправился в Китай, где и умер 3 декабря того же года.

Франциск Ксавье пробыл в Японии всего два с половиной года, но успел познакомиться с жизнью японцев, создав христианские конгрегации в Хирадо и Бунго на Кюсю и в Ямагути на юге Хонсю. Он хорошо понимал сложность обращения японцев, которые больше всего боялись, что их предки навечно останутся в аду, но с присущей японцам любознательностью были готовы знакомиться с новой религией. Главным итогом его работы стало открытие страны для португальских миссионеров и, что не менее важно, для торговцев и правителей обеих стран.

Японцы и первый объединитель страны Ода Нобунага

После отъезда Ксавье в 1551 г. в Японии миссию возглавил испанский иезуит Косме де Торрес (1533–1587), крестивший в 1561 г. даймё провинции Хидзэн Омуро Сумитада (1533–1587) под именем Варфоломей. Позже усилиями князя в 1570 г. на Кюсю был основан порт Нагасаки, ставший центром миссии иезуитов и торговли между Японией и Европой. В 1579 г. в Японию прибыл Алессандро Валиньяно, сыгравший значительную роль в отношениях между Японией и Европой.

Алессандро Валиньяно (1539–1606) родился в Кьети в Италии. В 1566 г. вступил в общество Иисуса и в 1573 г. был отправлен на Дальний Восток во главе миссии, курировавшей Азию. С 1579 по 1606 гг. он трижды побывал в Японии. Валиньяно считал, что священники в Японии должны знать японский язык, а обращенные японцы понимать латынь. Он был автором правил поведения священнослужителей в Японии «Краткое описание японских реалий» (*Sumario de las cosas del Japón* (1583)), и «Дополнения к описанию японских реалий» (*Adiciones del Sumario* (1592)), в которых нашел отражение его опыт пребывания в Японии.

Во второй половине XVI в. число иезуитов, проповедовавших в Японии, медленно, но росло, и они сыграли большую роль в расширении географических и понятийных горизонтов и Европы, и Японии. К 1584 г. католическая миссия в Японии составила 85 человек, из которых 29 были обращенными японцами. Отношение японцев к новой религии определялось, прежде всего, их традиционной веротерпимостью. Исконно японская религия синтоизм в V в. начала сосуществовать с проникшим в Японию из Китая буддизмом. В отличие от славян, утопивших в Днепре своих языческих идолов, японцы восприняли буддизм как часть своего религиозного мировоззрения. Вместе с буддизмом японцы приняли конфуцианство и даосизм, ставшие вместе с синтоизмом фундаментом материального и духовного развития страны. Это и определяло достаточно благожелательное восприятие христианства в Японии. К этому можно добавить и их заинтересованность в развитии торговли с Португалией, ставшей источником не только оружия, но и таких новых для Японии товаров, как сахар или табак. Одним из основных товаров, поставляемых португальцами в Японию, был китайский шелк, за который японцы расплачивались серебром.

Серьезную роль в обращении японцев в новую веру играло и их законопослушание. Если даймё принимал христианскую веру, его подданные следовали его примеру. Серьезной проблемой для деятельности миссионеров оставался языковой барьер. С одной стороны, японцы не слишком хорошо понимали постулаты веры, принять которые их убеждали католические падре, получавшие их согласие на крещение. С другой, в их сознании вера не имела твердой основы, и отказ от нее был достаточно легким.

Ода Нобунага и прозелитизм

Иезуиты не оставляли попыток заручиться поддержкой властей Японии. В 1569 г. Валиньяно с переводчиком Луисом Фроишем встретился в Киото с Ода Нобунага, с каждым днём укреплявшим свою власть. Португальцы получили разрешение на проповедь на его землях. Он достаточно доброжелательно отнесся к миссионерам, что никак не было связано с принятием новой религии, к которой он был абсолютно равнодушен. Ода по заслугам оценил отчаянную храбрость монахов, прибывших в Японию без оружия, а главное, без знания языка. «Вы прошли через столько опасностей и пересекли столько морей, что вы или никчемные воры, от которых нечего ждать ничего хорошего, или же вы проповедуете очень важные вещи» [Lampers, 2000: 159]. Однако главным была поддержка иезуитами борьбы Ода

с буддийскими монастырями, выступавшими против его стремления объединить страну под своей властью и установить контроль над растущей торговлей с португальцами.

В свою очередь, Фроиш в своих записях тоже дал высокую оценку личности и деятельности Ода Нобунага, чей трудный путь к власти проходил на глазах иезуитов. Вот как в 1569 г. он описал свои впечатления об Ода Нобунага после встречи с ним в Киото.

«Этот король Овари¹, ему около 37 лет, высокого роста, худощавый, с редкой бородой, с чрезвычайно звучным голосом, любитель военных упражнений, неутомимый, склонный к справедливости и состраданию, высокомерный, человек чести, очень скрытный в своих решениях, мастер стратагем. Он почти или совсем не обращает внимания на возражения или советы своих подчиненных, его все боятся и почитают в высшей степени. Он не пьет вина, груб в манерах, смотрит на всех других владык и князей Японии свысока и говорит с ними с презрением, как с низшими, полностью подчиняет себе всех как абсолютный повелитель, обладает умением слушать и резкими суждениями, презирает богов, будд и все другие виды идолопоклонства и языческих суеверий. Формально он исповедует принадлежность к секте Лотоса², но открыто заявляет, что нет ни создателя вселенной, ни бессмертия души, ни жизни после смерти. Его постройки очень чистые и изысканные, в них всегда царит идеальный порядок. Он ненавидит ожидание и иносказания, и даже даймё не появляется перед ним с мечом; его всегда сопровождают две тысячи пажей или конных стражников. Его отец был владыкой провинции Овари, но он, благодаря своей огромной энергии, за последние четыре года подчинил себе семнадцать или восемнадцать провинций. Он завоевал восемь центральных провинций, включая столичную провинцию Ямасиро, за семь или восемь дней» [Соопер, 1965: 93].

Позже в 1580 г., когда Ода получил власть почти над всей Японией, он подарил иезуитам участок земли в Киото для строительства миссии рядом с храмом Хоннодзи, где находилась столичная резиденция Ода, и где он и погиб 29 мая 1582 г. Интересно, что Фроиш, ставший свидетелем последнего сражения Ода с войсками предавшего его Акэти Мицухидэ, к этому времени оценивал Ода уже совсем по-другому. За 13 лет, прошедших после их первой встречи, Фроиш стал свидетелем убийств и казней, с помощью которых Ода прокладывал путь к власти и объединению страны.

В своём письме о гибели сёгуна Фроиш писал, что «некоторые говорят, что он взрезал себе живот, другие считают, что он поджег свой дворец и сгинул в огне. Знаем мы об этом человеке лишь то, что все трепетали, не только слыша его голос, но даже при упоминании его имени. От него не осталось даже единого волоска, остались лишь пыль и пепел» [Соопер, 1965: 103].

¹ Сегодня префектура Айти в центре Хонсю.

² Одно из ведущих направлений буддизма в Японии секта Лотоса, была основана в период Камакура (1185–1333) монахом Нитэрэн (1222–1282).

Хидэёси Тоётоми и начало репрессий против католицизма

Начатую Ода Нобунага войну за объединение страны продолжил Хидэёси Тоётоми и завершил Токугава Иэясу. По мере централизации государства менялось и отношение властей к деятельности католических миссионеров. Ода считал их полезными для борьбы с буддийскими монастырями и источником получения оружия и не видел в них угрозы для своей власти, а тем более для независимости Японии. Ситуация стала меняться после его гибели.

Выходец из деревни Накамура в провинции Овари (Айти), Хидэёси был храбрым воином, талантливым полководцем и очень прагматичным человеком. Он охотно торговал с португальцами и испанцами, но влияние католической церкви на острове Кюсю, где местные даймё сохраняли свою независимость, стала раздражать Хидэёси. Сразу же после присоединения острова к империи в 1587 г. был издан указ о запрещении христианства. Однако приводить в действие свой эдикт Хидэёси до 1597 г. не спешил. В январе этого года испанский галеон, шедший с грузом серебра из Манилы в Акапулько, потерпел крушение у берегов Сикоку. На вопрос даймё провинции Тоса, почему маленькая Испания овладела столькими королевствами и провинциями, испанский лоцман неосторожно ответил, что католический король сначала посылает священников, обращающих туземцев в свою веру. Это было доложено Хидэёси и в феврале 26 христиан, включая шестерых христианских монахов франсисканцев, были казнены, оставшиеся священники высланы в Нагасаки, а церкви сожжены.

В своём письме вице-королю Индии Хидэёси писал, что «несколько лет назад падре прибыли в эту страну с целью околдовать религиозных и светских людей, мужчин и женщин, священников и мирян. Тогда я наказал их, и я сделаю это снова, если они вновь вернуться в наши края со своей проповедью, вне зависимости от их религиозной принадлежности. Я беспощадно истреблю их. Тогда раскаиваться будет поздно». Однако он добавил, что «если вы хотите установить дружеские отношения с нашей страной, моря очищены от пиратов и купцы могут беспрепятственно приплывать и уплывать. Помните об этом» [Tsunoda, De Bary, Keen, 1958: 326].

Что касается планов экспансии, то Хидэёси сдержал своё слово. В 1592 г. он начал вторжение в Корею, война с которой велась с перерывами до 1597 г. Что касается отношений с Европой, то в 1596 г. великий регент (кампаку), как с 1585 г. называл себя Хидэёси, предпринял не слишком удачную попытку контролировать европейскую торговлю со странами к востоку от Китая. Всё это время Хидэёси пользовался услугами португальца Жоао Родригеса, который переводил все его переговоры с португальцами и испанцами.

Первые японцы в Европе

Первую попытку представить японцев Европе совершил Франциск Ксавье. Покидая в декабре 1551 г. Японию, он взял с собой из Гоа ученика японца, получившего при крещении имя Бернардо. Японец отправился в Португалию, где вступил в обще-

ство Иисуса и учился в Коимбрском университете. В июне 1554 г. Бернардо приехал в Рим, где пробыл 9 месяцев, познакомился с Игнатием Лойолой. Покинув Рим в октябре 1555 г., он два года жил в Португалии, где и скончался в феврале 1557 г.

В 1582 г. попытку установить живую связь с Европой предпринял Алессандро Валиньяно, Он договорился с даймё из Кюсю, оказывавшем покровительство христианству, о визите молодых аристократов в Европу. Выбор пал на Ито Мансио 12 лет, представлявшего провинцию Бунго, и Тидзива Мишель 14 лет из провинции Хидзэн. Их сопровождали Накаура Юлиан 12 лет и Хара Мартино 13 лет. Все они были учениками иезуитской школы Арима в Симабара на Кюсю. Целью визита была как демонстрация успехов иезуитов в Японии, так и, по словам Валиньяно, стремление продемонстрировать японцам «славу и великолепие христианства, мощь и величие князей его принявших» [Valignano, Summario, 1583: 172]. Хотя визит не задумывался как дипломатическая миссия, поскольку никаких дипломатических полномочий юноши не имели, Валиньяно рассматривал молодых японцев как «*carta viva*» (живое послание).

Четыре мальчика, Валиньяно и два португальских монаха в феврале 1582 г. отправились в путешествие, продолжавшееся 8 лет. По прибытии в Гоа, Валиньяно узнал, что Ватикан запретил ему покидать свой пост в Азии, и он был вынужден вернуться в Макао. Дальше их путь лежал в Португалию и Испанию. В ноябре 1584 г. они были приняты в Мадриде королем Филиппом II, а затем встретились с кардиналом Толедо. В Италии они посетили Тоскану, Венецию и Милан, где их радушно принимали на самом высоком уровне. В Риме, куда они приехали в марте 1585 г., им был устроен пышный приём. Папа принял их в Ватикане в Королевском зале (*Sala regia*). В их честь был устроен парад с салютом из 300 пушек. Японские посланцы были одеты в японскую одежду и восседали на подаренных им лошадях. После смерти Григория XIII новый папа Сикст V тоже принял посланцев Японии, а на стене Ватиканской библиотеки появилась фреска с изображением четырех японских юношей, идущих в процессии по случаю коронации папы Сикста V. Подпись на латыни гласит «антиподы, сопровождающие Сикста по пути в храм. Новый пастырь пасет свое новое стадо» [Moran, 1993: 12].

В мае 1587 г. они вернулись в Гоа, где их ждал Валиньяно. Хара Мартино приветствовал своего наставника на латыни: «Благословенны глаза, что видели это. Благословенны мы, видевшие это. Но более всего благословенны вы, Александр великий в своей добродетели, ибо именно она дала нам возможность получить это благо» [Moran, 1993: 80]. Валиньяно решил вернуться в Японию вместе с молодыми японцами и продолжал готовиться к поездке даже узнав, что в июле того же года Хидзэси издал свой первый указ о запрещении проповеди христианства в Японии.

Тем не менее Валиньяно решил вместе с молодыми японцами отправиться в Японию, куда они прибыли в июле 1590 г. Все они были приглашены посетить Хидзэси в его новом дворце Дзюраку-дай. В декабре посольство направилось в Киото. 27 февраля 1591 г. посольство прибыло в Киото, а утром 3 марта 1591 г. торжественная процессия отправилось по улицам города во дворец. По приказу Хидзэси вдоль всех улиц стояли люди, приветствуя посольство на пути во дворец. Процессию возглавляли два португальских всадника, сопровождавшие арабского же-

ребца, которого Валиньяни привез в подарок Хидзэси, за ними следовали семь богато одетых пажей и четыре юноши, вернувшиеся из Европы. Валиньяно, два монаха и переводчики Фроиш с Родригесом следовали в паланкинах. Шествие замыкала дюжина португальских всадников. За ними шли японцы с подарками, стоимость которых современники оценивали в 30 тысяч дукатов.

Хидзэси и его восемь советников восседали на невысоком помосте. Валиньяно поклонился и вручил Хидзэси послание от вице-короля Индии. Затем состоялась церемония «сакадзуки» – Хидзэси отпил сакэ из своей чашечки и передал ее послу, что являлось выражением дружеских чувств и искреннего доверия. После этого в зал внесли подносы с богатыми подарками. Валиньяно получил три подноса с подарками, на двух было по сто серебряных слитков, а на третьем четыре шелковых кимоно. Переводчики получили по 30 серебряных слитков и по два кимоно, а остальным участникам португальского посольства подарили по пять слитков серебра и по кимоно.

Хидзэси выразил радость по случаю приезда посольства и поблагодарил за полученные подарки. В зал внесли подносы с едой. По оценке банкета Родригесом, «еды было очень мало, а выпивки еще меньше». Дальше началась неофициальная часть приема. Хидзэси обратился к Мансио с предложением остаться при дворе, но тот его мягко отклонил. Затем состоялся концерт квартета из арфы, клавикорда, скрипки и лютни. Хидзэси поблагодарил юношей, и все вместе пошли осматривать подарки вице-короля, главным из которых был арабский жеребец. В заключение хозяин поблагодарил гостей и обещал снова встретиться с ними после возвращения из поездки в Овари в центральной Японии.

Дальнейшая судьба молодых послов сложилась по-разному. В 1590 г. в Макао на латыни вышла книга «Миссия» (*De Missione*), написанная на основе интервью с юношами. В сентябре 1608 г. Мансио, Юлиан и Мартин стали иезуитами, вступив в орден в Нагасаки. Мансио умер в Нагасаки в 1612 г., Юлиан оставался в Японии, был арестован в 1632 г. и в следующем году казнен, Мартин уехал из Японии в 1614 г. и умер в Макао в 1639 г. Мишель не посмел послушаться своей матери и даймё провинции Хидзен Арима Харунобу, бывшими против его вступления в орден, он отрекся от католической веры и в 1603 г. женился, имел четырех сыновей, вступил в секту Нитирен и предположительно умер в 1633 г.

5 марта Хидзэси покинул Киото и вернулся лишь 27 марта, но его отношение к португальцам кардинальным образом поменялось. Без особого формального повода Хидзэси объявил посольство нелегитимным и дал понять Родригесу, что в своём письме вице-королю он полностью запретит пребывание миссионеров в Японии. В конечном итоге Хидзэси смягчил тон письма, хотя угрозы покончить с христианством в Японии в нем были очевидны.

Трудности перевода

Иезуиты хорошо понимали, что их работа может оказаться бесплодной, если они в самом прямом смысле не найдут общего языка с японцами. Хотя миссионеры прилагали серьёзные усилия для преодоления трудностей общения, однако, по сло-

вам Валиньяно, «чем больше мы учим язык, чем больше усилий мы прилагаем, мы всё равно по сравнению с ними звучим как дети» [Moran, 1993: 179]. Тем не менее иезуиты изо всех сил старались преодолеть языковой барьер. В 1580 г. в буддийском монастыре в Арима вблизи Нагасаки и в Адзути были организованы семинарии, где прошли обучение 22 японца в возрасте от 10 до 18 лет. В Макао в 1594 г. Валиньяно создал иезуитский колледж Святого Павла, где проходили подготовку и японские студенты. Японцы, учившиеся в Арима и в Гоа, получали сан, а некоторые совмещали служение с переводческой работой, поскольку мало кто из иезуитов мог проповедовать на японском языке.

Каждый год в Японии миссия иезуитов выпускала документ, оценивавший языковые возможности священников. Подавляющее большинство попадало в категорию «знающий язык хорошо, но не имеющий возможности проповедовать». Лишь о троих переводчиках было сказано «знает язык хорошо и может на нем проповедовать». При этом очевидно, что в отчетах успехи по подготовке переводчиков были несколько преувеличены. О лучшем из них Фроише говорилось, что «изучавший язык 16 лет, несомненно, знает язык лучше других, но не может публично обращаться к пастве на японском языке» [Vande-Valle, 1994: 28].

Лучшим переводчиком миссии был молодой португалец Жоао Родригес, которого за знание языка посетивший Японию в 1618 г. инспектор ордена Франциско Виера оценил как «наиболее способного лингвиста за все время нашей работы в Японии» [Соорег, 1974: 68].

Получивший знание языка с юности, Родригес, как никто другой, оценивал всю сложность языка и трудность его изучения. По его словам, «этот язык столь элегантен и столь богат, что они говорят по-одному, но пишут по-другому, а молятся по-третьему. Они обращаются к вышестоящим на одном языке, но говорят с людьми низшего класса на другом. Дети и женщины используют одни слова, мужчины используют другие. В своём письме они используют бесчисленное количество иероглифов, и никто из нас не может научиться писать или сочинять книги, которые можно было бы показать ещё кому-либо» [Moran, 1993: 179].

В своей работе в Японии иезуиты во многом опирались на японских христиан, освоивших латынь и португальский язык. По словам Валиньяно, «всё, что было сделано, было сделано японскими братьями нашего ордена» [Valingnano, Summario 1954: 183]. В каталоге переводчиков 1579 г. было 7 иезуитов-японцев, имеющих возможность проповедовать на своем языке [Moran, 1993: 184]. Известный диспут о религии, который Фроиш в присутствии Ода Нобунага вел с японским монахом Нитидзэ Сёнин в 1569 г., как выяснилось позже, шел через переводчика иезуита японца Лоренцо, который был крещен в 1551 г. Франциско Ксавье и затем вступил в орден в 1560 г. [Sansom, 1977: 294].

Иезуиты о Японии и японцах

За 90 лет с 1549 г., когда Франциско Ксавье прибыл в Японию, до окончательной высылки португальцев в 1639 г. католические монахи создали обширную литературу, описывающую практически все стороны жизни японцев. Это было сделано

не только из естественного интереса к жизни другой страны, но и в силу стремления обучить католических отцов работе с японской паствой, чтобы избежать ошибок общения с «антиподами», как часто называли японцев иезуиты в своих письмах и документах. Среди тех, кто создал первые исследования Японии, можно выделить уже упоминавшихся Франциска Ксавье, Алессандро Валиньяно, Луиса Фроиша и Жоао Родригеса. Этих разных по своему происхождению и занимаемой должности в иерархии ордена иезуитов объединял интерес к Японии и к её народу. Их работа в этой стране вышла далеко за рамки только проповеди христианства. Их эпистолярное наследие огромно и, к сожалению, ещё не до конца изучено.

Хотя Ксавье пробыл в Японию всего два с половиной года, его можно считать основателем японистики – науки, изучающей Японию. В своих письмах он дал достаточно подробное и благожелательное описание Японии и японцев.

В письме в Рим от 29 января 1552 г., написанное уже после возвращения в Гоа, он писал, что «Япония – очень большая империя, полностью состоящая из островов. Везде говорят на одном языке, который не очень трудно выучить. Японцы очень жаждут почестей и отличий и считают себя выше всех народов в военной славе и доблести. Они ценят и почитают все, что связано с войной, и все подобные вещи, и нет ничего, чем бы они гордились больше, чем оружие, украшенное золотом и серебром. Дома и вне его они всегда носят мечи и кинжалы, а когда спят, то вешают их у изголовья ложа. Короче говоря, они ценят оружие больше, чем любой другой народ, который я когда-либо видел. Они отличные лучники и обычно сражаются пешими, хотя в лошадях в стране недостатка нет. Они очень вежливы друг с другом, но не с иностранцами, которых они совершенно презирают. Они тратят свои средства на оружие, телесные украшения и многочисленную прислугу и несколько не заботятся об экономии. Короче говоря, это очень воинственный народ, который ведет постоянные войны между собой. Те, кто силен в оружии, имеет обширную власть. Государь у них один, хотя уже сто пятьдесят лет князья перестали ему подчиняться, и в этом причина их вечной вражды» [Coleridge, 1890: 331].

Ксавье высоко оценивал человеческие качества японцев. В письме от 11 ноября 1549 г. ордену иезуитов в Гоа он писал, что «нация, с которой нам пришлось здесь иметь дело, превосходит по своей доброте всех, с кем мы имели дело раньше. Они добродушны, не склонны к обману, очень любят почести и звания. Честь для них превыше всего» [Coleridge, 1890: 237].

Этнографические исследования Японии продолжил священник иезуит Луис Фроиш (1532–1597), живший в Японии с 1563 г. до своей смерти. Наибольший интерес представляют его книги «Трактат, в котором очень кратко и ёмко изложены различия в обычаях народов Европы и одной провинции Японии» (*Tratado em que se contem muito susinta e abreviadamente algumas contradicções e diferenças de costumes antre a gente de Europa e esta provincia de Japão*, 1585) и «История Японии» (*Historia de Japam*, 1583–1597).

«Трактат», посвященный различиям между европейцами и японцами, и сегодня представляет интерес как для историков, так и для этнографов. Книга состоит из 600 отрывков, сгруппированных в 14 главах. Это была попытка познакомить европейцев с жизнью, бытом и обычаями японцев XVI в., сравнивая их с европейцами.

Первые четыре раздела были посвящены описанию всего, что относилось к мужчинам, женщинам, детям и монахам. Остальные 10 глав содержали описание храмов, религии, еды, оружия, медицины, книг, архитектуры, лошадей, кораблей, театра¹.

Многое из того, что писал Фроиш о Японии XVI в., и сегодня может многое рассказать иностранцу о повседневной жизни японцев. Фроиш практически все свои записки строит по принципу сравнения «у них» и «у нас», что дает возможность заглянуть в быт средневековья и понять, что за эти годы изменилось. При этом становится понятно, что, в отличие от Европы, японские устои жизни, быта и восприятия искусства изменились не столь сильно.

Описывая японских мужчин, Фроиш в первую очередь обращал внимание на внешние физические отличия от португальцев, различия в одежде и в манерах. Затем он подробно сравнивает оружие тех и других. Много отличий Фроиш заметил в их бытовых привычках. Например, он считал, что «европейцы любят ходить, тогда как японцы не ходят просто ради удовольствия». «Японец считает невежливым, если слуга стоит, когда хозяин сидит, а европейский слуга должен всегда стоять». В Японии «слуги всегда идут впереди хозяина, в Европе всегда позади своего хозяина». «Мы любим сплевывать, японцы никогда этого не делают». «В Европе только сумасшедший может снять обувь в присутствии вышестоящего человека, в Японии появиться в обуви в аналогичной ситуации будет нарушением всех канон экетета».

Ещё более интересны его социальные наблюдения, многие из которых сохраняют свою значимость и сегодня. Он отмечает, что «если в Европе муж и жена обща владеют своей собственностью, то в Японии каждый из супругов сохраняет свою собственность». «Если в Европе инициатором развода чаще бывает мужчина, в Японии чаще женщина». В Европе «женщина не выходит из дома без разрешения мужа, в Японии женщина более свободна». В Европе «женщина редко убивает своего ребенка, в Японии это обычная практика для женщины, не имеющей возможности прокормить его». В Европе «женщины не часто умеют писать, в Японии аристократки считают неграмотность унижительной». В Европе «еду, как правило, готовят женщины, в Японии чаще мужчины»».

Естественно, что в XXI в. поведение и особенно внешний вид японцев во многом изменились, чего нельзя сказать об образе японских детей, описанных Фроишем. «Если в Европе новорожденных туго пеленают, в Японии младенцев сразу одевают в кимоно и их руки всегда свободны». В Японии «женщины носят ребенка за спиной, не обращая внимания на то, что его головка болтается из стороны в сторону». В Японии «трехлетний ребенок уже ест самостоятельно, используя палочки». В Японии, в отличие от Европы, «очень редко наказывают детей». Там «дети учатся писать и читать в школах при буддийских храмах». «Молодые люди в Европе не умеют написать письмо, тогда как в Японии 10-летний ребёнок может сделать

¹ Все цитаты из этой книги Фроиша взяты из Frous Luis, *The First European Description of Japan, 1585: A Critical English-Language Edition of Striking Contrasts in the Customs of Europe and Japan* by Luis Frois, S.J. Translated from the Portuguese and edited and annotated by R. Danford, R. Gill, and D. Reff. Routledge, N.Y., 2014.

это, не уступая в мудрости и умении пятидесятилетнему». «Японские дети обладают хорошими манерами поведения».

Что касается японских священнослужителей, то Фроиш в основном сравнивал их с иезуитами и отмечал их участие в войнах. Сравнивая буддийские храмы с католическими, Фроиш останавливается на их различиях, естественно, сохранившихся и сегодня. Интересно, что, проповедуя христианство японцам, Фроиш отмечает, что в отличие от Европы, где «отказ от веры считается ересью и отступничеством, японцы легко переходят из одной секты в другую».

Описывая японскую кухню, Фроиш открывает для современного читателя не только обычаи и привычки японцев, но и поведение за столом европейцев XVI в. Естественно, он отмечает, что в отличие от европейцев, «которые едят руками, японцы едят палочками». В это время в Европе были столовые приборы, но за столом был обычай мыть руки до и после еды, поскольку ножи и вилки использовались исключительно для разрезания мяса и рыбы. Что касается самой еды, то Фроиш справедливо отмечал, что «японцы не едят хлеб, заменяя его рисом». «Европейцы пьют охлажденное вино, японцы его подогревают». «В Европе напиваться за столом постыдно», «в Японии этим гордятся». В Европе «пить, шумно прихлебывая, неприлично», «в Японии это считается хорошим тоном». «После еды мы благодарим хозяина», «в Японии хозяин благодарит гостей».

В главе, посвященной оружию, отмечается, что японцы не только сумели освоить производство и использование ружей, но и начали делать примитивные орудия, стреляющие камнями. По мере строительства замков шла и модернизации артиллерии. Одним из первых стал возведенный в 1579 г. на озере Бива Ода замок Адзути, который подробно был описан Фроишем. Им были подробно описаны 13 из существующих в Киото 17 главных садов, а в Нара 6 из 8 садов, ставших объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Заметный след в истории Японии оставил Алессандро Валиньяно, много лет возглавлявший работу ордена иезуитов в Азии. В своих книгах «История принципов и успехов иезуитов в Восточной Индии» (*Historia del Principio y Progreso de la Compania de Jesus en las Indias Orientales*, 1542–1564) и «Краткие сведения о японских реалиях» (*Summario de las cosas del Japon*, 1583) он описывает обычаи и привычки японцев, что должно было стать своего рода кодексом общения иезуитов с японской паствой. Он весьма позитивно оценивает характер японцев, их честность и готовность к общению.

По его словам, «они благоразумны и сдержаны во всех своих проявлениях и никогда не перекладывают на других свои проблемы, не жалуются и не ворчат, как это делают люди в Европе. Когда они приходят в гости, их этикет не позволяет сказать что-либо обидное для хозяина. Они сдержаны в своих эмоциях и никогда не демонстрируют их на людях, хотя глубоко чувствуют их в своей душе. Они скрывают свою злость и гнев столь глубоко, что никто не заметит их раздражения» [Valignano, *Historia*, 1542: 128]. Они очень способны и умны, а их дети быстро схватывают наши уроки и наставления. Они учатся читать и писать на нашем языке намного быстрее и легче, чем дети в Европе. Низшие классы в Японии не столь

грубы и невежественны как в Европе. Напротив, в целом они интеллигентны, хорошо воспитаны и легко обучаются» [Valignano, *Historia*, 1542: 126].

При этом он отмечает, что «их обряды и церемонии настолько отличаются от других, что складывается ощущение, что они нарочно поступают так, чтобы не походить на других. То, что они делают, находится за пределом воображаемого, и можно с уверенностью сказать, что Япония – это мир противоположный Европе. Всё настолько отличается, что с нами они ни в чем не совпадают». Валиньяно с удивлением отмечает, что японцы «благоразумны и культурны в своих поступках, а их обряды и церемонии основаны на здравом смысле и не удивляют любого, кто их понимает» [Valignano, *Historia*, 1542: 142].

Однако во время своего второго визита в Японию в 1592 г. его оптимизм относительно превращения японцев в христиан сменился осторожным реализмом. Он, как и прежде, отдает должное человеческим качествам японцев, но начинает сомневаться в успехе деятельности иезуитов, даже несмотря на то что 70 японцев вступили в орден. Но надежды на то, что большинство японцев готовы принять христианство, угасали вместе с изменением отношения государства к миссионерам. Он пишет, что «нет другого пути, как очистить их от многих пороков и ошибочных понятий, которые проистекают из их язычества. И я говорю "отчистить", потому что в действительности еще многое предстоит сделать, чтобы вывести их из невежества и запечатлеть в них образ, который мы ожидаем от совершенства» [Valignano, *Adicione*, 1592: 570].

Не менее обширным было литературное и научное наследие Жоао Родригеса (1561–1633), служившего вместе с Фроишем главным переводчиком ордена иезуитов. Он юношей попал в Японию, где жил до 1610 г. Он выучил японский язык и получил прозвище Цусё (переводчик). Родригес стал автором первой грамматики японского языка (*Arte da lingua de Japam*, 1608), первого японо-португальского словаря (1603), *Истории Церкви в Японии* (*Historia da Igreja Japoa*), *Истории японской церкви* и *Искусства чайной церемонии* (*Arte del Cha*).

Свободное владение японским языком позволяло Родригесу глубоко понимать культуру Японии и психологию японцев. Если Валиньяно рассматривал чайную церемонию как «кипяток и сухую траву», а чашку для чайной церемонии, «за которую даймё провинции Бунго заплатил 14 тысяч дукатов, он не давал бы и двух фартиггов» [Valignano, *Historia*, 1542: 148], то Родригес писал о чайной церемонии, что «цель искусства чайной церемонии – это вежливость, скромность, простота обстановки, спокойствие, гармония тела и души, отсутствия гордыни и высокомерия, ухода от бахвальства, помпезности, показной роскоши и великолепия» [Rodrigues, 458–460].

Родригес был автором обзора японской истории, начиная с мифа об императоре Дзимму Тенно до периода Камакура (1185–1333) и, пожалуй, первого литературоведческого обзора японских исторических хроник и поэзии.

Иезуиты, писавшие о Японии, старались не касаться важной для их пребывания в этой стране темы – торговли.

Заключение

Итоги иберийского века в Японии были вполне успешными с точки зрения взаимного знакомства. Японцы начали получать знания в области строительства замков, армия самураев вооружилась мушкетами, появились такие кулинарные новации, как тэмпура, японцы начали курить. Иезуиты познакомились с культурой Японии, неожиданно для европейцев оказавшейся высоко развитой и утонченной. К моменту появления португальцев и испанцев уже были созданы поэтические антологии Манъёсю (VIII в.) и Кокинсю (X в.), на рубеже X и XI вв. Мурасаки Сикибу написала «Повесть о Гэндзи» («Гэндзи моногатари»), а Сэй Сёнагон «Записки у изголовья» («Макура но соси»), в XVI в. свои шедевры создавал художник Кано Эйтоку (1543–1590), с XIV в. шли спектакли театра Но. По словам Фроиша, «многие из их обычаев столь далеки от наших и так чужды нам, что трудно поверить, что могут быть такие разительные контрасты с людьми, которые столь цивилизованны, обладают таким живым гением и так естественно умны» [Frois, 2014: 16].

Миссионеры пытались обратить японцев в новую веру, и их усилия не были напрасными. На Кюсю с 1549 по 1585 г. было построено около 200 церквей и было обращено около 150 тысяч японцев. В конце 1577 г. на всю Японию было только 18 иезуитов. В 1579 – 55, в 1583 их стало 82 [Frois, 2014: 47]. К 1582 г. число христиан на Кюсю выросло до 150 тыс. и 130 тыс. в районе Киото. В 1614 г. в отчете миссии появилась цифра 750 тыс. обращенных [Broderick, 1957: 57–58], что, как часто бывает в ведомственных отчетах, было преувеличением¹.

Попытки привить христианство Японии вначале казались иезуитам вполне успешными, но в результате они не смогли преодолеть сопротивление власти централизованного государства. Как писал Валиньяно, «Япония не может управляться иностранцами, поскольку японцы не настолько слабы и глупы. Король Испании не имеет и никогда не будет иметь здесь никакой власти. Мы абсолютно не можем полагаться на то, что мы обучим туземцев, а они сами будут управлять церквями» [Ross, 1994: 72]. Давление государства с каждым годом затрудняло работу миссии, португальцы и испанцы покинули страну, а на христианство был наложен строгий запрет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Broderick James, Saint Francis Xavier, Doubleday & Co. Inc., N.Y. 1957.
 Coleridge Henry James, Ed. (1890) The Life and Letters of St. Francis Xavier, 2dEd., 2 Vols., Vol. II, Burns&Oates, L.
 Cooper M. (1974) Rodrigues the Interpreter, Weatherhill, N.Y., Tokyo.
 Cooper M., Ed. (1965) They Come to Japan. An Anthology of European Reports on Japan, 1543–1640, University of California Press, Berkeley and L.A.
 Frous Luis. (2014) The First European Description of Japan, 1585: A Critical English-Language Edition of Striking Contrasts in the Customs of Europe and Japan by Luis Frois,

¹ Эдвин Рейшауэр оценивал численность христиан в Японии на начало XVII в. в 300 тыс. чел. [Reischauer].

S.J. Translated from the Portuguese and edited and annotated by R. Danford, R. Gill, and D. Reff, Routledge, N.Y.

Moran J.F. (1993) Japanese and the Jesuits Alessandro Vallignano in XVI century Japan, Routledge, L. and N.Y.

Reishauer Edwin Ed. (1974) The Story of Nation, Tuttle, Tokyo.

Rodrigues Joao Historia da Igreja Japoa, Macao.

Ross A. (1994) Vision Betrayed: The Jesuits in Japan and China, 1542–1742, Maryknoll Orbis Books, N.Y.

Sansom G. (1977) A history of Japan 1334–1615, Charles Tuttle Co., Tokyo.

Tsunoda R., De Bary T., Keen D. (1958) Sources of Japanese Tradition Columbia University Press, N.Y.

Valignano A. (1954) Summario de las Cosas de Japon. Ed. Alvarez-Taladriz Jos, Monumenta Nipponica Monographs.

Valignano A. Adicione del Summario, 1592.

Valignano A. Historia del Principo y Progreso de la Compania de Jesus en las Indias Orientales 1542.

Vande-Walle Willy. (1994) The language barrier in the history of Japanese-European relations, Catholic University of Louvain, Kyoto.

Yule Henry, ed., The book of Ser Marco Polo, the Venetian. Vol. II, John Murray, L., 1871.

Jesuits Open Japan for Europe (1542–1597)

M.G. Nosov *

Corresponding Member Russian Academy of Sciences

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** mikhailnosov@mail.ru

Abstract. The middle of the 15th century in Europe was the beginning of geographical discovery, colonial conquest and slavery. In 1441 the Portuguese Antão Gonçalves seized slaves in Africa as a gift to Prince Henry the Navigator. Pope Eugene IV first granted "full absolution" to the invaders, but later still forbade the taking into slavery of "Christian converts". In spite of this the Christian mission and the slave trade developed in parallel, inevitably complementing each other. Slaves became an important commodity in the markets of medieval Europe. Missionaries were followed by traders and colonizers. In 1498 the ships of the Portuguese navigator Vasco da Gama sailed around the Cape of Good Hope and reached the shores of India. In 1505 the title of Viceroy of India was established and then the Jesuit trading posts and missions were founded in India. Moving further to the East the Portuguese organised factories in Malacca and began to trade with China. In 1542, by chance, a Portuguese ship landed on the coast of Japan south of Kyushu, marking the beginning of Europe's relations with Japan.

Key words: Europe, Jesuits, Japan, Christianity, trade.

DOI: 10.31857/S0201708322020139

REFERENCES

- Broderick James, Saint Francis Xavier, Doubleday & Co. Inc., N.Y. 1957.
- Coleridge Henry James, Ed. (1890) *The Life and Letters of St. Francis Xavier*, 2dEd., 2 Vols., Vol. II, Burns&Oates, L.
- Cooper M. (1974) *Rodriges the Interpreter*, Weatherhill, N.Y., Tokyo.
- Cooper M., Ed. (1965) *They Come to Japan. An Anthology of European Reports on Japan, 1543–1640*, University of California Press, Berkeley and L.A.
- Frous Luis. (2014) *The First European Description of Japan, 1585: A Critical English-Language Edition of Striking Contrasts in the Customs of Europe and Japan by Luis Frois, S.J.* Translated from the Portuguese and edited and annotated by R. Danford, R. Gill, and D. Reff, Routledge, N.Y.
- Moran J.F. (1993) *Japanese and the Jesuits Alessandro Vallignano in XVI century Japan*, Routledge, L. and N.Y.
- Reishauer Edvin Ed. (1974) *The Story of Nation*, Tuttle, Tokyo.
- Rodriges Joao *Historia da Igreja Japoa*, Macao.
- Ross A. (1994) *Vision Betrayed: The Jesuits in Japan and China, 1542–1742*, Maryknoll Orbis Books, N.Y.
- Sansom G. (1977) *A history of Japan 1334–1615*, Charles Tuttle Co., Tokyo.
- Tsunoda R., De Bary T., Keen D. (1958) *Sources of Japanese Tradition* Columbia University Press, N.Y.
- Valignano A. (1954) *Summario de las Cosas de Japon*. Ed. Alvarez-Taladriz Jos, *Monumenta Nipponica Monographs*.
- Valignano A. *Adicione del Summario*, 1592.
- Valignano A. *Historia del Principo y Progresso de la Compania de Jesus en las Indias Orientales 1542*.
- Vande-Walle Willy. (1994) *The language barrier in the history of Japanese-European relations*, Catholic University of Louvain, Kyoto.
- Yule Henry, ed., *The book of Ser Marco Polo, the Venetian*. Vol. II, John Murray, L., 1871.
-

УДК 341.215.2

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НПО В ЕС В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

© 2022 **РОЖИН Александр Александрович ***

Отдел социальных и политических исследований,

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

**E-mail: iulanov1@gmail.com*

Поступила в редакцию 08.12.2021

После доработки 19.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. В статье автор исследует современный конфликт между властями стран-членов ЕС и неправительственными гуманитарными организациями. Миграционный кризис уже много лет проверяет на прочность все сферы жизни европейского общества. Поставил он под вопрос и взаимодействие государств и гуманитарных организаций. На национальном уровне это проявилось в политике и уголовном преследовании деятельности НПО и волонтеров, занятых в поисково-спасательных операциях, которые власти приравнивают к контрабанде иммигрантов. Наднациональный уровень характеризует отсутствие установленных органами ЕС четких недвусмысленных границ между действиями контрабандистов и представителей гражданского общества. В данном исследовании определены общественные тенденции на примере отдельных дел, возбужденных против участников НПО в Европе, их политическая и законодательная значимость. Проведен анализ последних попыток законодательных органов ЕС устранить имеющиеся пробелы и перспектив дальнейших взаимоотношений конфликтующих сторон. Автор прослеживает основные линии противоречий государственных и негосударственных акторов в данной сфере и оценивает социальные последствия конфликта для европейского общества.

Ключевые слова: ЕС, НПО, поисково-спасательные операции, гуманитарная помощь, миграционный кризис, уголовное преследование.

DOI: 10.31857/S0201708322020140

Миграционный кризис ЕС стал серьезным экономическим и социальным вызовом, на который еще только предстоит найти полноценный ответ. Общее число легально прибывших по всем средиземноморским маршрутам в Европу за 2021 г. составило 123 318 чел. – больше на 30% по сравнению с 2020 годом¹. Что касается нелегальных иммигрантов, то в прошедшем году было зафиксировано около 172 тыс. незаконных пересечений границ по всей территории европейских стран в регионе Средиземноморья². Согласно данным Европола в свыше 90% случаев это результат деятельности контрабандистов³. В условиях коронавируса применение традиционных методов контрабанды усложнилось, что привело к росту организованной преступности, увеличению цен и в конечном счете доходов от этого нелегального бизнеса. Хотя фактор пандемии и снизил общее число мигрантов, прибывающих в Евросоюз, но коэффициент смертности остался на том же уровне и продолжает расти. Смертность среди тех, кто пытался пересечь Средиземноморье в 2021 г., составила 15 чел. на тысячу добравшихся, что уже превышает те же показатели за 2020 год⁴.

На протяжении последних лет происходит свертывание поисково-спасательных операций прибрежных стран ЕС, которые оказывают активное противодействие попыткам проведения таких операций со стороны представителей гражданского общества вплоть до уголовного преследования (внимание к чему активно привлекают правозащитники и исследователи⁵). С 2015 по 2021 г. возбуждено более 60 дел против гуманитарных НПО, в более чем 10 странах-членах, в первую очередь связанных с содействием проникновению нелегальных иммигрантов в ЕС⁶. Пик пришелся на 2018 г. Таким образом, произошло серьезное измене-

¹ Operational data portal. Refugee situation. Mediterranean Situation. URL:

<http://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean> (дата обращения: 03.03.2022)

² Migratory situation in Europe 2021 (Frontex). URL: <https://frontex.europa.eu/webpack/migratory-map/> (дата обращения: 04.03.2022)

³ European Migrant Smuggling Centre, 5th Annual Report – 2021 (Europol, 2021) URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-documents/european-migrant-smuggling-centre-5th-annual-report—2021> (дата обращения: 10.11.2021)

⁴ Operational data portal. Refugee situation. Mediterranean Situation. URL:

<http://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean> (дата обращения: 03.03.2022)

⁵ 1) The thematic Study on behalf of the Expert Council on NGO Law of the Conference of INGOs of the Council of Europe, 'Using criminal law to restrict the work of NGOs supporting refugees and other migrants in Council of Europe member states', December 2019; 2) Lina Vosyliūtė & Carmine Conte, 'Crackdown on NGOs and volunteers helping refugees and other migrants', ReSOMA, cit.; Sergio Carrera, Lina Vosyliūtė, Stephanie Smialowski, Jennifer Allsopp and Gabriella Sanchez, 'Update Study "Fit for purpose?" The Facilitation Directive and the criminalisation of humanitarian assistance to irregular migrants', Study for the EP Petitions Committee (PETI), European Parliament, December 2018; 3) European Union Agency for Fundamental Rights (FRA), 'Fundamental Rights Considerations: NGO.

⁶ Lina Vosyliūtė & Carmine Conte, 'Crackdown on NGOs and volunteers helping refugees and other migrants', Research Social Platform on Migration and Asylum (ReSOMA), Final Synthetic Report, June 2019, p. 32. URL:

ний взаимоотношений государств и неправительственных организаций в данной сфере.

Под уголовным преследование гуманитарных НПО в данном контексте мы понимаем широкий спектр действий государственных органов, начиная с обвинений в контрабанде и сопутствующих судебных разбирательств (дела ван Гестель, Биндера, Мардини и др.) и заканчивая законодательными инициативами, направленными на запрет оказываемой иммигрантам помощи (к примеру, венгерский пакет законопроектов «Стоп Сорос»). Цель данного исследования – выявить особенности и противоречия попыток уголовного преследования общественных организаций национальными властями в условиях отсутствия существенных и неоспоримых разграничений между контрабандой и оказанием гуманитарной помощи в ключевых документах ЕС и недостаточного стремления наднациональных органов Евросоюза урегулировать проблему.

Источник: таблица составлена на основании данных сайта Operational Data Portal. Mediterranean Situation. URL: <http://data2.unhcr.org/en/situations/mediterranean>

Политика европейских стран в сфере миграции стала темой множества исследований отечественных и зарубежных ученых. Е.С. Громогласова отмечает, что «приоритетом для объединенной Европы стало обеспечение безопасности собственных граждан, а не долговременное восстановление социальной стабильности в кризисных зонах современного мира» [Громогласова, 2018: 44]. Наряду с этим резко изменилось отношение прибрежных стран ЕС к усилиям гуманитарных организаций в этой сфере в сторону жесткой регламентации и даже преследования

[Столярова, 2020]. С начала миграционного кризиса происходила эскалация судебных преследований и проверок отдельных лиц и организаций на основании Директивы Совета об установлении определения для помощи незаконному въезду, транзиту и пребыванию (2002/90/ЕС)¹ в первую очередь во Франции, Италии и Греции [Vosyliūtė & Conte, 2018]. Основная часть судебных разбирательств связана с содействием во въезде иммигрантов в ЕС или их транзите через территорию стран-членов. Остальные дела имеют отношение к помощи в получении разрешений на пребывание и проживание [Vosyliūtė & Conte, 2018]. Происходит жесткое столкновение нравственных императивов и ценностных ориентиров Европейского союза с реальным отношением к иммигрантам, растут исламофобия, национализм и евроскептицизм [Арбатова и Кокеева, 2016]. Распространение этих идей усиливает позиции правых популистских партий, которые стремятся удержать примат национального суверенитета и интересов национальной безопасности при выстраивании миграционной политики [Биссон, 2019: 63]. В свете выхода новых документов ЕС, направленных на регуляцию миграционных потоков и дальнейшую эволюцию борьбы с контрабандой мигрантов (Обновленный план ЕС по борьбе с контрабандой мигрантов (2021–2025) и Рекомендации Европейской комиссии для реализации правил ЕС относительно определения и предотвращения содействия нелегальному проникновению, транзиту и пребыванию) крайне важно проследить причины и условия давления на гуманитарных акторов.

Законодательство ЕС оставляет за странами-членами право определять, что именно составляет основу такого правонарушения как контрабанда иммигрантов [Carrera & al., 2018]. Данное обстоятельство способствует уголовному преследованию гуманитарных НПО и волонтеров, работающих с ними.

Судебное преследование гуманитарных НПО на национальном уровне

На примере уголовных дел, возбужденных против Анук ван Гестель в Бельгии в 2017 г., Шона Биндера и Сары Мардини в Греции в 2019 г. можно проследить эскалацию преследований волонтеров НПО.

Первая подсудимая была обвинена в «преступлении солидарности» на основании попытки получить информацию о возможности трансфера несовершеннолетнего ребенка из Судана. Она была оправдана в декабре 2018 г., так как суд признал гуманитарную сущность ее действий и отсутствие материальных мотивов². Данный вердикт создал особый прецедент, так как он четко разграничил гуманитарную помощь и контрабанду и стал важным примером освобождения от

¹ Справочник по европейскому законодательству об убежище, границах и иммиграции URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Handbook_asylum_RUS.pdf (дата обращения: 11.11.2021)

² Aquital of Anouk van Gestel. URL: <https://www.mammoth.media/anouk-van-gestel-soulagement-pour-lhebergeuse-de-migrants/> (дата обращения: 03.03.2022)

уголовной ответственности по гуманитарным основаниям, указанном в Директиве о содействии иммигрантам. Решение суда резонирует с отчетом Комитета по вопросам правосудия по результатам введения поправок в отношении европейских обязательств применительно к содействию нелегальному въезду, транзиту или пребыванию¹.

Дело Шона Биндера и Сары Мардини является одним из крупнейших среди подобных. Они были обвинены в шпионаже, помощи сетям контрабандистов, участии в криминальной организации и отмывании денег за то, что приняли участие в поисково-спасательной миссии Международного центра по неотложному реагированию (ERCI). Позиция обвинения основана на том, что они не могли знать о местонахождении спасенных ими мигрантов и о необходимости их спасения, и такая информация могла быть получена исключительно в результате шпионажа за властями. Также спасение не может являться актом гуманитарной помощи, если о его необходимости было известно заранее². Расследование еще идет, каким бы ни было решение по данному резонансному делу, оно будет иметь огромное значение для текущих и последующих исков в отношении гуманитарных организаций на территории всего ЕС.

Указанные расследования не являются единичными случаями уголовного преследования неправительственных организаций и волонтеров, оказывающих гуманитарную помощь мигрантам. Так, в 2016 г. пять волонтеров «Прозэм-Эйд» (*PROEM-AID*) вместе с тремя представителями «Команды милосердия» (*Team Humanity*) были обвинены в незаконном ввозе нелегальных иммигрантов в Грецию в 2016 г. [Guild, 2016]. Десять волонтеров поисково-спасательного судна «Ювента» (*Iuventa*) предстали перед судом в 2017 г. в связи с подозрениями в пособничестве организованной преступности и подстрекательстве к нелегальной миграции. Все они были оправданы в течение года, но далеко не все подобные дела разрешаются в пользу НПО. В 2018 г. два представителя НПО под названием «Брианкон 7» (*Briancon 7*) были приговорены к четырем месяцам тюремного заключения за оказание помощи нелегальным иммигрантам в преодолении французской границы в Альпах, 5 других членов организации получили 6 месяцев домашнего ареста.

Есть и более запутанные случаи, например, дело о нелегальном ввозе албанской семьи в Британию в 2017 г. 25-летний волонтер был приговорен к 14 месяцам лишения свободы, но решение суда было оспорено на основании того, что его действия можно квалифицировать как «ошибочный гуманитаризм», то есть действия из гуманных побуждений, но вступившие в противоречие с законом³. Общее число

¹ Annual Report 2016 Trafficking and smuggling of human beings by Federal Migration Center. URL: https://www.myria.be/files/PART_3.1.pdf (дата обращения: 11.11.2021)

² Greece: humanitarian workers' lives remain on hold as trial is adjourned. URL: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2021/11/sean-binder-and-sarah-mardinis-lives-remain-on-hold-as-trial-is-adjourned/> (дата обращения: 03.03.2022)

³ Fekete, L., F. Webber and A. Edmond-Pettitt (2017), Humanitarianism: the unacceptable face of solidarity, Institute of Race Relations, London URL: http://s3-eu-west2.amazonaws.com/wpmedia.outlandish.com/irr/2017/11/10092853/Humanitarianism_the_unacceptable_face_of_solidarity.pdf (дата обращения: 08.11.2021)

судебных разбирательств в этой сфере за период с 2015 по 2021 гг. – 58, из которых семь еще не завершены¹.

Действия отдельных граждан классифицируются как незаконные на государственном уровне, несмотря на существование гуманитарных исключений в законодательстве [Allsopp, 2016]. Очевидно, что данные исключения не интерпретируются и не реализуются в соответствии со своим настоящим смыслом. В Греции и Италии сущность гуманитарной помощи не раскрыта в законе, поэтому судьи сталкиваются с препятствиями в процессе определения действительно легитимных случаев применения исключений [Bozeat, 2016].

В Италии особенность гуманитарного положения характеризуется еще и географическим ограничением, которое не учитывает действия, происходящие на границах страны [Прохоренко, 2016]. То есть гуманитарным считается только то действие, которое совершено во внутренних водах страны. Таким образом, данные гуманитарные исключения на практике не достигают своей цели – защиты действий НПО и волонтеров.

Ответчики в делах Биндера и Мардини, ван Гестель, волонтеров «Проэм-Эйда», «Ювенты» и других совершали свои действия без финансовой и материальной выгоды. Протокол ООН о контрабанде мигрантов (2018) определяет контрабанду как намеренный акт «с целью получения прямого или косвенного финансового или другого материального блага»². Под данное определение действия волонтеров не подпадают [Maher, 2018]. Тем не менее вполне возможно найти основания для того, чтобы обвинить спасателя в получении выгоды. Так, к этой категории может относиться передача волонтерам еды, питья или средств спасения мигрантами. Это свидетельствует о том, что на практике данного условия недостаточно, чтобы освободить работников поисково-спасательных миссий от уголовной ответственности. Интерпретация в каждом отдельном деле находится в компетенции судьи.

Кроме того, иногда сам факт получения экипажем поисково-спасательных судов и работников НПО зарплаты за свою деятельность воспринимается как извлечение прибыли из бедствующего положения иммигрантов и потому становится основанием для сравнения с торговлей людьми и контрабандой [Bird, 2020]. Если обратиться к тексту Протокола о контрабанде, то уголовное преследование гуманитарных акторов никогда не являлась его целью³. Поэтому многие европейские правозащитники и исследователи призывают к тому, чтобы была проведена более четкая линия между волонтерской помощью мигрантам и контрабандой. Так, спасатели не получают финансовой или материальной выгоды от каждого

¹ Borderline Europe, Criminalisation of flight and escape aid, March 2021.

² Protocol against the smuggling of migrants by land, sea and air. UN, 2002. URL: https://www.unodc.org/documents/middleeastandnorthafrica/smuggling-migrants/SoM_Protocol_English.pdf (дата обращения: 10.11.2021)

³ Interpretative notes, A /55/383/Add.1, 3 November 2000, para. 88. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/A/55/383/Add.1> (дата обращения: 10.11.2021)

отдельного случая транспортировки [Brachet, 2018]. Вместо этого они получают зарплату, которая не зависит от того, кто был спасен и в каком количестве, хотя в целом она имеет отношение к выполняемой работе. Каррера определяет данное отличие как разницу между справедливым и несправедливым обогащением [Carrega, 2018].

Проблема несправедливого уголовного преследования поисково-спасательных операций и гуманитарной помощи иммигрантам в Европе имеет большое значение для европейских социальных ценностей, социального доверия и солидарности. Меры, направленные против любого взаимодействия с нелегальными иммигрантами, укрепляют чувство стигматизации иммигрантов, подрывая их доверие к власти и обществу, к легальным способам самореализации. Существенное число разбирательств (более 60) в отношении НПО на территории многих стран Евросоюза можно трактовать как попытки установить контроль над деятельностью институтов гражданского общества и помешать его функции наблюдения за реализацией прав человека.

Наднациональный уровень законодательного регулирования

Указанные тенденции подчеркивают острую необходимость активных действий со стороны ЕС на наднациональном уровне для того, чтобы разграничить борьбу с незаконной миграцией и незаконным преследованием гуманитарной деятельности представителей гражданского общества. Одна из таких попыток отражена в Обновленном плане ЕС по борьбе с контрабандой мигрантов (2021–2025)¹. Новый план сконцентрирован на усилении кооперации между странами и международными организациями и борьбе с новыми формами, такими как цифровая контрабанда. Несмотря на обновление всех аспектов данного плана в соответствии с современной ситуацией, один остается без должного внимания – защита гуманитарных организаций от уголовного преследования на основании участия в контрабанде иммигрантов. Игнорируя обращения правозащитников и призывы к прояснению различий между деятельностью контрабандистов и НПО, Европейская комиссия действует в пределах своей компетенции. Из текста документа следует, что работу НПО, направленную на помощь мигрантам, не следует приравнивать к действиям контрабандистов. Некоторые формулировки четко указывают на то, что гуманитарная помощь «никогда не должна быть объектом уголовного преследования»². Затем следует предложение странам ЕС ввести на законодательном уровне положения, подтверждающие разграничения между контрабандой и деятельностью НПО. Комиссия не может в данном вопросе регламентировать законодательную деятельность национальных государств. Тем не менее она могла

¹ A renewed EU action plan against migrant smuggling (2021-2025) Brussels, 29.9.2021 COM(2021) 591 final URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/renewed-eu-action-plan-against-migrant-smuggling-2021-2025-com-2021-591_en (дата обращения: 10.11.2021)

² Там же.

бы предложить четкую недвусмысленную интерпретацию (в отличие от Директивы 2002/90/ЕС) различий между законной и криминальной деятельностью, к которой могли бы обратиться судебные и законодательные органы стран членов ЕС. В многостраничном документе данная проблема рассмотрена только в нескольких абзацах, что может создать неверное впечатление о периферийности и малой значимости вопроса.

Еще одним важным документом, касающимся уголовного преследования гуманитарных акторов, стали Рекомендации Европейской комиссии по реализации правил ЕС относительно определения и предотвращения содействия нелегальному проникновению, транзиту и пребыванию¹. В них Еврокомиссия признает существование враждебных условий для деятельности гуманитарных НПО ввиду отсутствия четкого определения контрабанды иммигрантов. Тем не менее никаких существенных попыток изменить ситуацию она не предприняла. В тексте отмечена первая всеобъемлющая попытка оценки Пакета законопроектов о содействии иммигрантам, предпринятая в 2017 г. Рекомендации не устраняют ключевой проблемы, которая изначально обусловила необходимость издания рекомендаций, – неясность границы между контрабандой и гуманитарной помощью. Кроме того, документ призывает страны-члены, еще не реализующие освобождение от уголовной ответственности на основании гуманитарного положения в своем законодательстве, сделать это и приводит пример Италии, где действует данное правило. Однако именно Италия является одной из нескольких стран, где за последние несколько лет возбуждено больше всего дел, связанных с поисково-спасательными НПО, обвиненными в контрабанде.

* * *

Миграционный кризис заставил страны-члены ЕС пересмотреть свое отношение как к своей иммиграционной политике, так и к представителям гражданского общества, оказывающим гуманитарную помощь беженцам и иммигрантам. На национальном уровне благосклонное отношение сменилось на недоброжелательное и откровенно враждебное, что можно наблюдать на примере большого числа судебных преследований НПО, волонтеров, религиозных лидеров и др. В большинстве случаев окончательное решение суда – оправдание – свидетельствует либо о неэффективности антиконтрабандной политики местных властей, которая препятствует правомерным действиям НПО, либо о политическом характере обвинений. Вопрос интерпретации и разграничения контрабанды иммигрантов и гуманитарной деятельности встал со всей очевидностью. Правопопулистские партии в странах ЕС

¹ Commission Guidance on the implementation of EU rules on definition and prevention of the facilitation of unauthorised entry, transit and residence Brussels, 23.9.2020 C(2020) 6470 final. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/commission-guidance-implementation-facilitation-unauthorised-entry_en.pdf (дата обращения: 11.11.2021)

активно поддерживают негативное отношение общества к иммигрантам и организациям им помогающим. Они стремятся сохранить компетенцию толкования законодательства в этой сфере за местными властями. В то же время Евросоюз, с одной стороны, заявляет о недопустимости уголовного преследования гуманитарных организаций, а с другой, — не предпринимает достаточных мер для того, чтобы устранить недоразумения и неясности, внесенные еще Пакетом законопроектов о содействии иммигрантам в начале 2000-х гг. Вполне обосновано сомнение, что существующие проблемы смогут решить последние принятые в этой сфере документы: Обновленный план ЕС по борьбе с контрабандой мигрантов (2021–2025) и Рекомендации Европейской комиссии для реализации правил ЕС относительно определения и предотвращения содействия нелегальному проникновению, транзиту и пребыванию.

В связи с этим попытки ограничить и даже классифицировать как преступную деятельность гуманитарных НПО превратились в системный феномен. Дела против НПО стали одним из симптомов гораздо более глубоких проблем в европейском обществе, противопоставления ценности жизни гражданина ЕС ценности жизни иммигранта. Учитывая вновь растущее (с учетом украинского кризиса) число иммигрантов, а соответственно и потенциальных реципиентов помощи этих организаций, данная проблема и в дальнейшем не уйдет из повестки дня на национальном и наднациональном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арбатова Н.К., Кокеев А.М., ред. (2016) ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран. ИМЭМО РАН, Москва. 52 с.

Биссон Л.С. (2019) Миграция вновь нарушает единство Евросоюза, *Европейский Союз: факты и комментарии*, № 94. С. 60–64.

Громогласова Е.С. (2018) Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. ИМЭМО РАН, Москва. 124 с.

Прохоренко И.Л. (2016) Внешнеполитическая стратегия Европейского Союза и проблема регулирования миграционного кризиса. Год планеты: ежегодник. Барановский В.Г., Соловьев Э.Г., ред. Идея-Пресс, Москва. С. 178–186.

Столярова У.А. (2020) Роль НПО в поисково-спасательных операциях в условиях миграционного кризиса Европейского союза. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. DOI: 10.20542/afij-2020-3-77-91

Allsopp, J. and Manieri, M.G. (2016) ‘The EU Anti-Smuggling Framework: Direct and Indirect Effects on the Provision of Humanitarian Assistance to Irregular Migrants’, in: Carrera, S. and E. Guild (eds.) ‘Irregular migration, trafficking and smuggling of human beings: Policy dilemmas in the EU’, CEPS, Brussels, pp. 81–93.

Bird, G., J. Obradovic-wochnik, A. R. Beattie, and P. Rozbicka. (2020) The ‘badlands’ of the ‘Balkan Route’: Policy and spatial effects on urban refugee housing. *Global Policy, Special Issue Article*, 12(S2): pp. 1–13.

Bozeat, N., S. Petronella, J. Behrens, M. Labayle, N. Rossella (ICF International) (2016) "Evaluation and Impact Assessment Study on a proposal for a revision of the EU legal

framework related to the facilitation of irregular migration (migrant smuggling)" ICF International 2016.

Brachet, J. (2018) Manufacturing Smugglers: From Irregular to Clandestine Mobility in the Sahara, *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, Vo. 676, No. 1, pp. 16–35.

Carrera, S., J. Allsopp, & L. Vosyliūtė, (2018) Policing the mobility society: the effects of EU anti-migrant smuggling policies on humanitarianism. *International Journal of Migration and Border Studies*, 4(3), pp. 236–276.

Carrera, S., N. Hernanz and J. Parkin (2013) The ‘Lisbonisation’ of the European Parliament Assessing progress, shortcomings and challenges for democratic accountability in the area of freedom, security and justice, CEPS Paper in Liberty and Security in Europe, No. 58, CEPS, Brussels, September.

Guild, E. (eds.) (2016) Irregular Migration, Trafficking and smuggling of human beings, CEPS, Brussels.

Maher, S. (2018) Out of West Africa: Human Smuggling as a Social Enterprise. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 676: pp. 36–56.

Norman, K. P. (2020) Migration diplomacy and policy liberalization in Morocco and Turkey. *International Migration Review* 54 (4):1–26. doi:10.1177/0197918319895271.

Sanchez, G. (2018), Five Misconceptions Concerning Smuggling, Policy Brief Series, 2018/07, Migration Policy Centre, Florence: European University Institute, May.

Criminal Persecution of NGOs in EU in the Context of Migrant Crisis

A.A. Rozhin *

*Department of social and political studies,
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. 11-3, Mokhovaya street,
Moscow, Russia, 125009.*

***E-mail:** iulanov1@gmail.com

Abstract. The author analyses the contemporary conflict between the governments of EU-members and nongovernmental organizations. Migrant crisis has remained a tough challenge for all areas of European society for many years. It calls into question the latest trends in interaction between NGOs and local authorities in EU. On the national level there have been many attempts to persecute actions of volunteers and the whole organizations engaged in search and rescue missions or other forms of migrant support. They are often accused of smuggling in an attempt to hinder ongoing operations and discourage future endeavors. On the supranational level EU legislative bodies remain unsuccessful in the mission to establish clear and unambiguous boundaries between actions of smugglers and civil society actors. This research defines union-wide tendencies illustrated by the numerous cases against nongovernmental organizations in Europe, their political and statutory relevance. The author explores the latest attempts of EU law-making bodies to eliminate existing contradictions and redefine the outlook of fu-

ture interactions between conflicting parties. A significant attention is paid to the major controversies between governmental and nongovernmental actors in the field of migration and to the potential socio-political consequences for European society.

Keywords: EU, NGO, Search-and-Rescue missions, humanitarian help, migrant smuggling, migrant crisis, criminal persecution.

DOI: 10.31857/S0201708322020140

REFERENCES

Allsopp, J. and Manieri, M.G. (2016) ‘The EU Anti-Smuggling Framework: Direct and Indirect Effects on the Provision of Humanitarian Assistance to Irregular Migrants’, in: Carre-ra, S. and E. Guild (eds.) (2016), “Irregular migration, trafficking and smuggling of human beings: Policy dilemmas in the EU”, CEPS, Brussels, pp. 81–93.

Arbatova N.K., Kokeev A.M. (eds.) (2016) ES pered vyzovom migratsionnogo krizisa. Pozitsii evropeiskikh stran [EU in the face of the migration crisis. Positions of european countries]. Moscow, IMEMO RAN, 52 p. DOI:10.20542/978-5-9535-0462-1 (In Russian).

Bird, G., J. Obradovic-wochnik, A. R. Beattie, and P. Rozbicka. (2020) The ‘badlands’ of the ‘Balkan Route’: Policy and spatial effects on urban refugee housing. *Global Policy, Special Issue Article*, 12(S2), pp. 1–13.

Bisson L.S. (2019) Migratsiya vnov narushaet edinstvo Evrosoyuza [Migration breaks the unity of EU again]. *Evropeyskiy Soyuz: fakti i kommentarii*, No 94, pp. 60–64. (In Russian).

Bozeat, N., S. Petronella, J. Behrens, M. Labayle, N. Rossella (ICF International) (2016), "Evaluation and Impact Assessment Study on a proposal for a revision of the EU legal framework related to the facilitation of irregular migration (migrant smuggling)" ICF International 2016.

Brachet, J. (2018), Manufacturing Smugglers: From Irregular to Clandestine Mobility in the Sahara, *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 676, No. 1, pp. 16–35.

Carrera, S., J. Allsopp, & L. Vosyliūtė, (2018), Policing the mobility society: the effects of EU anti-migrant smuggling policies on humanitarianism. *International Journal of Migration and Border Studies*, 4(3), pp. 236–276.

Carrera, S., N. Hernanz and J. Parkin (2013) The ‘Lisbonisation’ of the European Parliament Assessing progress, shortcomings and challenges for democratic accountability in the area of freedom, security and justice, CEPS Paper in Liberty and Security in Europe, No. 58, CEPS, Brussels, September.

Gromoglasova E.S. (2018) Gumanitarnaya diplomatya v sovremennuh mezhdunarodnyh otnoshenyah: oput sistemnogo issledovanya. [Humanitarian diplomacy in modern international relations: experience of the systematic research]. IMEMO RAN, Moscow, 124 p. (In Russian).

Guild, E. (eds.) (2016) Irregular Migration, Trafficking and smuggling of human beings, CEPS, Brussels.

Maher, S. (2018) Out of West Africa: Human Smuggling as a Social Enterprise. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 676, pp. 36–56.

Norman, K. P. (2020) Migration diplomacy and policy liberalization in Morocco and Turkey. *International Migration Review* 54 (4), pp. 1–26. doi:10.1177/0197918319895271.

Prokhorenko I.L. (2016) Vneshnepoliticheskaya strategiya Evropeiskogo Soyuza i problema regulirovaniya migratsionnogo krizisa [Foreign Policy Strategy of the European Union and the Problem of Regulating the Migration Crisis]. *God planety: ezhegodnik*, 2016. Baranovskii V.G., Solov'ev E.G., eds. Moscow, Ideya-Press, pp. 178–186. (In Russian).

Sanchez, G. (2018), Five Misconceptions Concerning Smuggling, Policy Brief Series, 2018/07, Migration Policy Centre, Florence: European University Institute, May.

Stolyarova U. (2020) Rol NPO v poiskovo-spasatelnykh operatsiyah v usloviyah migratsionno krizisa Evropeyskovo soyuza. Analiz i prognoz. [Role of NGOs in search and rescue operations in the context of migration crisis in EU. Analysis and forecast]. *Journal IMEMO RAN*. DOI: 10.20542/afij-2020-3-77-91 (in Russian).

УДК 327

СТРАТЕГИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА ЕС: ПЕРВЫЕ ШАГИ К ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

© 2022 ИСЛАМОВ Дамир Римович*

Институт международных отношений Казанского (Приволжского)
Федерального университета. 420008, Казань, ул. Пушкина, д. 1/55.

*E-mail: dam1948@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.12.2021

После доработки 16.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. Автор рассматривает основные направления гендерной политики ЕС, обозначенные в Стратегии по продвижению гендерного равенства на период 2020–2025 гг. Она была опубликована в марте 2020 г. и стала результатом председательства в Европейской комиссии Урсулы фон дер Ляйен. Ключевой целью документа стало достижение гендерного равновесия в Европе посредством искоренения гендерного насилия, дискриминации по признаку пола и неравенства между женщинами и мужчинами. В сфере гендерного равенства ЕС позиционирует себя как мирового лидера, но существуют определённые разногласия между странами-членами ЕС относительно интерпретации ключевых понятий. В частности, это относится к Польше и Венгрии, ставшими негласными лидерами «движения неприсоединения» к нынешней гендерной идеологии. Цель исследования – анализ основных положений новой стратегии по продвижению гендерной политики Евросоюза. В статье также рассмотрено влияние гендерной повестки Брюсселя на западнобалканские государства, находящиеся в рамках политики расширения. Автор делает вывод о том, что повышение представительства женщин в политике и бизнесе останется одной из основных задач и точек противоречий в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: гендер, гендерная политика, гендерное равноправие, Стратегия гендерного равенства, Европейский союз, Европейская комиссия.

DOI: 10.31857/S0201708322020152

С 2010-х гг. тезис о гендерном равенстве все чаще стал входить в лексикон мировых политиков, особенно Западной Европы и США. Однако до сих пор нет однозначного ответа на вопрос, что же считать «гендером». Классическое определение гендера дано Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Согласно сайту ор-

ганизации, понятие «гендер» используется для описания тех характеристик мужчин и женщин, которые являются социально приобретенными, например, норм, ролей и существующих между ними отношений¹. Особо отмечено, что «важно признать существование лиц, которые не вписываются в бинарную систему категорий мужского и женского полов», включая трансгендерных и интерсексуальных лиц². Даже если мы исходим из этой дефиниции, то здесь сразу же всплывает множество подводных камней в рамках гендерной политики.

Евросоюз позиционирует себя в качестве глобального лидера в сфере гендерного равенства. Усиление позиций Евросоюза стало происходить после того, как президентом США стал Д. Трамп (2017–2021). Для него это направление было явно второстепенным. Более того, в ЕС гендерная политика стала превращаться в одну из ключевых после утверждения на посту нового председателя Европейской комиссии (ЕК) Урсулы фон дер Ляйен в 2019 г. Чтобы оценить меры, предпринимаемые в рамках гендерной политики ЕС, необходимо изучить противоречия, существующие между странами-членами ЕС по данной повестке, рассмотреть, исходя из Стратегии гендерного равенства 2020–2025 гг., основные направления деятельности ЕС в этой сфере, которые Брюссель постепенно внедряет в европейскую повестку, а также определить влияние гендерной повестки на процесс расширения ЕС.

Стратегия ЕС 2020–2025 гг. проанализирована сквозь призму конструктивизма, исходя из того, что структура гендерной политики конструируется благодаря социально-политической практике институтов и стран-членов ЕС. Брюссель через данный документ формирует смысл гендерной повестки, в рамках которого агенты (страны-члены, страны-кандидаты) должны будут осуществлять эту политику на практике и внедрять в свое национальное законодательство.

Существует ли солидарность в Евросоюзе по гендерному равенству?

Во время своей первой официальной речи в Европарламенте У. фон дер Ляйен заявила о желании достичь полного гендерного равенства в Еврокомиссии. Кроме того, будущий председатель пожелала, чтобы в состав лидеров, которые возглавят основные институты ЕС, осуществляющие исполнительные/административные функции, входило равное количество женщин и мужчин. При этом она призвала страны-члены ЕС и другие государства предпринять такие же смелые шаги в этом направлении [Schepereel, 2021]. Подобная риторика со стороны У. фон дер Ляйен была вполне ожидаемой, так как в разных правительствах Германии она занимала должности министра по делам семьи (2005–2009), министра труда и социальных вопросов (2009–2013). Также она стала первой женщиной в ФРГ, которая возглавила министерство обороны (2013–2019).

¹ Гендер. Основные факты. Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/gender> (дата обращения: 27.12.2021)

² Там же.

В Стратегии гендерного равенства 2020–2025 гг. упомянута классическая бинарная система категорий мужского и женского полов. При этом не были отмечены так называемые нетрадиционные небинарные гендерные идентичности, которые не определяют себя ни мужчиной, ни женщиной. Скорее всего, это было сделано из-за опасения, что некоторые страны Центральной и Юго-Восточной Европы проигнорируют новую стратегию. Например, до сих пор 6 стран-членов ЕС – Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Словакия, Чехия – все еще не ратифицировали Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульскую конвенцию). Это базовый документ, на который опирались и опираются стратегии гендерной политики ЕС. В текущей стратегии указано, что первым и наиболее важным шагом является завершение присоединения ЕС к Стамбульской конвенции¹.

Для разъяснения позиций Стамбульской конвенции Брюссель опубликовал брошюру, в которой говорится, что слово «гендер» не заменяет понятия «женщина» и «мужчина». Согласно документу, конвенция не пропагандирует какую-либо гендерную идеологию. Понятие гендера используется, чтобы подчеркнуть, что женщины чаще подвергаются насилию².

Однако в любом случае Стамбульская конвенция и новая гендерная стратегия ЕС не дают четкого определения гендера. Следовательно, некоторые государства опасаются, что в дальнейшем понятие «гендер» при включении в национальное законодательство может привести к широким трактовкам. Это может вылиться во внешнее давление на государство с точки зрения внесения поправок в местные законы. Ввиду этого в последние годы в Евросоюзе образовалось содружество лидеров движения неприсоединения к идеям гендерной политики – Польша и Венгрия.

В 2015 г. при правлении либерально-центристской партии «Гражданская платформа» была ратифицирована Стамбульская конвенция. Однако после прихода к власти правоконсервативной партии «Право и справедливость» правительство страны объявило о намерении выйти из конвенции. Особенно активно против документа выступает министр юстиции Збигнев Жиобро, заявляя, что конвенция продвигает в стране гендерную идеологию [Psatha, 2021].

В 2020 г. венгерский парламент отказался ратифицировать Стамбульскую конвенцию. В заявлении отмечалось, что она пропагандирует «деструктивные гендерные идеологии». Более того, в декабре 2020 г. депутаты парламента, где большинство мест у партии премьер-министра Венгрии Виктора Орбана ФИДЕС, приняли

¹ A Union of Equality: Gender Equality Strategy 2020-2025. European Commission. 05.03.2020. P. 4. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0152&from=EN> (дата обращения: 28.12.2021)

² What is the Istanbul Convention? European Commission and Council of Europe. 2020. P. 2. URL: <https://ec.europa.eu/justice/saynostopvaw/downloads/materials/pdf/istanbul-convention-leaflet-online.pdf> (дата обращения: 28.12.2021)

поправку к конституции Венгрии, предусматривающую, что мать – это женщина, а отец – мужчина¹.

Наиболее важные направления Стратегии 2020–2025 гг.

Освобождение от насилия. Согласно стратегии, 33% женщин испытывали на себе физическое и/или сексуальное насилие, 22% имели опыт насилия со стороны близкого партнера, а 55% подвергались сексуальным домогательствам. В связи с этим Еврокомиссия предлагает присоединиться к Стамбульской конвенции в полном составе, однако если это не получится, то выработать уже схожие принципы в рамках ЕС². Разумеется, такое примечание относится к той ситуации, когда часть стран-членов, несмотря ни на какое давление, не ратифицируют конвенцию, если только там не сменится курс правящей элиты.

Стремясь решить проблему насилия в сентябре 2021 г. У. фон дер Ляйен во время выступления в Европарламенте сообщила, что Еврокомиссия предложит проект Акта о борьбе с насилием в отношении женщин как в виртуальном, так и в реальном пространствах. Он будет включать профилактику, защиту и эффективное судебное преследование. Соответствующее предложение, по ее уверениям, должно было быть внесено к концу 2021 г., однако этого не произошло. Предполагалось, что проект будет выдвинут весной 2022 г.³

В дополнение к вышесказанному, в декабре 2021 г. Еврокомиссия выдвинула инициативу о необходимости распространения списка преступлений в рамках статьи 83(1) Договора о функционировании ЕС на все формы преступлений на почве возбуждения ненависти и высказываний, разжигающих ненависть по признакам пола, расы, религии или сексуальной ориентации⁴.

Устранение гендерного разрыва в оплате труда. Женщины в ЕС по-прежнему зарабатывают в среднем меньше, чем мужчины. Согласно статистике, гендерный разрыв в оплате труда в ЕС составляет 15,7%, а в пенсиях – 30,1%⁵. Факторы, лежащие в основе разрыва в оплате труда, различны: женщины чаще работают неполный рабочий день, сталкиваются с корпоративным «стеклянным потолком», трудятся в более низкооплачиваемых секторах и часто должны нести основную ответственность за заботу о своих семьях [Говорова, 2020: 34].

¹ Ruling Parties Vote in 9th Constitutional Amendment. MTI-Hungary Today. 15.12.2020. URL: <https://hungarytoday.hu/fidesz-kdnp-govt-vote-adopt-9th-constitutional-father-mother> (дата обращения: 28.12.2021)

² A Union of Equality, Op. cit. P. 4.

³ Gender-based cyberviolence: Parliament calls for EU law to tackle the problem. Press Release. European Parliament. 14.12.2021. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20211210IPR19215/gender-based-cyberviolence-parliament-calls-for-eu-law-to-tackle-the-problem> (дата обращения: 28.12.2021)

⁴ The Commission proposes to extend the list of 'EU crimes' to hate speech and hate crime. Press Release. European Commission. 9.12.2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_6561 (дата обращения: 28.12.2021)

⁵ A Union of Equality, Op. cit. P. 11.

Разница в оплате также зависит от гендерных стереотипов. Для борьбы с этим ЕС продвигает программу «Граждане, равенство, права и ценности» (CERV¹) с удвоением бюджета до 1,5 млрд. евро на 2021–2027 гг.² В первую очередь финансовая помощь выделяется для проектов, осуществляемых институтами гражданского общества в странах-членах Евросоюза. Например, на период 2021–2022 гг. Брюссель выделил более 70 млн евро для содействия развитию проектов по предотвращению гендерного насилия и насилия в отношении детей, а также по поощрению равенства и борьбы с расизмом, ксенофобией и дискриминацией³. Помимо этого, в 2022 г. появился новый раздел, посвященный проектам по продвижению повестки гендерного равенства (борьба с гендерными стереотипами, права женщин, учет гендерной проблематики и т.п.), объем финансирования которого составляет 6,8 млн евро⁴.

Одним из предложений по сокращению гендерного разрыва в оплате труда, выдвинутых ЕК в марте 2021 г., является создание прозрачной системы оплаты труда (pay transparency). В декабре 2021 г. Совет ЕС утвердил свою позицию, связанную с инициативой ЕК⁵. Например, работодатели должны будут предоставлять информацию о первоначальном уровне заработной платы или ее диапазоне в объявлениях о вакансиях или перед собеседованием. Также работники будут иметь право запрашивать у своего работодателя информацию об индивидуальном и среднем уровнях оплаты труда, исходя из половой принадлежности, для категорий работников, выполняющих одинаковую работу или работу равной ценности и т.п.

Другим направлением деятельности является сокращение разрыва в размере пенсий. В 2019 г. в Евросоюзе был предложен Общеввропейский персональный пенсионный продукт (PEPP), который будет действовать на добровольной основе и дополнять существующие государственные и корпоративные пенсионные системы⁶. Данный проект позволит гражданам стран-членов ЕС откладывать средства на будущую пенсию, независимо от того, на какой территории ЕС они работают. Подчеркивается, что этот продукт будет особенно интересен для мобильных работни-

¹ 9 New CERV Programme Calls for Proposals to Apply in 2021. EU Calls. 20.05.2021. URL: <https://eucalls.net/blog/cerv-programme-calls> (дата обращения: 28.12.2021)

² Citizens, equality, rights and values programme (2021-2027). European Commission. 18.06.2021. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/LSU/?uri=CELEX:32021R0692> (дата обращения: 28.12.2021)

³ New calls for proposals published under the CERV and justice programmes. European Commission. 16.12.2021. URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/just/items/728082/en> (дата обращения: 28.12.2021)

⁴ Там же.

⁵ Council agrees on common position to tackle gender pay gap. Council of the European Union. 6.12.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/12/06/council-agrees-on-common-position-to-tackle-gender-pay-gap/> (дата обращения: 28.12.2021)

⁶ EU-wide retirement savings possible as of 2022. EIOPA. 25.06.2021. URL: https://www.eiopa.europa.eu/browse/pensions/pan-european-personal-pension-product-pepp_en (дата обращения: 28.12.2021)

ков, которые перемещаются между разными странами в Европе. Запуск первых пенсионных продуктов (PEPP) такого типа планируется весной 2022 г.

Равное представительство в общественных отношениях, особенно в политической сфере и бизнесе. Фактически гендерное равенство соблюдается только в составе Еврокомиссии, где доля женщин и мужчин практически равны (48,1% против 51,9%)¹. Заявленная ранее квота на 40% депутатов Европарламента также была почти выполнена (сейчас 39,3%). Однако в 13 из 27 стран-членов ЕС по состоянию на 2020 г.², преимущественно в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, этот показатель ниже общесоюзного. Очевидно, следуя политике гендерного равенства, после смерти прежнего председателя Европарламента Д. Сассоли в качестве нового председателя в январе 2022 г. была избрана Роберта Метсола из Мальты³. Она стала первой женщиной во главе Европарламента за последние два десятилетия.

Более низкие доли представительства женщин существуют в национальных парламентах. К условной 40%-й квоте подобралась только 8 из 27 стран-членов ЕС⁴, а в 14 странах этот показатель ниже 30%. В 2020 г. в среднем 32,7% депутатов в национальных парламентах составляли женщины, а лидерами в списке стран являлись скандинавские страны – Швеция и Финляндия (49,6 и 46%)⁵. Схожая ситуация проявляется и в национальных правительствах стран-членов ЕС. 40%-ю квоту преодолели только 7 из 27 стран-членов⁶. Бесспорно, можно произвольно установить любые квоты по представительству, одновременно, рождается другая дискриминация. Выбор строится не на основе профессиональных компетенций, а по принципу прокрустового ложа, то есть желания подогнать что-либо под жесткие рамки.

Как влияет гендерная политика Брюсселя на процесс расширения?

Повестка гендерного равенства влияет на политику расширения ЕС, в частности, в отношении стран-кандидатов. В активной фазе ведутся переговоры о вступлении в ЕС с Черногорией и Сербией, с Албанией и Северной Македонией начало переговорного процесса было утверждено в 2020 г. Элементы политики гендерного равенства включены в главы 19 (социальная политика и занятость), 23 (судебная власть и основные права) и 24 (правосудие, свобода и безопасность) переговорного

¹ Statistical brief: gender balance in politics 2020. European Institute for Gender Equality. 17.05.2021. P. 1. URL: <https://eige.europa.eu/publications/statistical-brief-gender-balance-politics-2020> (дата обращения: 28.12.2021)

² Бельгия, Венгрия, Дания, Польша, Чехия, Мальта, Болгария, Эстония, Литва, Греция, Словакия, Румыния, Республика Кипр.

³ Roberta Metsola elected new President of the European Parliament. European Parliament. 18.01.2022. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220114IPR21012/roberta-metsola-elected-new-president-of-the-european-parliament> (дата обращения: 19.01.2022)

⁴ Швеция, Финляндия, Испания, Бельгия, Франция, Дания, Португалия, Австрия.

⁵ Statistical brief, Op. cit. P. 2.

⁶ Финляндия, Австрия, Бельгия, Швеция, Испания, Дания, Португалия.

досье [Lilyanova, 2018: 2]. Об оценке Брюсселем процесса внедрения повестки гендерного равенства в регионе говорят доклады, публикуемые Еврокомиссией по ситуации в каждой стране. Согласно данным, наиболее близкие цифры к средним показателям ЕС в Албании и Сербии. Стоит отметить, что наименьший гендерный разрыв приходится на Черногорию, однако в этой стране достаточно низкий общий уровень занятости, особенно среди женщин. Наиболее слабые показатели среди стран-кандидатов у Северной Македонии, чей гендерный разрыв составляет почти 20%.

Таблица 1
Уровень занятости населения в возрасте 20-64 лет в 2020 г. (%)

	ЕС (среднее)	Албания	Северная Македония	Сербия	Черногория
Мужчины	78,0	74,0	68,9	72,9	61,7
Женщины	67,0	58,8	49,0	58,9	48,8
Разница	11,0	15,2	19,9	14,0	12,9

Источник: составлено автором на основе официальной статистики ЕС¹.

Таблица 2
Представительство женщин в органах государственной власти в 2020 г. (%)

	Национальный парламент	Национальное правительство
ЕС (среднее по странам-членам)	32,7	31,9
Албания	30	50
Северная Македония	40	23
Сербия	38	19
Черногория	30	22

Источник: составлено на основе статистики от The Kvinna till Kvinna Foundation².

¹ Commission Staff Working Document Report 2021. Albania, BiH, Kosovo, Montenegro, North Macedonia, Serbia. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/news/2021-enlargement-package-european-commission-assesses-and-sets-out-reform-priorities-western_en (дата обращения: 27.12.2021)

² Gačanica L., Gjoshi R., Vrbaški S. (2020) Women in politics, gender-based violence and security for women human rights defenders in Albania, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, Montenegro, North Macedonia and Serbia. The Kvinna till Kvinna Foundation. P. 10–13. URL: https://kvinnaatillkvinna.org/wp-content/uploads/2020/11/The-KvinnatillKvinna-Foundation-report-WRWB_2020.pdf (дата обращения: 27.12.2021)

Лишь две страны-кандидата, Северная Македония и Сербия, вплотную подошли к условной 40%-й квоте представительства женщин среди депутатского корпуса и одна страна, Албания, среди женщин-министров в правительстве. Очевидно, что всем западнобалканским странам нужно увеличивать представительство женщин в правительствах и парламенте, где средний показатель – около 30%.

Таким образом, продвижение повестки о 40%-й квоте представительства женщин в органах государственной власти и крупных компаниях будет одним из важных направлений в регионе наравне с вопросами занятости и социальной защиты. Вероятно, что при нынешнем составе Еврокомиссии данный вопрос будет строго учитываться при оценке достижений страны-кандидата.

Выводы

Особую роль в продвижении политики гендерного равенства могут сыграть выборы в Европарламент 2024 г. Евросоюз будет побуждать страны Центральной и Юго-Восточной Европы поднять долю кандидатов в депутаты среди женщин, чтобы перейти 40%-ю квоту.

Хотя сейчас принимаются меры по совмещению повестки гендерной политики с сообществом сексуальных меньшинства (количество букв в акрониме которого увеличилось от LGBT до LGBTQI+), основной упор ЕС делает на борьбу с насилием в отношении женщин как в виртуальном, так и в реальном пространствах. Еврокомиссия готовится выдвинуть законопроект, связанный с данным направлением. Кроме того, предполагается включение преступлений на почве возбуждения ненависти и высказываний, разжигающих ненависть, в статью 83(1) Договора о функционировании ЕС. Однако вопрос является очень спорным ввиду того, что интерпретация этих преступлений может быть достаточно широкой.

Евросоюз пытается адаптироваться к новым реалиям занятости через создание прозрачной системы оплаты труда и принятия Общеευропейского персонального пенсионного продукта. С одной стороны, делается попытка не только сокращения разрыва в оплате труда между мужчинами и женщинами, но и подтягивания отстающих стран-членов ЕС до среднеевропейских показателей, особенно из Юго-Восточной Европы. С другой, – Брюссель делает шаг в выстраивании единого пенсионного пространства. Это ведет к формированию новых наднациональных механизмов по социальной защите в Евросоюзе. Помимо этого в настоящее время появляются новые нестандартные формы занятости и расширяются формы самозанятости граждан. Данные категории населения являются наиболее уязвимыми, особенно на фоне форсмажорных ситуаций, какой, например, была вспышка COVID-19. Новый пенсионный продукт позволит им формировать свою пенсию на добровольной основе, следовательно, они приобретут определенные социальные гарантии.

Данная сфера является одной из самых противоречивых во внутренней политике ЕС. Польша и Венгрия выступают в роли основных оппонентов стратегии гендерного равенства. В тех странах, которые планируют сопротивляться такой поли-

тике, будут поддерживаться любые движения, поддерживающие гендерную повестку. Задача истеблишмента Евросоюза разбить ядро лидеров неприсоединения внутри объединения, в особенности, в Польше и Венгрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Говорова Н.В. (2020) Рынок труда Европейского союза в цифровую эпоху: гендерный аспект. *Женщина в российском обществе*. № 3. С. 30–41. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.3

Gaçanica L., Gjoshi R., Vrbaški S. (2020) Women in politics, gender-based violence and security for women human rights defenders in Albania, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, Montenegro, North Macedonia and Serbia. The Kvinna till Kvinna Foundation. November 2020. URL: https://kvinnatillkvinna.org/wp-content/uploads/2020/11/The-KvinnatillKvinna-Foundation-report-WRWB_2020.pdf (accessed: 27.12.2021)

Lilyanova V. (2018) Women in the Western Balkans. Gender equality in the EU accession process. European Parliamentary Research Service. July 2018. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625139/EPRS_BRI\(2018\)625139_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625139/EPRS_BRI(2018)625139_EN.pdf) (accessed: 27.12.2021)

Psatha M. (2021) EU Gender Equality Strategy: Too Little but Not Too Late. *Green European Journal*. 19.03.2021. URL: <https://www.greeneuropeanjournal.eu/eu-gender-equality-strategy-too-little-but-not-too-late/> (accessed: 28.12.2021)

Scherpereel J. (2021) Pursuing ‘full gender equality’ in the European Commission: the case of a constrained selector. *European Politics and Society*. 17.11.2021. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epub/10.1080/23745118.2021.2003068?needAccess=true> (accessed: 29.12.2021)

Gender Equality Strategy 2020–2025: First Steps towards a Practical Implementation

D.R. Islamov *

Postgraduate Student

Institute of International Relations, Kazan Federal University.

1/55 Pushkina, Kazan, Russia, 420008.

***E-mail:** *dam1948@yandex.ru*

Abstract. In December 2019, Ursula von der Leyen was elected a new President of the European Commission, who commenced to promote the agenda for advancing gender equality. The Gender Equality Strategy 2020–2025 was presented in March 2020 by the European Commission. It aims at achieving a gender equal Europe by eliminating gender-based violence, sex discrimination and structural inequality between women and men. The implementation of this strategy will be based on a dual

approach of targeted measures to accomplish gender equality, combined with the gender mainstreaming and the principle of intersectionality. The author touches upon a set of key actions of gender policy designated in the relevant paper. In addition, this article reveals disputes between the EU Member States regarding the concept of gender equality. In particular, it refers to Poland and Hungary, which have become the "non-aligned movement's" leaders regarding the EU-wide gender policy. The purpose of the study is to examine strategic areas of the Gender Equality Strategy 2020–2025. The article also highlights the impact of the EU's gender agenda on the Western Balkan countries under the enlargement policy. It primarily refers to the candidate countries (Albania, North Macedonia, Montenegro, Serbia) which are conducting EU accession negotiations.

Keywords: gender, gender policy, gender equality, Gender equality strategy, European Union, European Commission, Ursula von der Leyen.

DOI: 10.31857/S0201708322020152

REFERENCES

Gaçanica L., Gjoshi R., Vrbaški S. (2020) Women in politics, gender-based violence and security for women human rights defenders in Albania, Bosnia and Herzegovina, Kosovo, Montenegro, North Macedonia and Serbia. The Kvinna till Kvinna Foundation. November 2020. URL: https://kvinnatillkvinna.org/wp-content/uploads/2020/11/The-KvinnatillKvinna-Foundation-report-WRWB_2020.pdf (accessed: 27.12.2021)

Govorova N.V. (2020) Рынок to внутренней политике ЕС. ruda Evropejskogo soyuza v cifrovuyu epohu: gendernyj aspect [The European Union market in the digital age: gender features]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. No 3, pp. 30–41. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.3 (in Russian).

Lilyanova V. (2018) Women in the Western Balkans. Gender equality in the EU accession process. European Parliamentary Research Service. July 2018. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625139/EPRS_BRI\(2018\)625139_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2018/625139/EPRS_BRI(2018)625139_EN.pdf) (accessed: 27.12.2021)

Psatha M. (2021) EU Gender Equality Strategy: Too Little but Not Too Late. *Green European Journal*. 19.03.2021. URL: <https://www.greeneuropeanjournal.eu/eu-gender-equality-strategy-too-little-but-not-too-late/> (accessed: 28.12.2021)

Scherpereel J. (2021) Pursuing 'full gender equality' in the European Commission: the case of a constrained selector. *European Politics and Society*. 17.11.2021. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epub/10.1080/23745118.2021.2003068?needAccess=true> (accessed: 29.12.2021)

=====

РЕЦЕНЗИИ

УДК 339.9, 338.45, 334.7

**ПЕРСПЕКТИВЫ НЕМЕЦКИХ
«СКРЫТЫХ ЧЕМПИОНОВ» В КОНТЕКСТЕ
АКТИВИЗАЦИИ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

© 2022 **АНДРЕЕВА Елена Леонидовна***

Доктор экономических наук

Институт экономики УрО РАН. 620014, Россия,

Екатеринбург, ул. Московская, д. 29.

***E-mail:** andreeva.el@iuec.ru

Поступила в редакцию 07.12.2021

После доработки 21.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Ключевые слова: Германия, «скрытые чемпионы», экспорт, цифровизация, технологическая конкуренция, Европа, США, Китай.

DOI: 10.31857/S0201708322020164

Немецкий профессор, председатель международной консалтинговой фирмы «Simon-Kucher&Partners», Герман Симон известен как автор концепции компаний – «скрытых чемпионов» (СЧ). Он изучает их уже 30 лет¹. Новая книга Г. Симона «Скрытые чемпионы: Новые правила игры в век Китая»² освещает деятельность СЧ на фоне современных мирохозяйственных изменений. СЧ – один из драйверов немецкого экспорта. Это относительно небольшие компании – лидеры в своём узком сегменте мирового или континентального рынка, которые за пределами своего сегмента могут не иметь широкой известности. Они стали успешными благодаря глобализации. Зародившись в Германии и других немецкоязычных странах, они

¹ Е.Л. Андреева, в частности, в 2005 г. перевела книгу Г. Симона «Hidden Champions – Lessons from 500 of the World's Best Unknown Companies» (Cambridge: Harvard Business School Press, 1996).

² Simon, H. (2021) Hidden Champions: Die neuen Spielregeln im chinesischen Jahrhundert. Campus, Frankfurt. 280 p.

иллюстрируют выигрыш, извлекаемый из глобализации развитыми экономиками (в Германии – 1573 СЧ, 2-е место – у США – 350, 3-е – у Японии – 283) (здесь и далее статистика и факты взяты из книги Симона). Но в последние десятилетия в мировой экономике происходят существенные изменения, и Г. Симон детально их разбирает, обрисовывая новую среду для СЧ Германии – лидирующей по данному феномену страны.

Во-первых, на смену глобализации пришла относительная деглобализация. Мировой экспорт растёт уже медленнее ВВП, и в перспективе будет замещаться ПИИ. Согласно концепции автора, одна из сил, которая «спасёт» международные экономические отношения и компенсирует торговые рестрикции – это цифровизация. Она ускорит международный обмен. Одновременно это и вызов, так как она предъявляет новые требования.

Во-вторых, на СЧ Германии и других развитых стран влияет активизация на мировом рынке развивающихся экономик, в первую очередь китайской. Так, молодых компаний с капитализацией выше 1 млрд евро в Китае (203) даже больше, чем в США (195) и на порядок больше, чем в Германии (24). Активизация Китая наблюдается и в качестве конкурента на мировом рынке по товарам обрабатывающей промышленности, в том числе высокотехнологичным. Эта страна иллюстрирует яркий пример трансфера технологий из развитых стран в развивающиеся с последующей их локализацией и развитием собственной технологической базы. В Китае уже изготавливается 4/5 батарей для электромобилей [Simon, 2021]. В итоге, выходя на международный рынок, Китай изменяет свойства рынка СЧ: с моно- или олигополии на более свободную конкуренцию в рамках узких сегментов. Удастся ли эта глобализация (с расширением круга китайских СЧ) или влияние мировой тенденции деглобализации окажется здесь решающим? Пока сложно сказать, но уже известно, на чём можно фокусировать будущие наблюдения.

В-третьих – и это проходит лейтмотивом через всю книгу – заметно усиление технологической конкуренции между странами. Она проявляется в возникновении рынков будущего. Автор обращает внимание на то, что, хотя СЧ в Китае немногочисленны (97), но у них существенно больший штат исследователей и разработчиков.

В-четвёртых, существенным стал такой тренд, как стремление к устойчивому развитию. Есть даже мнение, что устойчивое – это новое цифровое. Как и цифровизация, тренд на устойчивость начинает изменять все сферы экономики, генерирует новые отрасли («смещает» прибыльность отраслей).

Главный фокус книги – анализ и прогноз новых правил игры в мировой экономике с целью ответить на вопрос, что может оставаться сравнительным преимуществом немецких СЧ в меняющихся условиях. И каковы могут быть инструменты адаптации к новым факторам международной экономики?

Самый сложный вопрос касается деглобализации. Здесь можно привести такое важное конкурентное преимущество немецких СЧ, освещаемое в книге, как лояльность мультикультурализму: они готовы принимать в свой штат представителей зарубежных стран и создавать для них комфортную среду, а немецкие сотрудники готовы работать за рубежом. При этом немецкие СЧ предоставляют

своим зарубежным филиалам достаточно большую автономию. Это способствует созданию ТНК, работающих по принципам СЧ. Ответом на вызовы деглобализации являются и другие конкурентные преимущества немецкоязычных СЧ.

Относительно цифровизации автор отмечает, что СЧ с этим вызовом справляются успешно: цифровизация произвела многочисленных новых СЧ, предлагающих услуги с применением цифровых методов. Так, производятся и поставляются во многие страны «домашние офисы» (программное обеспечение компании *Teamviewer* (Германия). Европа лидирует в сфере искусственного интеллекта и робототехники. Но по доле патентов, относящихся к цифровизации, Германия уступает, например, Финляндии (14 против 41%). Большой успех, в сравнении с немецкими цифровизованными СЧ, имеют *Apple*, *Google*, *Facebook*, китайская компания *Alibaba*.

Тренду устойчивости СЧ также соответствуют инновационные, более экологичные технологии, чем также выгодно отличаются немецкие СЧ, дающие достойный ответ и этому вызову. В качестве примеров автор приводит аддитивное производство, электрический вертолёт, электромоторы для лодок, водородный поезд и др. В Германии из компаний с наибольшим применением патентов 35% – это СЧ. По числу европейских патентов на душу населения (2010-2019 гг.) Германия стоит на 3-м месте, США – на 10-м. Китай в десятки раз уступает США. Его технологическая конкурентоспособность высока в абсолютном выражении, но не всегда в относительном. Так, ему принадлежат 2/5 патентов в области ветроэнергогенерации. Но из них лишь 300 – мирового класса, в то время как у Германии – 958. Если из 8,5 тыс. немецких компаний в Китае большая часть – *greenfield*-проекты (созданные с нуля, не на базе имевшегося производства), то на примерно 4 тыс. китайских компаний в Германии *greenfield*-фабрик немного. Таким образом, Германия в части компаний – «скрытых чемпионов» находится в авангарде разработки и применения технологий.

Говоря об активизации участия развивающихся стран, в первую очередь Китая, на международном рынке, о глобализации китайских компаний, книга Г. Симона разводит главное конкурентное преимущество для СЧ развитых стран (Германии и др.) и СЧ развивающихся. Для немецких СЧ конкурентное преимущество – характеристики товара, в том числе его инновационность, обеспечивающая трудность его имитации, для азиатских СЧ – цена. Этим они вновь изменяют свойства рынка СЧ. Трудность ещё и в том, что ускорилось обновление запросов потребителей, и СЧ всё чаще нуждаются в переналадке своей узкой специализации.

Таким образом, книга позволяет резюмировать, что постепенно происходит трансфер технологий из развитых стран (в т.ч. из Германии) в развивающиеся (Китай и др.), которые из покупателей высокотехнологичных товаров превратились в их производителей по лицензиям, и уже сами вырабатывают всё больше патентов. Если развитые страны свой экспортный высокотехнологичный потенциал в лице СЧ поддерживают и развивают через постоянную генерацию новых технологий, то у развивающихся стран (Китая и др.) стремительно наращивается число предприятий, работающих с технологиями (пусть они пока и не СЧ). Они меняют свойства рынка СЧ, увеличивая для «скрытых чемпионов» число конкурентов и привлекая

фактор ценовой конкуренции. В перспективе они могут занять место на расширяющемся потребительском рынке других развивающихся стран.

В этих условиях, по прогнозам книги Г. Симона, немецким компаниям для того, чтобы быть ведущими на глобальном рынке, необходимо иметь одинаково устойчивые позиции в США и Китае, которые будут оставаться важнейшими целевыми рынками. Поддерживая конкурентоспособность относительно США и Китая, немецкие СЧ вынуждены сохранять традиционный для них высокий уровень инноваций, в том числе в области функциональности и уникальности товаров, цифровизации как условия общения с производителями и потребителями, в области устойчивости как важнейшего требования существования и развития в современных условиях; высокий уровень интегрируемости с зарубежными факторами производства (в т.ч. с высококвалифицированной рабочей силой), чтобы создавать позитивно воспринимаемые зарубежные филиалы. Они вынуждены проявлять большую гибкость в специализации. В не меньшей степени успех немецких СЧ будет зависеть от общего уровня развития и менеджмента в сфере промышленности и образования Германии и Европы в целом.

Perspectives of German “Hidden Champions” in the Context of Activation of Chinese Economy

(Review of the book: Simon, H. (2021). Hidden Champions: Die neuen Spielregeln im chinesischen Jahrhundert. Campus, Frankfurt. 280 p.)

E.L. Andreeva *

Doctor of Science (Economics)

Institute of Economics of Ural Branch of RAS.

29, Moskovskaya Str., Ekaterinburg, Russia, 620014.

***E-mail:** *andreeva.el@uiec.ru*

Keywords: Germany, “hidden champions”, exports, digitalization, technological competition, Europe, USA, China.

DOI: 10.31857/S0201708322020164

IN MEMORIAM

Александр Абрамович ГАЛКИН

24.07.1922 – 25.01.2022

25 января 2022 года на 100-м году ушел из жизни доктор исторических наук, профессор Александр Абрамович Галкин, выдающийся советский и российский учёный, создавший целое направление в отечественной политической науке. Его жизненный путь соединил в себе разностороннее проявление творческого таланта, поступков, выходящих за рамки обычного человеческого бытия. Участник войны уже на ее начальном, самом трагическом этапе, офицер, служивший в группе советских войск в Германии, историк по образованию и германист по основному направлению своей научной деятельности – это лишь некоторые грани его жизни.

После войны А.А. Галкин активно проявил себя на поприще международной журналистики, но его главные заслуги лежат в сфере большой науки. Институт мировой экономики и международных отношений, Институт международного рабочего движения, Институт социологических исследований – вот основные академические учреждения, где проявился талант крупного исследователя современной европейской политики. В 1980-е гг. он создавал политологическое направление в Институте общественных наук. В 1990-е гг. Александр Абрамович, помимо академического творчества, разрабатывал политологическую проблематику в «Горбачев-фонде».

В Институте Европы РАН А.А. Галкин был постоянным участником крупных мероприятий; одно лишь перечисление его публикаций в изданиях Института заняло бы несколько страниц. Можно вспомнить блестящие главы А.А. Галкина в книгах многотомной серии ИЕ РАН «Старый Свет – новые времена». В коллективной монографии 2017 года «Европа XXI века. Новые вызовы и риски» (под общ. ред. Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова) А.А. Галкин не только охватил свой взгляд европейское общественное сознание, но и наметил перспективы его развития в вихре мировых противоречий. Так распорядилась судьба, что эта работа стала эпилогом творческого пути истинного интеллектуала, человека многих достоинств, учёного с высокой патриотической и гражданской позицией.

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

- 08.00.00 – экономические науки;
- 22.00.00 – социологические науки;
- 23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

